

ДЕНЬГИ СССР

801-98

№ 5193709

Ы 0210239

Ы 0210239

38-9056077

Ы 8692819

Ы 595132

Ы 6788

ПЯТЬ РУБЛЕЙ
ПЯТЬ КАРБОНАМІЛІВ ДЕСЯТЬ РУБЛЕУ
ПЯТЬ СОМ - ОН СОМ - ДАХ СУМ - СУУ
ПЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ
ПЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ

ДЕСЯТЬ РУБЛЕУ
ДЕСЯТЬ КАРБОНАМІЛІВ ДЕСЯТЬ РУБЛЕУ
ДЕСЯТЬ СОМ - ОН СОМ - ДАХ СУМ - СУУ
ДЕСЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ
ДЕСЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ

ПОДАЄНА ЄДИНОЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЮ
БАНКОМ ССРС
ПРЕСЛЕДУЄТЬСЯ
ПО ЗАКОНУ

ПЯТЬ КАРБОНАМІЛІВ ПЯТЬ РУБЛЕУ
ПЯТЬ СОМ - ОН СОМ - ДАХ СУМ - СУУ
ПЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ
ПЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ

ПЯТЬ КАРБОНАМІЛІВ ПЯТЬ РУБЛЕУ
ПЯТЬ СОМ - ОН СОМ - ДАХ СУМ - СУУ
ПЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ
ПЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ

ДЕСЯТЬ РУБЛЕУ
ДЕСЯТЬ КАРБОНАМІЛІВ ДЕСЯТЬ РУБЛЕУ
ДЕСЯТЬ СОМ - ОН СОМ - ДАХ СУМ - СУУ
ДЕСЯТЬ РУБЛІ - ОН РУБЛІ - ДАХ СУМ - СУУ

ДЕНЬГИ

СССР

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 336.7(47+57)
ББК 65.262.6
P12

P12 Деньги СССР / П.Рабин. – Москва: Издательство АСТ, 2015. – 229 с.: ил. – (Сделано в СССР).

ISBN 978-5-17-079761-5

Червонцы, керенки, думки, совзнаки. Что связывает эти слова с историей СССР? Ответ на этот и другие вопросы поможет найти эта книга, построенная как путешествие во времени от одной денежной реформы к другой. На ее страницах читатель обнаружит множество любопытных фактов из истории советских денег.

Сколько стоила шестиструнная балалайка?

Кто мог купить автомобиль «Москвич»?

Что было дешевле телевизор «Темп-6» или мопед «Рига III»?

Куда исчез золотой запас Российской империи во время Гражданской войны?

Кто был в СССР «фальшивомонетчиком № 1»?

УДК 336.7(47+57)
ББК 65.262.6

ISBN 978-5-17-079761-5

© ООО «Издательство АСТ», 2015
© 2015 Рабин П.

ДЕНЬГИ

СССР

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге читатель найдет историю советских денег в прямом смысле этого слова – от первых дней советской власти до ее заката. Книга построена как путешествие во времени от одной денежной реформы к другой. Помимо собственно истории монет и купюр (кто и как «творил» денежные знаки Советского Союза, какие картинки выбирались и почему), книга посвящена и ценам – листая страницы, читатель обнаружит множество любопытных фактов и узнает, где какие товары и почему продавались в советском государстве.

Советскую жизнь только сейчас можно оценить по достоинству как совершенно автономную цивилизацию, одним из преимуществ которой было фактическое приближение к безденежному обмену услугами и предметами, чья «товарная стоимость» исчислялась не в рублях, а в «ресурсе», в возможности «получения» того или иного блага. Неважность и нецарственность денег в советской стране первыми чутко уловили Илья Ильф и Евгений Петров, показавшие в «Золотом тельняшке» бессмысленность «денежного» богатства, обесцененность денег именно как фетиша, эквивалента власти. Даже обладая миллиардами, в советской стране невозможно было стать «значимым» – значимость придавалась совершенно другими способами (партийной карьерой, например), а на «верхних» этажах жизни возникал тот самый коммунизм – предоставление всех благ по желанию «небожителя» без какого бы то ни было эквивалентного обмена на деньги.

Но и на «нижних» этажах системы деньги значили меньше, чем, например, талоны на хлеб и другие продукты либо маленький листочек со словом «ордер». Блага не продавались (обмен на деньги), а именно давались (признание права на блага).

Однако, разумеется, и купюрам, и монетам место в этой системе находилось. И книга посвящена им – деньгам Советского Союза.

В 1917 г. Россия вступила с такими проблемами в хозяйственной жизни, что деньги были лишь мелким штрихом всеобщего развала. Принято все сопоставления с «досоветским» вести, отталкиваясь от данных 1913 г.

Вот цены и заработки

Средние цены на основные продукты и на рабочие руки в Петербурге в 1913 г.

Название товара	Мера или вес	Средняя цена в 1913 г. в руб.	Название товара	Мера или вес	Средняя цена в 1913 г. в руб.
Мясо I сорт	пуд	9,38	Сметана пресная	пуд	7,385
Мясо II сорт	пуд	8,18	Яйцо	дес.	0,30
Телятина I сорт	пуд	13,00	Яблоки антоновские	пуд	3,65
Свинина I сорт	пуд	8,225	Хлеб ржаной, обычная мука	фунт	0,03
Лещ живой	пуд	12,99	Хлеб ситный из первача	фунт	0,05
Щука живая	пуд	13,27	Крупа греч.	пуд	1,515
Караси морож.	пуд	8,48	Мука крупчатая I сорт	пуд	2,785
Судак морож.	пуд	10,50	Масло сливочное чухонское I сорт	пуд	15,25
Салака морож.	пуд	6,83	Масло русское I сорт	пуд	16,63
Куры I сорт	пара	1,935	Лук репчатый	четверть	1,01
Капуста свеж.	кочан	0,185	Морковь	сотня	1,64
Картофель	четверть	0,705			
Плата рабочим (руб.)					
Землекоп	1 день	1,50	Слесарь	1 день	2,63
Каменщик	1 день	1,975	Столяр	1 день	2,345
Кузнец	1 день	2,26	Токарь	1 день	2,50
Плотник	1 день	1,875	Чернорабочий	1 день	1,24

Чтобы было понятнее, уточним: пуд – это 16 кг, четверть пуда соответственно – 4 кг, фунт – 400 г. Если разнорабочий (чернорабочий, как тогда называли) работал, скажем, 22 дня в месяц, то зарабатывал 27 рублей. На эти деньги можно было купить пуд мяса первого сорта (примерно 500 г в день – это норма на 5 человек), полпуда рыбы, пуд муки, килограмм масла сливочного, килограмм масла растительного и достаточное количество яиц, ово-

щей, круп. Остались бы сущие копейки, но зато пятерых кормил один. Разумеется, если вычесть все расходы на жилье, одежду, обувь, ситуация бы поменялась. Но если взять не чернорабочего, а токаря, например, получающего в два раза больше, то мы увидим прекрасный доход.

Ужасом была безработица. Лишившись ежедневного заработка в 1–2 рубля, человек моментально оказывался на краю голодной смерти.

Но, однако, фон русской экономики на начало советских реформ был неплохим. Многие изменила Первая мировая война, мигмом обесценившая достижения прошлых лет. Коснулось это и денег, самих купюр, которые в условиях инфляции больше не отвечали своему «содержанию». К октябрю 1917 г. в России имели хождение следующие деньги: «царские» казначейские билеты (сильно обесценившиеся во время Первой мировой, но привычные; тем не менее весенняя эмиссия – ускоренный выпуск бумажных денег – 1917 г. предлагала их «упрощенные варианты», вызывавшие недоверие народа); «думские» казначейские билеты (выпущенные сразу после февральских событий), наконец, так называемые «керенки» (выпущенные перед самыми октябрьскими событиями по упрощенной технологии). Разменной монетой служили «деньги-марки» (выполненные в виде марок «копейки», «пятакчи», «десятчики»). Все это и стало началом советских денег, так что расскажем об этих деньгах подробнее.

Надо понимать, что национальная денежная масса хороша тогда, когда твердо обусловлена золотым запасом. К началу Первой мировой войны обеспечение было избыточным: кредитных билетов (так назывались бумажные деньги того времени) ходило по стране на 1664 млн рублей, а золотого запаса Государственного банка было на 1695 млн рублей – 1311 тонн чистого золота (причем за границей размещена была десятая часть этой суммы). Таким образом, «золотое покрытие» составляло 101,8% – это давало право на эмиссию (выпуск новых бумажных денег) на сумму в 330,5 млн рублей.

Но война не могла не сказаться на финансовой системе. Сначала остановили обмен кредитных билетов на золото и полностью перешли на бумажные деньги, потом сами себе разрешили эмиссию, превышающую «золотое

▲ Банкнота 40 рублей образца 1917 г.

▲ Банкнота 1000 рублей образца 1917 г.

покрытие», до 1,5 млрд рублей, а к концу 1916 г. наштамповали бумажных денег на 6,5 млрд рублей, не обеспеченных никаким золотом. Правда, золотой запас за годы войны немного пополнился, однако все равно не покрывал бумажную массу. Да еще пятую часть золота вывезли в Англию, рассчитываясь за предоставление кредитов под военные заказы. Если перейти к строгим цифрам, то от той ситуации, что была в 1913 г. («золотое покрытие» превышало бумажные массы денег), Россия вошла в 1917 г. с золотым обеспечением денежных бумаг в 16,2% (деньги стали примерно в 6,5 раз «слабее», чем в 1913 г.).

После Февральской буржуазной революции на смену царской администрации пришло Временное правительство. Россия продолжала воевать, экономика была расшатана, и уже 4 марта 1917 г. принимается решение об эмиссии (выпуске в оборот ничем не обеспеченных денежных знаков). К октябрю их количество составило 16,5 млрд рублей (в 2,8 раза больше, чем на начало года). Временное правительство начало выпуск особых купюр достоинством 250 рублей и 1000 рублей. Двуглавый орел без короны был изображен на фоне свастики. Свастика уже использовалась в рисунке марок консульских сборов. Клише именно этого рисунка было положено в основу новых денежных знаков. Кроме того, на купюре было изображено здание Государственной думы (Таврический дворец в Петербурге). Поэтому эти купюры стали называть «думскими», или «думками».

К лету 1917 г. Временное правительство приняло решение о печати огромного количества банкнот номиналом 20, 40, 250 рублей. Только 250-рублевая банкнота имела более-менее качественную прорисовку, а 20- и 40-рублевые выполнялись по упрощенному рисунку. Поступали они

в кассы и расчетные центры неразрезанными – в виде больших листов, где было напечатано по 50 купюр. Эти деньги называли «керенками», ударение ставили и на первый, и на второй слог.

Существует ряд легенд об эпохе хождения «керенок» (они продержались до 1922 г. – почти до конца Гражданской войны). Например, что их печатали (вполне официально) в походных фронтовых условиях, никто не следил за количеством и качеством этой печати, генералы-военачальники принимали решение о самовольном выпуске «керенок» для своих нужд. Встречается

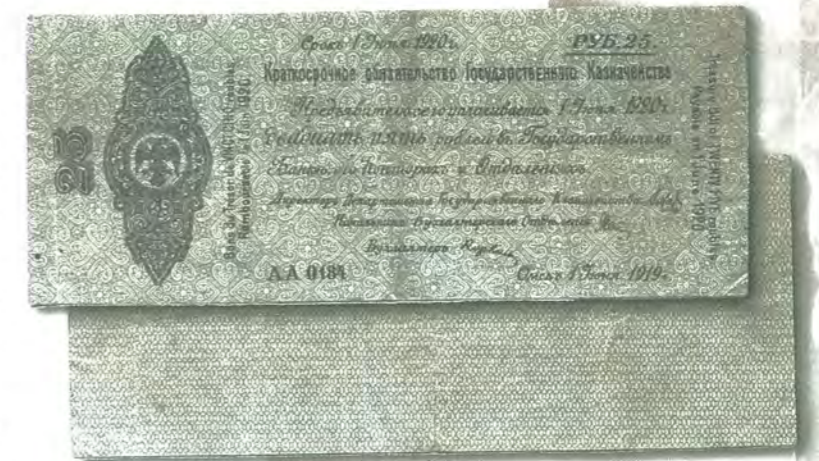
▲ Банкнота 250 рублей образца 1917 г.

устойчивое мнение, что сейчас различать фальшивые и правильные «керенки» бессмысленно – таковы были условия их выпуска.

«Речь шла о марках, выпущенных еще Центральной Радой. Назывались эти марки «шагами» и обрабатывались они на рынке наряду с «керенками». Я ответил, что на базаре выменял «керенки» на марки и никакого представления не имел, что они фальшивые. На самом же деле мне эти фальшивые марки принес Матус Канин перед нашим отъездом из Екатеринослава. Действительно, в 1919 году на рынок выбрасывали много фальшивых денег, они создавали инфляцию и повышали цены на продукты». Григоров Г.И. «Махно»

В то же время «керенка» считалась не такой уж и пустой «бумажкой» – уже после революции население ей вполне доверяло, а на китайской границе для удобства мелких расчетов 20- и 40-рублевые «керенки» даже «четвертовали» (разрезали на четыре части), получая «уголки» достоинством 5 и 10 рублей. И эти кусочки считались совершенно приемлемыми при торговле.

Тем не менее инфляция постепенно съедала «керенки», кроме того, вместе с Гражданской войной началась и война «национальных валют».

▲ Банкнота 25 рублей образца 1919 г.

На момент революции цена рубля была $8 \frac{3}{4}$ копейки. С 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. цены выросли на 194%, а с 1 января по 1 декабря 1917 г. – на 426%. К Октябрьской революции хлеб по сравнению с 1914 г. подорожал в 16 раз, картофель – в 20 раз, сахар – в 27 раз.

Временное правительство продолжило выпуск дореволюционных денежных знаков (так называемых «романовских», «царских»: их прятали в кубышку до лучших времен), «керенок» (простеньких купюр «временного»

▲ Банкнота 50 копеек образца 1919 г.

характера) и «думок» (неудобными вариантами 250 и 1000 рублей). Но сразу после революции откололись отдельные территории, немедленно занявшие собственной эмиссией, а заодно и войной с деньгами «конкурентов». Например, поперек купюр писались резкие выражения: «Обманули комиссары, кучу денег надавали, а теперь за эти знаки ты не купишь и собаки». На отдельных территориях доверие к денежным знакам вообще было крайне низким, на других их охотно брали. Правительства автономных республик, возникших по всей территории России, стремились сами обеспечить себя локальной валютой. Вообще всего в обращении было тогда не менее 5000 разных денежных систем (купюр с разными названиями, оформлением, номиналом и т. п.).

Золотой запас России

Александр Васильевич Колчак, взявший на себя ответственность за Белое движение в целом (фактически – лидер Антанты), получил в свое распоряжение золотой запас России (505 т), захваченный в Казани во время взятия города белыми в 1918 г. «Приключения» золотого запаса многократно описаны; при перемещениях по России он «худел» на целые тонны. Всего на момент Первой мировой войны Россия хранила крупнейший в мире золотой запас в 1311 т (для сравнения – сегодня у России официального золота 1013,8 т; в США – более 8 тыс. т; однако официальное золото в России составляет всего 9 % от общих запасов, то есть частного золота в 10 раз больше, чем официального, а в Америке – почти 75% и, следовательно, суммарно

меньше, чем в России). За время войны часть золота была передана союзникам, и к моменту захвата банков большевиками золота хранилось там 852 т.

Золото хранилось в Москве, и с началом Первой мировой войны еще царским правительством было принято решение переместить запасы в глубь России. Местом размещения золота была выбрана Казань, подвалы Государственного банка. Неразбериха первых послереволюционных дней коснулась и золотого запаса – большевики не сразу приняли решение о вывозе золота из Казани. Армия В.О. Каппеля так стремительно подошла к Казани и захватила ее, что готовящаяся эвакуация золота провалилась. Большевикам удалось вывезти лишь незначительную часть ценностей; остальное оказалось в руках В.О. Каппеля. Он собирается сохранить все это богатство для Белого движения. Золото (и другие ценности – платина, серебро) было погружено в железнодорожный состав и отправлено поначалу в Самару, затем в Уфу, наконец, все было доставлено в Омск, в ставку Колчака – признанного Верховного правителя России.

Там золото пересчитали и убедились, что всего в Омске хранится 505 т золотого запаса. Золото аккуратно упаковали в железнодорожные вагоны для отправки в глубь Сибири (40 вагонов золота и 12 вагонов штабных). Однако вся Транссибирская магистраль контролировалась белочехами. Последние относились к Колчаку враждебно в связи с

▲ А.В. Колчак

▲ Банкнота 3 рубля образца 1919 г.

▲ Вице-адмирал А.В. Колчак – командующий Черноморским флотом. Январь 1917 года

▲ Банкнота 10 рублей образца 1909 г.

▲ Банкнота 5 рублей образца 1909 г.

репрессиями, которые он инициировал. Поэтому поезд был остановлен на станции Нижнеудинск. 27 декабря 1919 г. Колчак подписал отставку с поста Верховного правителя и был отдан в руки большевиков (расстрелян без суда и следствия). Чехи передали золото большевикам в обмен на беспрепятственный выезд на родину. Государственным банком было посчитано, что Колчак воспользовался 182 т золота из 505 т (большая часть этого золота оказалась в иностранных банках; ни СССР, ни Российская Федерация после 1991 г. не смогли добиться возвращения золота Российской империи).

При проверке обнаружилось, что во многих ящиках вместо золотых слитков лежат кирпичи.

На сегодня существует несколько легенд, в основе которых лежит уверенность, что часть золота Колчака спрятана где-то в Сибири. Однако самый тщательный поиск (в том числе и силами КГБ) результатов не дал. Так что тайна остается нераскрытой.

С 1918 г. Россия вступила в период гиперинфляции. Проблема денег решалась исключительно эмиссией – за счет печатания все большего количества ничем не обеспеченных банкнот. Каждое местное правительство, не получая поддержки из центра, бралось за создание собственных «бон» – расчетных знаков. Так, Сибирское правительство наладило выпуск «сибирок».

В харбинских мемуарах генерал-лейтенанта Георгия Клерже обнаруживаем такую историю: «Но по дороге в вагоне, где-то около Кургана, мне пришлось столкнуться с существованием различной расценки денежных знаков, причем сибирские, как оказалось, котировались ниже думских, которые, в свою очередь, шли дешевле царских. За пуд партии пшеницы, только что проданной по 22 рубля «керенок», было уплачено частью по 25 «сибирских», а частью 20 «царскими». Это объяснялось близостью фронта, где «керенки», ходившие по обе его стороны, считались более удобными, чем «сибирские», имевшие одностороннее хождение. И тут большевики, не считавшиеся с населением и различными этическими и справедливыми требованиями и просто принуждавшие к исполнению своих желаний, достигали того, что преимущество было не на стороне белых».

Сибирское правительство полагало, что неограниченная печать новых «керенок» и есть причина краха экономики, поэтому надо срочно перейти на свои денежные знаки. Колчак с таким мнением профессиональных финансистов был согласен, и вскоре были напечатаны «5%-ные обязательства» Колчака, где он поручался в деньгах своим честным именем. Идея была такова – буквально через год большевизм будет сломлен, и с людьми по этим «обязательствам» рассчитаются настоящими золотыми рублями.

Однако вышло все не так гладко. Офицеры и генералитет немедленно объявили «обязатель-

▲ Монеты: 3 рубля образца 1872 г.
25 рублей образца 1876 г.
5 рублей образца 1899 г.
10 рублей образца 1775 г.

▲ Банкнота 500 рублей образца 1912 г.

▲ Банкнота 5 рублей образца 1918 г.

ствам» бойкот и потребовали расчета золотыми рублями. Так как Колчак распоряжался тогда золотым запасом России, где большая часть золота хранилась в золотых рублях (0,774 г на каждый рубль), то вопрос был решен – жалованье выплачивалось золотом. Зато простые солдаты получали такие «обязательства», да еще иногда одной купюрой крупной номинации на 3 человек. Местное население к этим «квитанциям» относилось с подозрением: это была крайне плохо с полиграфической точки зрения выполненная печать, еще и с грамматической ошибкой, а на обороте вообще не было ничего, кроме узоров фона. Доверия новые деньги не вызывали.

Тем не менее Сибирское правительство запретило хождение «керенок». В короткие сроки все купюры этого типа надо было сдать в банки, причем продление срока сдачи сопровождалось падением курса обмена «керенок» – вначале 50 копеек за рубль, а потом и 25.

Для воздействия на «несознательных» были придуманы любопытные агитационные мероприятия. Например, неразрезанные листы изъятых из банков «керенок» («штуки») подвергались погашению путем печатания на их лицевой стороне агитационных лозунгов и разбрасывались с аэропланов. Но положительного эффекта это не принесло. Напротив, генералы стали жаловаться, что отмена «керенок» понизила «наступательный дух» Белой армии. Если раньше, находя в карманах пленных и убитых красноармейцев немало «керенок», белые войска получали замечательную «прибавку к жалованью», теперь этот «бонус» у них отняли.

«Где рельсы слепли и чесались,
Едва с пургой соприкасались,
Где слышалось: вчерась, ночесь,
И в “керенку” ценилась честь»..

Пастернак Е. «Высокая болезнь»

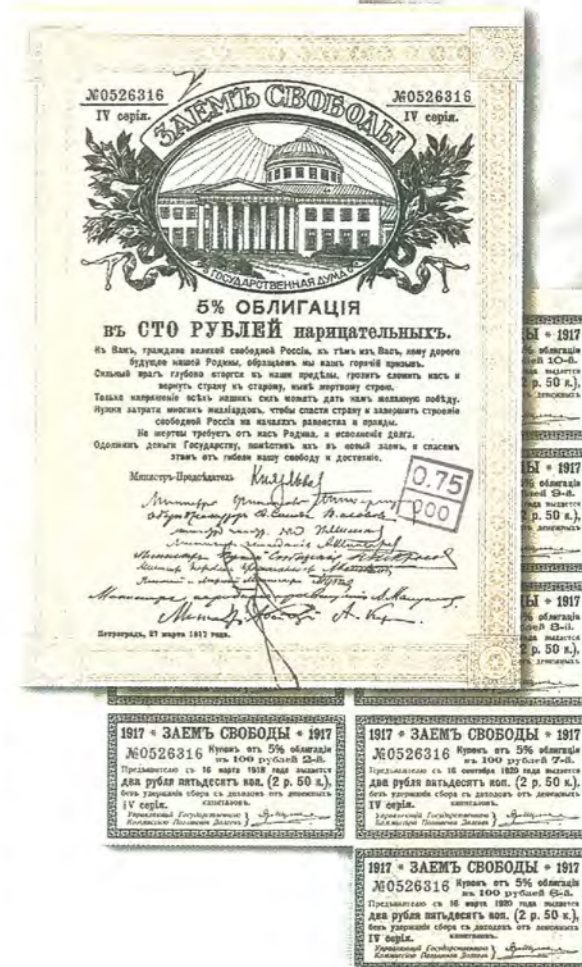
В общем, стоит согласиться с тем же Клерже, что попытки привести в порядок денежное обращение на «белой» стороне Гражданской войны были провальными. «Керенки» упразднили, а «романовские» (печать которых большевики тоже не прекращали) – нет. Никто из советчиков Колчака не подумал проанализировать реальную значимость «керенок» при расчетах.

Золото генерала Семенова

Часть золотого запаса Колчак направил в США. Однако в сентябре 1919 г. этот эшелон был захвачен генералом Г.М. Семеновым, в 1921 г. эмигрировавшим в Маньчжурию, где он был арестован в 1945 г. советскими службами, а через год казнен. В следственном деле атамана Семенова была обнаружена записка советских финансистов, высчитавших объем золотого запаса, присвоенный Семеновым:

«Семенов захватил 2 вагона примерно с 2 тыс. пудов золота на сумму:

- 1) Золото монетой 550 ящиков на сумму 33.000.000 руб.
- 2) Зол. слитки Петроградского Международного коммерческого банка, 243 слитка, №№ ящ. 455–494 на сумму 2.118.553,10 руб.
- 3) Зол. слитки Русско-Азиатского банка, 338 слитков, №495–545, 51 ящик – 3.246.121,20 руб.
- 4) Зол. слитки частных аффинеров, 329 слитков, №№ ящ. 374–453, 80 ящиков – 5.193.069,76 руб.

▲ Облигация 100 рублей образца 1917 г.

▲ Боны Закавказского комиссариата 3 рубля образца 1918 г.
▶ 10 рублей образца 1917 г.

5) Вырубки от слитков частных банков (17 пакетов) ящик № 546, 1 ящик – 486.598 руб.

Итого 722 ящика на 44.044.342,06 руб.

Что по советскому курсу (на май 1946 г.) составляет условно 203.374.749,2 руб.

Выдано по распоряжению Семенова (по арх. данным)

28/XI 19 г. на нужды интендантства – 190.410 р.

13/XII 19 г. ген. Унгерну-Штернбергу – 285.610 р.

31/XII 19 г. полк. Серпуховскому – 190.410 р.

Итого: 666.430 р.»¹

Согласно материалам следствия, Семенов деньги положил в Гонконгско-Шанхайский банк, пытался в 1930-е гг. забрать их, но получил отказ. Считается, что и по сей день золото хранится в банке, и задача России – добиться его возвращения и включения в золотой запас страны.

Что касается советской ситуации, она тоже не была радужной.

1917–1918 гг.

Помимо запуска печатного станка по выпуску «керенок» и «романовских» денег, большевистское правительство специальными декретами разрешило печать аннулированных ранее займов и купонов процентных бумаг Государственного дворянского земельного банка и Крестьянского поземельного банка.

«Граждане! Помните, что правительству Свободной России нужны деньги: без денег нельзя организовать продовольственного дела, без денег нельзя наладить транспорта, без денег нельзя одеть и накормить нашу армию, без денег невозможно устройство Свободной России. Подписывайтесь на Займ Свободы 1917 года».

Текст листовки 1917 года.

▼ Банкнота 3 рубля образца 1917 г.

▲ Банкнота 5 рублей образца 1917 г.

Затем к этой армии денежных знаков добавились многоцветные билеты Государственного казначейства (на 9 и 12 месяцев под 5%). В феврале 1918 г. вернулись облигации «Займа Свободы» 1917 г. (их печатали первоначально в США по заказу Временного правительства). Специальным циркуляром разрешено было хождение купонов государственных кредитных бумаг с 1908 г., купонов от билетов выигрышных займов 1864 г., купонов от закладных листов банков, бывшего Общества взаимного поземельного кредита, займа 1906 г. и др. Любой денежный знак шел в дело, а его номинальная стоимость никак не пересматривалась. Впрочем, рынок стихийно расставлял приоритеты – какие деньги считать значимыми, какие – нет.

Но некоторые меры по оздоровлению денежного обращения принимались и в этот период. Во-первых, население призывали открывать вклады в банке под гарантии государства о неприкосновенности этих денег. Во-вторых, запрещалась скупка и хранение драгоценных металлов (в первую очередь – золота). На тот момент большевистское правительство располагало золотым запасом на сумму примерно 400 млн рублей, что относилось ко всей массе бумажных денег как 0,81%.

1919–1921 гг.

С самого начала 1919 г. правительство использовало двойное наступление на гиперинфляцию (к той поре 10 000 рублей равнялись одной копейке 1913 г.). С одной стороны, появились первые советские деньги (им придумали название, исключая само слово «деньги» – «расчетные знаки»). В народе эти расчетные знаки стали называть в духе тогдашнего новояза (когда множество слов были аббревиатурами – словами с сокращениями) «совзнаками». Номинал их был поначалу 1, 2, 3 рубля, однако очень скоро появились купюры номиналом 10 000, а потом к ним «в помощь» были напечатаны так называемые «обязательства» нового правительства на 1 млн и даже 10 млн рублей.

▲ Банкнота 10 000 рублей образца 1919 г. «Денижкины»

«Мы хорошо знакомы с совзнаками,
со всякими лимонами,
лимардами всякими.
Как было?
Пала кобыла.
У жёнки
поизносились одежонки.
Пришёл на конный
и стал торговаться.
Кони
идут
миллиардов по двадцать».

Маяковский В.

«Буржуй, продайся с приятными деньками –
добьём окончательно твёрдыми деньгами»

Другим способом остановить гиперинфляцию был курс на устранение денежных расчетов из хозяйственной жизни вообще. Специальным декретом предписывалось убрать понятие цены из таких отраслей, как, например, строительство (материалы не оценивались и не фиксировались в расчетных ведомостях), и даже зарплата гражданам стала выдаваться в натуральной форме («товарами первой необходимости»). Натурализация зарплаты достигла 93% (только 7% приходилось на «совзнаки»).

II Всероссийский съезд совнархозов провозгласил курс на устранение пережитков прошлого из хозяйственной жизни страны, искоренение денег и переход на свободный обмен в обществе. Бесплатными стали транспорт,

▲ Расчетные знаки РСФСР

▲ Банкнота 25 рублей образца 1918 г.

▲ Банкнота 5 карбованцев образца 1918 г.

коммунальные услуги, выдача пайков. Было выдвинуто требование натурального обмена между городом и деревней (сельскохозяйственная продукция менялась на промышленные товары). Все это были элементы так называемого военного коммунизма, основой которого стала продразверстка.

Денежное обращение уменьшилось, но не исчезло. Теперь его пристанищем стал «свободный рынок», отвечавший на все эти новшества необузданным ростом цен. На рынке запрещена была торговля хлебом и другими жизненно важными продуктами. Но тем не менее цены на оставшийся минимум разрешенных к торговле продуктов и предметов выросли в течение 1920 г. (от января к декабрю) в 5 раз (и это составляло 30 000-кратное увеличение по сравнению с 1913 г.).

Всякое кредитование населения в таких условиях было бессмысленным, и Народный банк выполнял функции казначейства – фактически занимался выпуском новых ничем не обеспеченных денег и распределением денежной массы. На «совзнаках» уже не указывалось, как они обеспечиваются золотом, а вместо этого использовалась формулировка «обеспечивается всем достоянием республики».

Военный коммунизм своих целей не достиг: повсеместно наблюдался полный развал хозяйства, разруха, был расстроен и быт, и условия труда людей. Начался голод, массовый исход населения из крупных городов. Правительство приняло решение о крутом повороте к налаживанию денежного обращения.

Середина 1921–1922 гг.

В начале 1920-х гг. были приняты постановления и декреты, согласно которым все предприятия переводились на хозрасчет. Продразверстка теперь заменялась продовольственным налогом, запрещалась натурализация заработной платы, и все расчеты с трудящимися предписывалось вести только в денежной форме.

Вернулось ценообразование и организовывался бухгалтерский учет.

Чтобы хоть как-то справиться с последствиями обесценивания рубля к этому моменту, вводился особый коэффициент – «товарный рубль», имеющий свой особый курс.

Эти меры, конечно, оживили денежное обращение, падение рубля остановилось. Но была и обратная сторона медали – где взять столько «совзнаков», чтобы рассчитаться с каждым предприятием и тружеником? В ноябре–декабре 1921 г. Наркомат финансов выпустил рекордное количество бумажных денег (к двум триллионам банкнот, обращавшимся тогда в стране, было добавлено еще 14 триллионов). Цены немедленно подскочили, а рубль катастрофически обесценился.

Единственным спасением была деноминация, хотя сама по себе она и не являлась способом остановить инфляцию. Деноминация понадобилась потому, что счет на миллионы никак не соответствовал простому бытовому денежному обороту, затруднял расчеты и осложнял торговлю.

«Местные инициативы»: деньги в советских регионах

То, что белые печатали свои денежные знаки, неудивительно. Однако разруха, невозможность контролировать отдаленные районы и даже просто невозможность снабжать их денежными знаками централизованно привели к тому, что Советское правительство разрешило печать денежных знаков в разных районах государства. «Свои» деньги печатали Самара, Астрахань, Ростов, Екатеринбург, Архангельск. Полностью «своя» денежная жизнь была и в республиках, примкнувших к Советам: на Украине, в Белоруссии, в Закавказье.

▲ Банкнота 100 рублей образца 1919 г.

▲ Банкнота 1000 образца 1919 г.
▲ Банкнота 250 рублей образца 1918 г.

Впоследствии нередко советская система вознаграждалась к этой альтернативе денег (карточки времен войны и послевоенного времени, талоны периода позднего социализма). Если говорить по сути, такие «квиточки» были способом обозначить получение того или иного блага и напоминать об эпохе военного коммунизма.

Советское правительство не могло «расправиться» с местными денежными вариантами одним ударом – это было бы неразумно, поскольку не было средств поддержки централизованной денежной системы. Однако как только жизнь более-менее стала налаживаться, вопрос этот вышел на первый план.

«Равны серебро и новый бумажный билет, ныне меж ними разницы нет.

Бери, какая больше на вкус, – теперь и бумажкам твердый курс».

В. Маяковский. Текст для плаката НАРКОМФИНа

▲ Банкнота 30 копеек образца 1918 г.

▲ Купон Петербургского городского кредитного общества, 2 р. 25 к.

В ход пошли всевозможные варианты денежных эквивалентов: особые знаки для пользования городским транспортом, расчетные знаки, в которых выдавалась зарплата на предприятиях и в учреждениях, свои особые «фишки» в столовых, магазинах и других учреждениях. Такие расчетные знаки выполнялись на самых разных материалах – от бумаги до металла, в зависимости от возможностей «эмитента».

В Москве конца 1920-х гг. разворачивается действие романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Воланд, наблюдавший за москвичами, произнес фразу, которая, наверное, воспринималась бы современниками Булгакова иначе, чем нами сегодня: «Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...».

Сцена с превращением денег в этикетки от бутылок тоже напоминает времена денежной чехарды, множества дензнаков, их примитивности и удаленности от того, что действительно можно было бы назвать деньгами. Это могли быть чеки, карточки, талоны, жетоны и все, что угодно.

▲ Банкнота 500 рублей образца 1918 г.

▲ Банкноты 1, 3, 25 рублей образца 1918 г.
▲ Бона Екатеринбургского объединения текстильных фабрик достоинством 5 рублей.

«Новые деньги, стоящие твердо, укрепят хозяйство деревни и города».

В. Маяковский. Текст для плаката НАРКОМФИНа

- ▲ Банкнота 10 000 рублей образца 1922 г.
- ▲ Бон АО Табачной фабрики В.И. Асмолов и Ко, достоинством 25 рублей, 1922 г.
- ▲ Банкнота 25 рублей образца 1922 г.

Деноминация ноября 1922 г.

Деньги 1922 г. обменивались на денежную массу предшествовавших лет по курсу 1 рубль равен 10 000 прежних рублей. Так как счет тогда шел на миллионы, то 10 000 000 прежних денег превращались в 1 тысячу рублей. В 1922 г. денежные купюры были прорисованы более качественно, чем прежние деньги, к ним перешло то же название «совзнаки». Купюры были выпущены номиналом 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1000, 5000, 10 000. Обмен «старых» денег на деноминированные «совзнаки» привел к тому, что прекратилось хождение в стране десятков разных банкнот («царских», «керенок», многих местных).

«Нынче светлая пора под серпом и молотом: дожили до серебра, доживем до золота».

В. Маяковский. Текст для плаката НАРКОМФИНа

Затем были выпущены облигации внутреннего займа, представлявшие собой «хлебные купюры» (от 1 до 100 пудов ржи).

Для расчетов крестьянства по продовольственному налогу это было удобно. Затем выпустили второй такой заем – и уже после этого проведена была вторая деноминация, согласно которой рубль 1923 г. приравнивался к 100 рублям 1922 г. Одновременно это означало, что все прежние деньги деноминировались в расчете 1 рубль 1923 г. к 1 миллиону рублей всех других денежных знаков.

В это время наконец происходит возвращение к самому понятию «деньги»: бывшие «расчетные знаки» теперь именуются «государственными денежными знаками». В том же 1922 г. в связи с этим придумывают новое название денежной единице – «червонец» (первоначально планировали назвать «федерал», но остановились на более привычном «червонце»). Червонец, по сути, был кредитной денежной единицей, впервые обеспеченной не «достоинством республики», а довольно серьезным золотым эквивалентом (можно было под твердые государственные гарантии обменять червонец на 8,6 г золота). Хотя червонцы и рубли ходили параллельно (что было связано со сложностями обеспечения разменных денег), постепенно необеспеченные массы денежных знаков изымались из оборота.

Однако инфляцию это не останавливало. На 1 декабря 1922 г. 1 червонец равнялся 117 рублям 1922 г., а на 1 января 1924 г. (примерно через год) – уже 80 000 таких же рублей. Следовательно, цены выросли за 13 месяцев в 687 раз.

Впрочем, гиперинфляция в России не шла ни в какое сравнение, например, с Германией, где в течение 1923 г. инфляция составляла 25% в день (за три дня цены удваивались, а за месяц вырастали в 1000 раз). К концу 1923 г. в Германии была проведена реформа, одну новую марку 1924 г. можно было обменять на 1 триллион прежних так называемых папирмарок.

Червонец привел к укреплению денежного обращения, однако иногда рабочие отказывались получать зарплату в таких «твердых», но фактически неразменных деньгах, крайне неудобных при расчетах.

«А л л и л у я. Извиняюсь, Гусь квартиру по контракту взял. Заплатил восемьсот червей въездных, и дело законное. Он нам весь дом отапливает.

З о я. Простите за нескромный вопрос: а вам лично он сколько дал, чтобы квартиру у Фирсова перебить?»

▲ Банкнота 500 рублей образца 1922 г.

▲ Банкнота 25 рублей образца 1923 г.

▲ Банкнота 3 рубля образца 1918 г.

А л л и л у я. Вы, Зоя Денисовна, полегче, я лицо ответственное: ничего он мне не давал.

З о я. У вас во внутреннем кармане жилетки червонцы лежат серии Бэ-Эм, номера от 425900 до 425949 включительно. Выпуска 1922 года.

А л л и л у я расстегнулся, достал деньги, побледнел».

Булгаков М.
«Зойкина квартира»

Так, ежемесячная зарплата рабочего текстильной промышленности в I квартале 1924 г. составляла 33 червонных рубля, рабочего-металлиста – 57 червонных рублей. Самыми высокооплачиваемыми были рабочие фабрик по производству резиновых изделий и полиграфисты (вредные производства), у них зарплата была около 70 червонных рублей в месяц.

Монеты 1924 г.

Чтобы преодолеть кризис разменных денег, в 1924 г. было принято решение чеканить монету. Этому предшествовала борьба с местными псевдоденьгами – жетонами и карточками-квитанциями разных типов. Все они были приравнены к подделке государственных билетов и монет и запрещены. Монеты в 1924 г. чеканили по старым техническим образцам из меди; номиналом 1/2 копейки (такая «полушка» соотносилась с дореволюционным грошом, ее выпуск наладили в начале 1925 г.), 1, 2, 3, 5 копеек. Решено было наладить и выпуск серебряных монет номиналом 10, 15, 20 копеек, полтинник (50 копеек) и один рубль. Изготовление монет предполагало утверждение эскиза и затем выпуск многомиллионной армии монеток каждого номинала.

Эскиз был разработан довольно быстро и фактически не менялся на протяжении всей истории СССР. Аверс представлял собой герб новой страны с выпуклым земным шаром по середине и колосьями, перевитыми лентой, обязательным был лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» вдоль ободка, ясная и крупная цифра на реверсе обозначала номинал монеты.

Медные монетки все же были очень тяжелыми. Так, медная мелочь общей ценностью один рубль весила больше 300 г, превращая кошелек советского гражданина в настоящую гирию.

Именно поэтому к 1925 г. от полновесной медной монеты отказались в пользу сплава меди и алюминия, цвет из красного стал светло-желтым.

Основным предприятием по чеканке монеты в СССР был Монетный двор. Здесь ударными темпами чеканили монеты номиналом 1 и 5 копеек. Производительность доходила до одного миллиона в день, что можно считать предельно возможным.

Медную монету взяли также чеканить на разграбленном в первые послереволюционные годы Ленинградском телефонном заводе «Красная заря», где поставили необходимое оборудование специально для выпуска монеты в 2 и 3 копейки. Советское правительство пыталось разместить

▲ Банкнота один червонец образца 1922 г.

заказы на Тульском и Одесском заводах, но руководство заводов от этой работы отказалось (удивительно, но тогда еще можно было отказаться от государственного заказа).

Возникла проблема – где чеканить серебряные монеты. За помощью обратились к Великобритании, которая заказ приняла. На крупнейшем монетном дворе Англии в Бирмингеме стали чеканить монеты с советским гербом – достоинством 10, 15, 20, 50 копеек и 1 рубль. Кроме того, чеканили те же монеты и на Монетном дворе Ленинграда. Коллекционеры различают полтинники и рубли по буквам на гурте (ребре) монеты: если «П. Л.» (Павел Латышев) – то Ленинград, а если «Т. Р.» (Томас Рос) – то Бирмингем.

Чеканка серебряных монет и их доставка в сельские советы стала в СССР событием. Простой народ собирался толпами посмотреть на «настоящие» деньги, насыщение рынка монетой такого высокого качества оказалось мощным пропагандистским шагом: несмотря на смерть Ленина, Советский Союз демонстрировал свою готовность безостановочно строить социализм и не отступать от «светлых целей».

Айви Литвинова (жена будущего наркома иностранных дел) так описывала Москву в конце Гражданской войны: «Гуляя по улицам Москвы и заглядывая в окна на первом этаже, я увидела беспорядочно набитые во все углы московские веди и поняла, что они никогда еще столько не значили».

(Цит. по: Калинин И. Наука и революция (между предметом и опытом // Неприкосновенный запас. 2009. № 5.)

▲ Банкнота 3 рубля образца 1922 г.

В 1924 г. произошла стабилизация денежного обращения. Первый трудный период завершился. Советская страна прошла путь от идеализированных представлений о деньгах как «пержитке прошлого», с которым надо бороться, к пониманию значимости денег и при социализме. Конечно, об абсолютной стабильности говорить не приходится. Но и нельзя сравнивать с первыми послереволюционными годами.

Соотношение заработной платы советских продовольственников и рыночных цен в Пензенской губернии зимой 1919 г.²

	Заработная плата (в рублях) до февраля 1919 г.	С февраля 1919 г.	Рыночные цены на продукты	Продукты питания
Продкомиссар Пензенского уезда	800	1544	75	Ржаная мука руб. за пуд
Член упродкома	752	1472	110	Пшено руб. за пуд
Заведующий отделом	708	1208	20	Картофель руб. за пуд
Помощник зав. отделом	664	1032	160	Гусь за шт.
Машинистка	488	736	12–16	Растиг. масло руб. за фунт
Регистратор	444	712	6, 5	Мясо руб. за фунт
Делопроизводитель	576	880	20	Капуста

Если сопоставить цены и заработную плату 1913 г. и 1919 г., то мы увидим, что, например, зарплата самого низкооплачиваемого рабочего все же вполне соотносима с самыми низкими зарплатами в 1919 г. по отношению к продуктам. Это значит, что невозможно говорить о резком падении уровня жизни. Другое дело, что зарплата не выплачивалась вовсе, да и продукты, названные в таблице, найти было проблематично. Кроме того, цены на продукты, несомненно, росли быстрее, чем зарплата.

Вот, например, выдержка из симбирской газеты «Возрождение» 1918 г.: «Что-то несурезное творится на рынке, где каждый мелкий торговец диктует покупателю свою цену, совершенно произвольную, назначаемую, как говорится, на глаз... а посмотрите, как пляшут цены на такой продукт, как огурцы. Утром третьего дня огурцы были по 50 коп. за десяток, час спустя – 1 руб., 2 часа спустя – 1 руб. 30 коп. – 1 руб. 50 коп. и в обеденную пору дошли до 2 руб. за десяток»³.

Неудивительно, что вся страна занялась торговлей.

▲ Рынок в Москве, 1920-е годы

У Бориса Пастернака в «Докторе Живаго» рынок того времени запечатлен так: «...он видел жавшихся на тротуаре худых, прилично одетых старух и стариков, стоявших немой укоризною мимоидущим, и безмолвно предлагавших на продажу что-нибудь такое, чего никто не брал и что никому не было нужно: искусственные цветы, круглые спиртовые кипятивники для кофе со стеклянной крышкой и свистком, вечерние туалеты из черного газа, мундиры упраздненных ведомств.

Публика попроче торговала вещами более насущными: колючими, быстро черствевшими горбушками черного пайкового хлеба, грязными, подмокшими огрызками сахара и перерезанными пополам через всю обертку пакетиками махорки в пол-осьмушки.

И по всему рынку шел в оборот какой-то неведомый хлам, который рос в цене по мере того, как обходил все руки»⁴.

Получалось, что тот, кто сегодня что-то покупал за 15–20 млн рублей, на следующий день это же продавал миллионов за 40. От такого кругооборота «хлама» процветание, конечно, наступить не могло. Это был способ выживания.

Очевидно, что «вечерние туалеты из черного газа» сразу потеряли всякую ценность. Вот черный хлеб – да, всегда находил покупателя. Всякие попытки установить ценовой разброс на промышленные товары для той эпохи бесполезны: многое распределялось (чаще разворовывалось), многое продавалось по ценам, установленным государством (чтобы тут же быть перепроданным из-под полы), цены скакали и менялись как хотели. Разница цен в Москве и провинции на одни и те же продукты была кратна пяти, а то и более. Например, за тот же фунт хлеба в Пензе в 1919 г. платили 85 копеек, а в Москве – 4 рубля.

Спекулянты очень часто не были какими-то злодеями, они просто пытались выжить в условиях разрухи и особенно голода 1921–1922 гг. Какие бы постановления ни принимались по ликвидации «мешочничества», остановить это движение было невозможно – торговля становилась вопросом жизни и смерти.

▲ Банкнота 5000 рублей образца 1921 г.

Между тем запрещенный «вольный рынок» был источником выживания и для покупателей, поскольку и в эпоху военного коммунизма, и позднее пайки не представляли собой достаточной порции еды, не всегда доходили до каждого рта, разворовывались и присваивались теми, кто занимал «подходящее место».

Некоторое представление о ценах и продуктах можно почерпнуть из удивительного дневника в стихах А. Сударева:

Жизнь моя течет прекрасно,
Я живу, как сибарит,
Деньги водятся в кармане,
Я обут, одет и сыт.

Утром пью чай на квартире,
С хлебом, с мясной колбасой,
Днем обедаю в гостинной,
Ем бефстроган заливной.

Захожу после обеда
В ресторан пить молоко
Выпиваю кофе сладкий,
Иногда пью спирт-вино.

Каждый день веду расходы
Чуть не в миллион рублей.
Расточаю блага жизни
Для себя во вред людей.
(20 марта 1922 г., Оренбург)⁵

▲ Банкнота 100 рублей образца 1921 г.

▲ Банкноты 5 000 и 1000000 рублей образца 1921 г.

Константин Борисов, автор книги «75 дней в СССР», передает свои впечатления 1923 г. от посещения Филипповской булочной на Тверской улице в Москве: «Чего там только нет! Хлеб черный, рижский, полубелый, ситный простой, ситный с изюмом, булки всех видов, чуть ли не двадцать сортов сухарей, баранки, пирожки, пирожные. Одних пирожных выпекают около трех тысяч в день, и все это немедленно распродается!»⁶

Но основному населению приходилось сражаться и за деньги, и за хоть какие-то жизненные ресурсы. К концу Гражданской войны у людей уже закрепилась привычка к нищете и выживанию. Трата денег на новую одежду выглядела нелепым расточительством. Ценностью обладала только еда – спасение от голода, синоним жизни.

По тем временам трудно судить и о «потребительской корзине», которая, как следует из мемуаров и документов эпохи, менялась в зависимости от слоя населения и не была единой в разных областях Советской республики.

Больше половины населения пользовались всякими суррогатами, заменяющими хлеб, чтобы хоть как-то выжить. Например, были технологии выпечки хлеба из торфа, а уж всевозможные смеси плохой обойной муки с лебедой, корнями, молотыми костями были в ходу повсеместно.

Цена хлеба в таком случае вообще не может быть определена.

Деньги переставали быть эквивалентом еды, население занялось настоящей добычей «органических веществ» в надежде на преодоление трудностей и приближение «светлого будущего».

Были выработаны всевозможные рецепты «еды по-советски»: например, морковь высушивали в печах, толкли в порошок и использовали в качестве чая. «Супом» было варево из сена с небольшой подсыпкой муки. Плохая мука, заваренная кипятком, повсеместно считалась лакомством. К такому способу прибегали, потому что в городе невозможно было добыть дрова для растопки плит и печей, чтобы испечь настоящий хлеб.

Пайки, которыми снабжали население, представляли собой весьма сомнительную продукцию – и на государственных хлебокомбинатах использовали смесь муки со всякими добавками, позволявшими дать нужный вес хлебу (ведь паек исчислялся на вес). Но и эти нормы все время уменьшались.

За годы Гражданской войны в провинции и вечного полуголодного состояния столицы и крупных городов выработался настоящий советский стиль жизни, сердцем которого стал хлеб. Именно хлеб (мучное) стал занимать в рационе центральное место (до 40 % всех калорий), а отношение к каждому кусочку выработалось почти священное. Черный хлеб из плохой муки стали называть «белым» (поскольку он все же был из муки, а не из лебеды или пырея). В таких условиях и стала «оперяться моя кооперация», как писал в поэме «Хорошо» в 1927 г. В. Маяковский о временах после Гражданской войны.

Если же обратиться к концу 1924 г., то картина будет вполне приличной. Однако серьезной проблемой стала «двухвалютная» внутренняя денежная система. Совзнаки, которые печатались по мере необходимости и не были ничем обеспечены, были совершенно обособлены от червонцев, чья покупательская способность была, в свою очередь, гарантирована государством. Жизнь простого человека превратилась в настоящие «биржевые бега»: как только люди получали деньги, они немедленно стремились избавиться от совзнаков и обменять их на товары или червонцы. Правительство устанавливало курс червонца к совзнакам, причем курс мог изменяться даже в течение одного дня. Вся торговля приспособилась к этому дикому ритму: лавки открывались ни свет ни заря (чтобы рабочие успевали «обогнать» растущий курс). Но в большинстве случаев вся торговая активность была привязана к дням полочки, а потом почти целый месяц продавцы-кооператоры скучали в пустых лавках.

▲ Банкноты: 250 рублей образца 1923 г. 100 рублей образца 1922 г.

▲ Обед в коммуне.

Некоторые сведения о стоимости товаров в 1924 г.:

Первый советский грузовик АМО-Ф-15 (на базе Fiat) стоил 18 000 червонных рублей (потом стоимость снижалась). Зарплата рабочего тогда была около 70 рублей в месяц, следовательно, стоимость грузовика равнялась примерно 257 месяцам работы (21 г.). Сегодня грузовичок такого типа стоит около 1,5 млн руб., что соотносится со средней зарплатой рабочего в 30 тысяч рублей как 4 г. работы. Так что советский автопром был баснословно дорогим. К слову сказать, когда производство АМО развернулось на полную катушку, то себестоимость снизилась до 6100 рублей (и приблизилась к современному соотношению зарплаты и стоимости). В то же время импорт нового «Форда» того же типа обходился казне в 700 рублей (разница почти в 9 раз).

Потребительская кооперация

Эта форма объединения пайщиков для организации торговли, развивавшаяся еще в XIX в., активизировалась перед самой революцией, потом на какое-то время была свернута. Но – с точки зрения В.И. Ленина – именно в таких формах и должен был создаваться социализм. Поэтому к 1924 г. потребительская кооперация вновь стала важнейшей частью торговли нового государства. По замыслу идеологов советской власти предстояло победить частную торговлю, и способом борьбы стали потребительские кооперативы.

Их широко привлекали к государственной торговле (Ленин считал потребительскую кооперацию формой госкапитализма). Сами жители, объединяясь в кооперативы, брали на себя ответственность и за получаемые кредиты, и за производство товаров, и за организацию торговых залов, и за финансовый оборот.

▲ Первый поезд с продуктами, посланным голодающим России, 1921 год.

В 1924 г. открылось множество магазинов потребительской кооперации, рестораны и столовые, в складчину создавались хлебокомбинаты. Потребительская кооперация испытывала множество трудностей именно в силу своей «дружбы» с государством. Например, в столовой необходимо было держать цены ниже себестоимости (дешевые обеды), и, чтобы восполнить бреши в бюджете, кооператоры открывали те же столовые вечером в виде пивных.

«Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма».

Ленин В. «О кооперации»

Потребительская кооперация привнесла в быт населения много нового и приятного: например, повсеместно продукты отпускались в кредит (запрет на кредитование был только в отношении предметов роскоши и спиртного), иногда на 3–4 недели, иногда до полочки. Это стало возможно потому, что потребительская кооперация открывала множество небольших магазинов вблизи жилых домов. Это позволяло каждой лавочке иметь ограниченный круг покупателей, каждый из которых был известен продавцу. Возникла особая атмосфера доверия между покупателями и продавцами, уважения к труженикам прилавка, особая семейная атмосфера таких лавочек. Кроме того, продавцы-кооператоры были заинтересованы в хорошем уровне обслуживания, старались не создавать очереди, вникали в пожелания клиентов, в полном смысле слова работали на высоком сервисном уровне.

Расширялся и ассортимент, важно было доставить покупателю множество товаров, необходимых ему или просто забытых с прежних времен, а теперь возвращающихся.

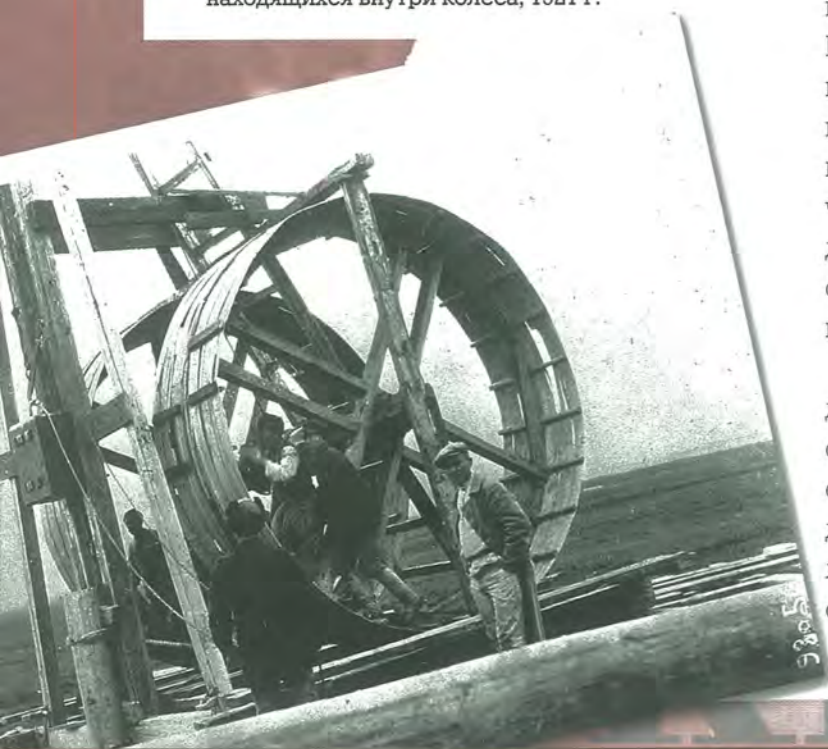
Открывались рестораны (например, в Ленинграде открылось популярное потребительское кафе «Двенадцать», принимавшее посетителей до 2 часов ночи). Вошла в моду подзабытая за годы Гражданской войны «живая музыка» в ресторанах. Предлагалось весьма разнообразное и затейливое меню с множеством исковерканных псевдоиностранных названий, например андрейкот, вместо антрекот.

▲ «Женщины, идите в кооперативы» (Невинский, 1919 г.)

▼ Воду добывают усилиями мужчин, находящихся внутри колеса, 1921 г.

В ресторане пятнадцать минут
Ты блуждал по равнине Меню, —
Там, в широкой ее полутьме,
Протекает ручей Консоме,
Там в пещере незримо живет
Молчаливая тварь — Антрекот...
Светлов М.А. «Нэпман»

В столовых все садились за один общий длинный стол, и главной проблемой была постоянная кража посетителями вилок, ложек, так что работники столовых придумывали всякие способы борьбы с этой бедой.

Так или иначе, потребкооперация действительно «оперялась» и набирала обороты.

Государство использовало ее для поддержания денежной реформы (запрет на подъем цен в 1924 г.). Поддержав цены на прежнем уровне, кооперация фактически «съела» свои ресурсы. Однако во многом именно благодаря ответственности потребкооперативов реформа имела успех.

Важно, что ответственное отношение к торговле как к делу не частному, но общественному отличало потребкооперативы первых лет советской власти.

Так, 23 сентября 1924 г. Нева в Ленинграде поднялась до критической отметки (более чем на 3,6 м) и затопила примерно половину города. Под водой оказались пищекомбинаты, магазины, лавки. Потребкооперация ответила на это настоящим подвигом: чуть ли не по колено в воде стояли пекари возле печей, чтобы обеспечить город хлебом. Столовые работали с 7 утра до 12 ночи. Детям пострадавших от наводнения семей хлеб выдавали бесплатно (то есть за счет потребкооперативов, а не государства).

В свою очередь, государство всемерно поддерживало потребкооперацию, видя в ней инструмент решения важнейшей задачи (борьбы с частным капиталом): снижались налоги, вводились льготы по арендной плате, предоставлялось приоритетное право закупа продукции по сниженным оптовым ценам.

Кредитная эйфория

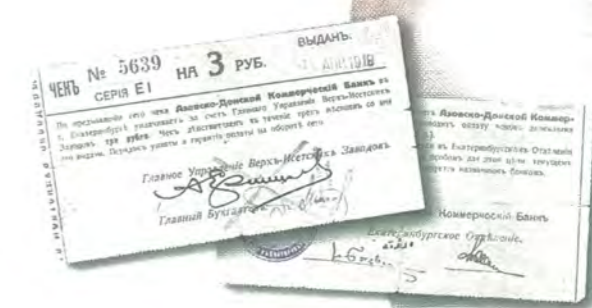
Именно к концу этого первого периода в истории советских денег относится так называемая кредитная эйфория. Народный банк, который в годы Гражданской войны занят был исключительно выпуском необеспеченных денег и их распределением, наконец перешел к полноценным функциям банка, а именно — открыл кредитование населения. Приоритет был отдан коллективным пайщикам, то есть потребкооперации. В кредит можно было взять миллионы червонных рублей, что, конечно, облегчало ведение торговли, позволяло действовать масштабно. Благодаря кредитованию потребкооперация сумела создать настоящие конклавы предприятий: открылись крупные пищевые комбинаты, отходы от их производства поступали на фермы, принадлежащие тем же потребкооперативам, шли на корм скоту. Развивались принципы безотходного производства, экономии, повышения рентабельности, прибыли.

Но одновременно история кредитов в СССР имела и свою отрицательную сторону: в практику вошли принципы «отложенных платежей», векселей, которые постоянно переписывались на более поздний период. Возвращалась дореволюционная практика отказа от платежей по кредитам (фактически иждивенчество) — деньги у банка брали охотно, быстро тратили, а возвращать — тем более с процентами — не собирались.

Но брать из казны (банк рассматривался как казна) без возврата было нормой военного коммунизма, да и казенное содержание высокопоставленной верхушки давало образцы такого спецраспределения. Возможно, поэтому примеры ответственного отношения к взятым кредитам были не так уж и часты, а просроченные и невозвращенные кредиты становились нормой. Впоследствии увидим, как кредиты превращались во «второй бюджет» (предприятия и не думали об их возвращении или плате за предоставление банкам).

▲ Кооперативное общество, 1924 г.

▲ Банкноты 10, 15, 25 тысяч рублей, 1923 г.
▼ «Матрос и милая». Б. Кустодиев. 1921 г.

Но в 1924 г. обнаруживаем примеры ответственной работы потребкооператоров по возвращению кредитов банкам. Впрочем, тогда кредитовал не только государственный банк, но и банки частного сектора. Да и сами кооператоры создавали свои банки.

Мода

В начале революционного периода лидером моды была кожаная тужурка – тип военизированной одежды. Разруха привела к тому, что мода вообще исчезла из обихода советских людей – одежда просто была способом спасения от холода, а не символом и не самопрезентацией. Однако к 1924 г. денежная реформа сделала свое дело: с появлением «твердых» червонцев стало возможным хорошо одеваться, покупать мебель и различные предметы роскоши. Отчетливо проявился конфликт между мещанским и советским.

Очень ярко эти два типа идеологии изображены в «Клопе» Маяковского:

Продавец сельдей

Лучшие республиканские селедки!
Незаменимы
при всякой водке!

Розалия Павловна
(отстраняя всех, громко и повеселевши)

Селедка – это – да! Это вы будете иметь для свадьбы вещь.

Это я да захвачу! Пройдите, мосье мужчины!
Сколько стоит эта килька?

Разносчик

Эта лососина стоит 2,60 кило.

Розалия Павловна

2,60 за этого шпрота-переростка?

Продавец

Что вы, мадам, всего 2,60 за этого кандидата в осетрины!

Розалия Павловна

2,60 за эти маринованные корсетные кости? Вы слышали, товарищ Скрипкин? Так вы были правы, когда вы убили царя и прогнали господина Рябушинского! Ой, эти бандиты! Я найду мои гражданские права и мои селедки в государственной советской общественной кооперации!

Баян

Подождем здесь, товарищ Скрипкин. Зачем вам сливаться с этой мелкобуржуазной стихией и покупать сельдей в таком дискуссионном порядке? За ваши 15 рублей и бутылку водки я вам организую свадьбочку на «ять».

Присыпкин

Товарищ Баян, я против этого мещанского быту – канареек и прочего... я человек с крупными запросами... Я – зеркальным шкафом интересуюсь...?

▲ Представители «бывших» распродают остатки своего имущества.

*Мир
42 год
Франк
на са
особи
все бы
и, гра
иностранной валютой и*

▲ Вестник моды 1926 г.
 ▲ Портрет Т.Н. Чижовой.
 Б. Кустодиев. 1924 г.
 ▼ Картина «Трое». В. Лебедев. 1926 г.

Но и без всяких преувеличений и карикатур можно сказать, что горожане преобразились: появилась мода на ботиночки на шнуровке, короткие жакеты, меха, накинутые на одно плечо (лиса или песец), узенькие и короткие – до щиколотки – брюки, маленькие шапочки, которые надвигали на самые глаза. За всякие модные вещи приходилось платить «особые» деньги (то есть за вещи эти надо было переплачивать). Расцвело и парикмахерское ремесло – поскольку возникла мода на стрижки. Одновременно такие «модные» типы вызывали подозрение: а не возврат ли к «буржуазному прошлому» наблюдается на улицах? Комсомол немедленно реагировал нетерпимостью к таким формам одежды и моды, рекомендуя истинным строителям будущего придерживаться скромных военизированных костюмов.

Роскошь

С 1921 г. каждый гражданин Советской России, достигший 16 лет, мог открыть любое дело, например ресторан или магазин. На очередном съезде партии в марте 1921 г. (после подавления Кронштадтского мятежа) был взят курс на новую экономическую политику. Однако сразу же следовало определение: «НЭП – не навсегда». Это привело к тому, что данными на время свобода-

ми пользовались «в угаре», а не с перспективой длительного развития. Открывались лавки по торговле дорогими товарами, возникали частные рестораны, где буквально дым стоял коромыслом. Образовалось особое сословие нэпманов (пренебрежительно – нэпачей), живущее по своим особым правилам.

Прежде всего стиль жизни должен был соответствовать широкой купеческой дореволюционной жизни – дом, прислуга, экипаж (торговля частными авто развернулась позднее, но для 1920-х гг. вполне распространены были и конные повозки), дача, дорогие наряды, богемное времяпрепровождение.

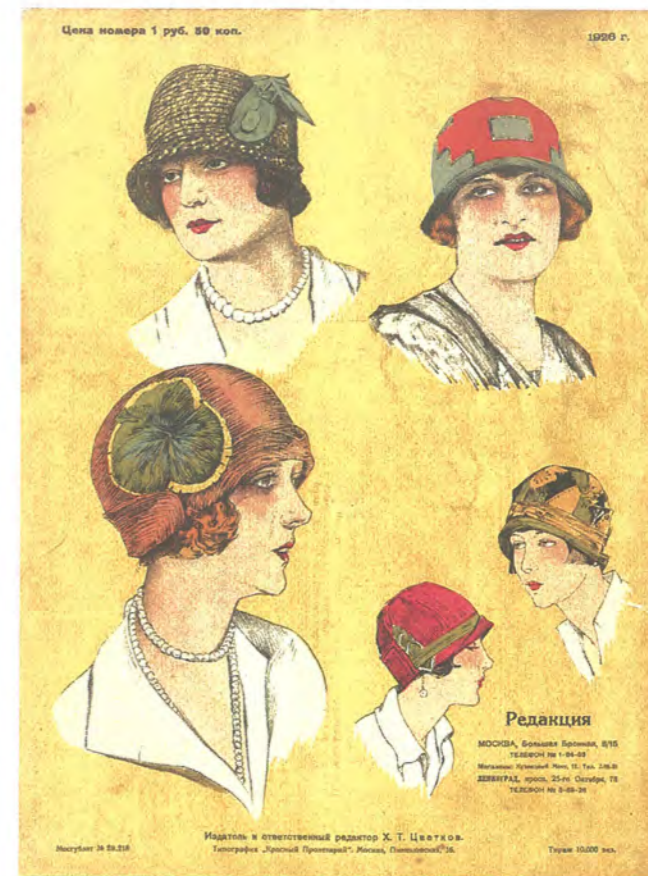
Отношение к деньгам в то же время было ярким показателем «временности» – негласными законами сообщества предписывалась расточительность, а скупость и даже бережливость почитались пороками. Нэпман должен был всегда и везде демонстрировать свою кредитоспособность (а значит, не останавливаться ни перед какими ценами).

При политике при новой
 Все пошло иначе,
 На базарах все кричат:
 «Пирожки горячи!»

Советская частушка времен НЭПа.

Костюм предпринимателя всегда был знаком богатства: это была английская пара или тройка (пиджак, брюки, жилет). Рубашки предписывалось носить исключительно тонкого шелка, а остроносые лакированные штиблеты и тросточка довершали образ. Зимой – только шубы, и обязательно очень дорогие (например котиковые). Стоимость такого наряда определить трудно и из-за разброса цен, и из-за того, что многие такие товары доставались из-под полы, а иногда обменивались.

Тот же принцип роскоши царил и в женской одежде. Нэпманша носила узкое платье из очень дорогого шелка, обязательно меховое манто, маленькую шляпку, закрывавшую один глаз. Обувь тоже – как и у мужчин – была узконосой. Обязательны были дорогие украшения – только настоящие драгоценности.

▲ Транспортный сертификат 5 рублей, 1923 г.

Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.
Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне
тише воды.
Свели уютные кабинеты и спальни.

И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
«Товарищ Надя!

К празднику прибавка —
24 тыщи.
Тариф.
Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифица,
чтоб из штанов
выглядывать,
как коралловый риф!»

▲ Чайная времен НЭПа.
Фото Д.М. Лапкина.
Фоторепродукция В. Гурьева. 1924 г.

А Надя:
«И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурировать я
на балу в Реввоенсовете?!»
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» лежа, котенок греется.
А из-под потолочка
верещала
оголтелая канарейца.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»

▲ Плакат «Трудящиеся, не страшны дороговизна и НЭП». А. М. Родченко, В.В. Маяковский, 1923 г.

Как видим, «24 тыщи» прибавки были поводом для приобретения нового гардероба – пусть и «в советском духе».

Конечно, к мещанскому быту мигом отнесли самые простенькие элементы жизни – все то, что раньше было нормой, теперь становилось «канарейками» – врагами революции: и абажуры с кистями на лампах, и шкафчики с замысловатой резьбой и множеством отделений, и буфеты с горкой посуды, и, разумеется, кресла, старинные стулья, шкафы красного дерева, оставшиеся в домах после всех лет разрухи. То же самое касалось слоников на кружевных салфетках (и сами салфетки). Вот характерный пример такой борьбы. «Борьба с мещанством» занимала не только профессиональных литературных критиков, но и идеологов. Н. Крупская в статье «О "Крокодиле" К. Чуковского» писала: «Вторая часть "Крокодила" изображает мещанскую домашнюю обстановку крокодильего семейства, причем смех по поводу того, что крокодил от страха проглотил салфетку и пр., заслоняет собой изображаемую пошлость, приучает эту пошлость не замечать...»⁹ Н. Крупскую – после публикации защитившего Чуковского письма М. Горького – горячо поддержала К. Свердлова: «"Хожение в ребенка", культ тем личного детства. ... мещански-интеллигентской детской, ... желание какой угодно ценой во что бы то ни стало сохранить, удержать на поверхности жизни отмирающие и отживающие формы быта. Мы должны взять под обстрел Чуковского и его группу потому, что они проводят идеологию мещанства»¹⁰.

Но сам факт «выявления» мещанского говорит о том, что оно процветало. И когда назывались «пошлыми» танцы, это значило, что танцевальные площадки и танцы в ресторанах – норма, а не исключение. Конечно, критике подвергались и любые предметы моды: «Пошлость и мещанство – главный враг. Носят банты, галстуки, ажурные чулки, воняют духами...» или «А ажурные чулки? Для чего они? Чтобы какой-нибудь гнилокровный буржуазный выродок любовался «изящной дамской ножкой» на танцульках?»¹¹

«Грехом мещанства» заразились в первую очередь номенклатурщики (получавшие большие зарплаты и имевшие разного рода преимущества и льготы). Так, например, секретарь коллегии Грозненского ЧК в 1921 г. к свадьбе купил невесте костюм за 750 000 рублей, себе обувь за 300 000 рублей, а при переезде у него пропало вещей на сумму около 3 млн рублей (сколько же вещей и на какую сумму ему удалось перевезти без потерь?).

Плакаты «В ГУМе обезаведись мозеровскими часами». А.М. Родченко, В.В. Маяковский. 1923 г.

«Основные ноты мещанства – уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей».

Горький М. «Заметки о мещанстве»

Эпоха НЭПа в 1924 г. только начиналась, но ее черты характерны для всего периода второй половины 1920-х гг. Оказывается, очень трудно удержаться от искушений «мещанской жизни». Задавить этот соблазн можно было только репрессиями, которые и не замедлили начаться.

**ЛУЧШИХ СОСОК
НЕ БЫЛО И НЕТ**

**ГОТОВ СОСАТЬ ДО СТАРЫХ ЛЕТ
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЕ
РЕЗИНОТРЕСТ**

► Плакат «Лучших сосок не было и нет». А.М. Родченко, В.В. Маяковский

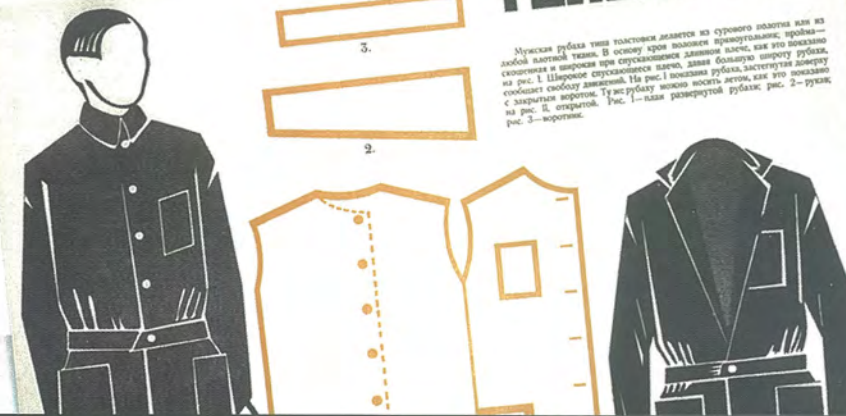

▲ Портрет Н. Штеренберг. Д. Штеренберг, 1925 г.

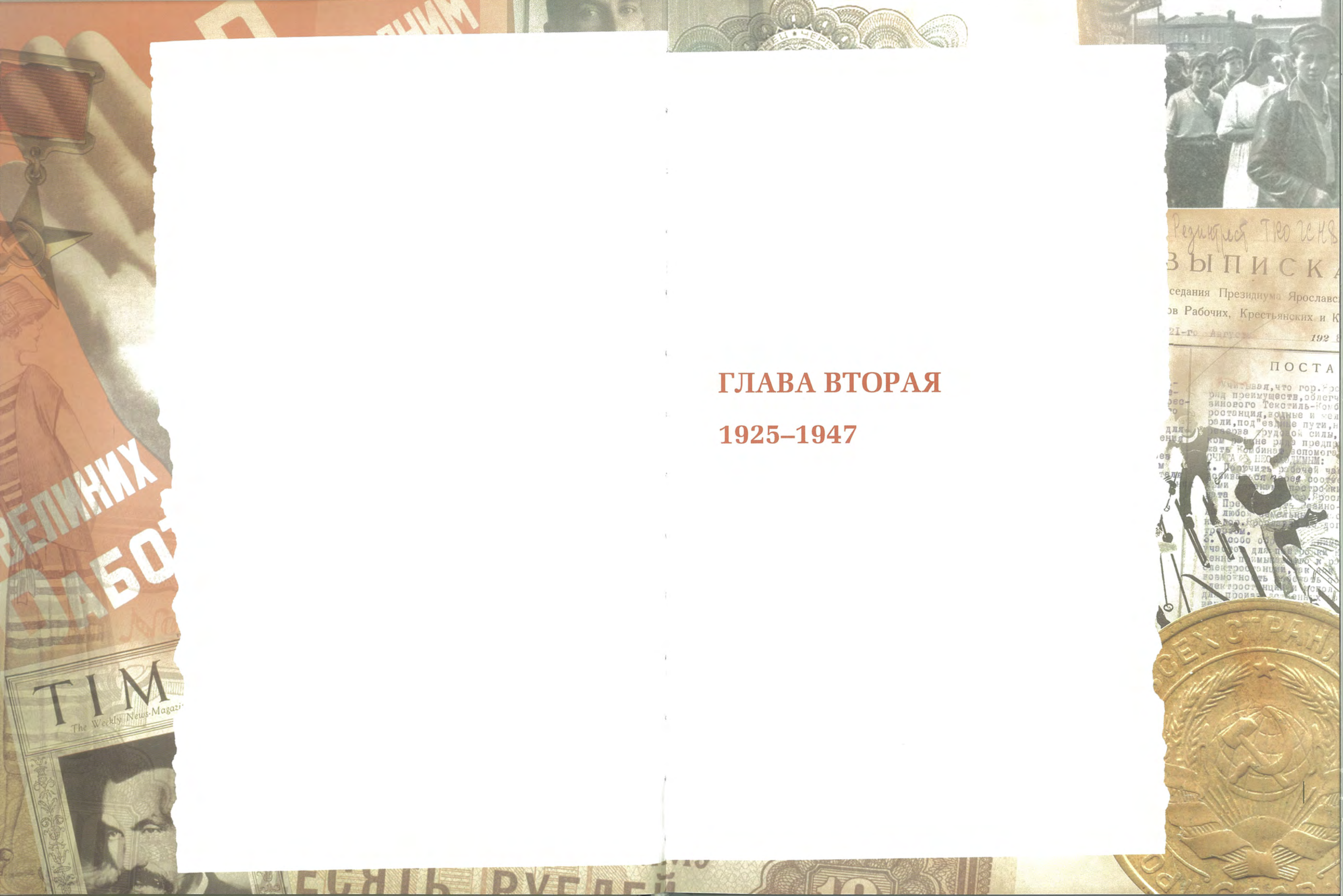

№ 3022. Комбинированное платье из гладкой и полосатой материи. Юбка украшена оборочкой из оборочечного материала. Пуговица на белом батисте. 2 и 1/2 метра.
№ 3023. Летнее платье из полосатого батиста. Материал положен поперек. Юбка 1/2 и 6 метров.
№ 3024. Летнее платье из полосатого батиста, отделано гладким батистом. Юбка 1/2 и 6 метров.
№ 3025. Платье из белого батиста. 6 метров.

ТОЛСТОВКА

Мужская рубашка типа толстовки делается из сурового платка или из любой другой ткани. В основу крою толстовки принимаются, кроме скоса и воротника при суксаканном давлении, как это показано на рис. 1. Широкие суксаканные плечи, давая большую ширину рубашки, способствуют свободной движений. На рис. 1 показана рубашка, соответствующая способам изготовления. Ту же рубашку можно носить летом, как это показано на рис. 2, открытой. Рис. 1 — классическая рубашка; рис. 2 — рубашка; рис. 3 — воротник.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1925–1947

«Бои за получку»

На протяжении всего периода НЭПа проходили забастовки рабочих, связанные с низкой оплатой их труда. Из секретных материалов Лубянки, адресованных И.В. Сталину, узнаем, что зарплата квалифицированного рабочего составляла 20–30 рублей, велико было и расслоение среди рабочих, с точки зрения их самих необъяснимое. Например, находим такое сообщение: «Фабрика Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры Иваново-Вознесенской губ. Рабочие верхнего этажа, вырабатывающие лучшие сорта, при более легкой работе зарабатывают 3–4 руб., на нижнем же этаже вырабатывающие худшие сорта при более тяжелой работе зарабатывают 28 руб. в месяц».

Состояние денежных отношений становилось все более напряженным, поскольку и цены, и зарплаты постоянно лихорадило в связи с разными постановлениями и решениями. Так, осенью 1925 г. цены на хлеб стремительно упали (до 40 копеек за пуд), но это вовсе нельзя рассматривать как улучшение условий жизни. Поскольку в стране действовал продовольственный налог, крестьяне вынуждены были продавать хлеб за бесценок – чтобы весной купить его по бешеным ценам. В создавшихся условиях стали появляться всевозможные «тактики выживания» – припрятывания, обмен, мешочничество, спекуляция и т. п.

Несомненно, это влияло на покупательскую способность рубля, да и на производительность. Начался период скрытого саботажа, люди вслух говорили о необходимости свержения новой власти, превратившейся в настоящего эксплуататора, еще похлеще царских заводчиков.

Особенно остро в середине 1920-х гг. встал вопрос о заработной плате. Принцип социального равенства захватил всех: «Почему на железной дороге в одном конце премия 58 рублей, а на другом — 20?» В это же время правительство начало реализовывать различные схемы выплаты зарплаты, которые только увеличивали недовольство. Например, переход от расчета «штука-час» к «штуке-рубль» (фактически на сделчину). При перерасчетах рабочий всегда проигрывал и получал денег меньше, чем до того. Например, на шахте имени Артема механизировали добычу угля, что привело к увеличению производительности и уменьшению числа рабочих. Тем не менее и те, кто остался, проиграли в зарплате вдвое – в день зарплата теперь составляла 1 руб. 30 коп. (против 2 руб. 50 коп. раньше). В секретном донесении И.В. Сталину были зафиксированы возмущения рабочих: «Ну, будем помнить свободу,

▲ Банкнота 3 рубля образца 1925 г.

как было порабощение, так и есть». Некоторые из них говорили, что «скоро придется позвать снова «хозяина Парамонова», так как заевшиеся новые хозяева поворачивают к старому»¹².

На Балтийском заводе в Ленинграде рабочие сами занялись расчетами и пришли к выводу о выгодности саботажа: «В механическом цехе рабочие недовольны неправильными расценками. Так, за обточку и нарезку резьбы болта [размером в] 1 1/4 [м] дается 1 руб. 20 коп. и токарь вырабатывает их 8 штук в день, зарабатывая 9 руб. 60 коп., балансирный валик длиной 1 1/2 м диаметром 0,4 расценивается в 3 руб. 75 коп. При самой быстрой работе токарь его может сделать в 2 1/2 дня. Рабочие, работающие на валиках, учитывая, что им не выработать больше рубля в день, пускают станок тихим ходом и обрабатывают валик 5 дней, зарабатывая по 90 коп. в день»¹³.

А вот и история с продолжением: «21 сентября объявили забастовку 250 бетонщиков на постройке Русгерстроя (Москва). Забастовка была мотивирована низким заработком. За первую половину сентября бетонщики зарабатывали в день в среднем 2 руб. 75 коп., до сентября же рабочие зарабатывали в день 3 руб. 80 коп. Рабочими предъявлено требование о повышении зарплаты и перерасчете за прошлое». Чем все кончилось, даже не верится: «22 сентября рабочие на старых условиях приступили к работе»¹⁴. Из этого можно сделать вывод, что их требования были удовлетворены, зарплата снова стала 3 рубля 80 копеек в день.

► Бригада рабочих Верхне-Исетского металлургического завода под руководством Георгия Кабалкина. 1927 г.

▲ Банкнота один червонец образца 1926 г.

▲ Сборка тракторов на конвейере завода "Красный путиловец" (ныне ОАО "Кировский завод"). Репродукция фотографии 1928 года.

Уровень зарплат держался примерно на одной линии несколько лет. Вот события 1927 г. Речь идет о Будогощенских лесоразработках Ленинградского округа, куда прибыли сезонные рабочие, 460 человек. «Вследствие тяжелых условий труда зарплата рабочих достигла лишь 70 коп. в день вместо обещанных 3 руб. 50 коп., избытки для жилья оказались непригодными, подвоз продуктов отсутствовал, и за едой лесорубам приходилось ходить в окружающие села. Возмущенные лесорубы, поломав помещения, двери, оконные рамы и порубив котлы, искали для расправы представителя лесозаготовок. Выданные им топоры и пилы они распродали крестьянам за бесценок. Требование лесорубов об отправке их на родину (Псковский и Витебский округа) было удовлетворено. Перевозка обошлась в 10 000 руб.»¹⁵

Бесхозяйственность властей, пытающихся хоть как-то наладить созидательную жизнь в стране, и все тот же уровень обкрадывания населения, несправедливого распределения средств стали причиной настоящей классовой ненависти.

Впрочем, зарплата выплачивалась не в срок, постоянно были перебои с подвозом денег, иногда задолженность по зарплате доходила до двух месяцев. Если учесть, что больше денег взять было негде, то понятно, что целые семьи оказывались без куска хлеба. И тогда круги, по которым ходили жители Советской России в годы Гражданской войны, снова повторялись: продать все, что есть в доме, за бесценок, чтобы купить втридорога хлеба.

Более-менее укрепившийся рубль был напечатан в это время по-новому – для улучшения ситуации с разменом. Однако по сути после реформ 1924 г. денежная система не пересматривалась вплоть до 1928 г., когда экономическая политика правительства привела страну к серьезному кризису.

Превращение советской власти в «надсмотрщика» над своим народом было неизбежным следствием той политики, что стала проводить-

ся с середины 1920-х гг.: увеличение бюджета за счет безжалостной эксплуатации труда и повсеместное применение форм «мобилизационной экономики».

Большое значение имели так называемые колдоговора (коллективные договоры), которые рабочие обязаны были подписывать каждый год. Их содержание могло изменяться, что не всегда было выгодно для рабочего. Так, например, в 1927 г. была введена «бесплатная суббота» – два рабочих часа, которые рабочие выполняли без оплаты, в знак своей идейной преданности делу революции.

Представлять, что вся страна спокойно проглотила такие жестокости, значит не знать страну. Во многом именно активные выступления людей, их готовность к протестам и бунтам и повели СССР в пучину репрессий и «черных лет» страха (стать «врагом народа» мог любой и в любой момент). На протяжении всей второй половины 1920-х гг. страна волновалась, бастовала и возмущалась. Каждый месяц Сталин получал с Лубянки (резиденции ЧК, затем НКВД) тексты листовок, которые расклеивались в самых значимых местах – например, возле окошечка кассы на заводе.

Главная причина возмущения – низкие зарплаты, дороговизна, очевидное социальное расслоение.

Особое место в обществе начали занимать так называемые спецы – специалисты, новый класс. Рабочие немедленно распознали в этом возвышении спецов дорогу к расслоению и начали протестовать.

И это понятно – спецам не только выплачивались зарплаты совершенно иного уровня, чем рабочим, но и обеспечивалось особое образование их детям, особое медицинское обслуживание и т. п.

На беспартийных собраниях (которые, судя по сводкам Лубянки, шли постоянно и повсеместно) во многих городах страны высказывалась одна и та же мысль – надо отличать спецов от специалистов. Специалист – инженер, человек с образованием, разбирающийся в сложной технике, помогающий организовать производ-

▲ Плакат к фильму «Октябрь», братья Стенберги, Яков Руклевский, 1928 г.

▲ Монета 20 копеек образца 1922 г.

▲ Монета 15 копеек образца 1922 г.

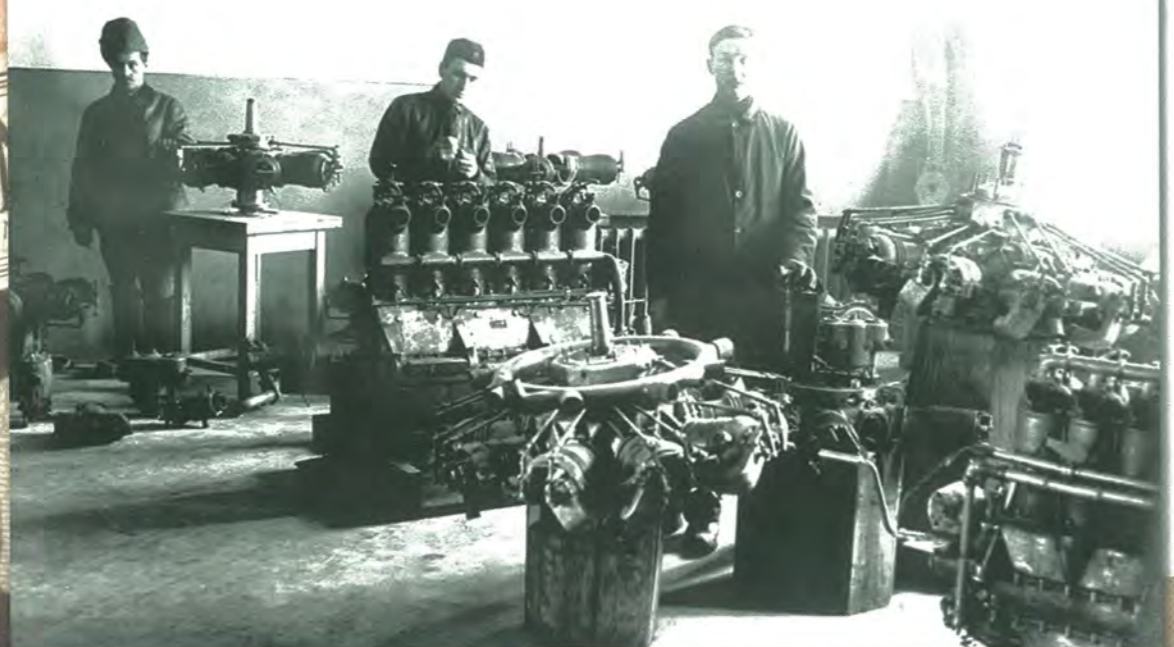

▲ Банкнота 1 рубль образца 1928 г.
 ▼ Сборка моторов в одном из цехов московского завода «АМО» (сейчас завод им. И. Лихачева). 1927 г.

ство. Спец – администратор, управленец, человек из конторы, пользы в нем рабочие не видели никакой. Но, разумеется, раз уж высокая зарплата доставалась и тем, и другим, то под горячую руку попадались все без разбору (масса случаев угроз и даже расправы с инженерами, в привилегированном положении которых рабочие видели причину своих бедствий).

Зарплата спеца поначалу была 200–300 рублей (а у рабочих — 20–30). Потом расслоение стало еще более серьезным. Спецам были выделены дополнительные метры в квартирах, они получали усиленное питание. Когда же пришла пора постановления о детях спецов (привилегированные школы), то социальное терпение лопнуло. Возмущение было повсеместным.

Получалось, что партиец с портфелем (то есть занимающий какой-то ответственный пост) получал в 10 раз больше, чем партиец рядовой. Но в большинстве случаев все партийцы были «при деле» (при портфеле), так что «коммунист» тоже означало спец. В 1925 г. беспартийные и коммунисты костеобрабатывающего завода в Ленинграде заявили, что «получая 80 руб. в месяц, готовы получать 50 руб., но пусть столько же получают и красные директора, и другие коммунисты»¹⁶.

Лубянка доносила Сталину и правительству: «Троицкий округ (Урал). В ночь на 7 мая 1928 г. на приiske “Кочкарь” (Кочкарские золотые прииски) на стене шахты “Октябрь” была обнаружена листовка-воззвание следующего содержания.

“Воззвание ко всем рабочим, работницам, крестьянам и крестьянкам. Товарищи. Только что мы почувствовали подживание наших ран после длительных боин империалистической и Гражданской войны, как тут же приступили к построению социалистического общества, но мы здесь ошиблись. Вместо социалистического общества мы обратно вернулись к капиталистическому строю. Товарищи, нам говорят, что мы бы поднимали производительность труда, уплотняли рабочий день, что и послужит развитию нашей промышленности, а все наши гроши, остающиеся государству как прибыль, идут не на развитие промышленности, а в карман советской бюрократии и старым чиновникам царской армии, они получают 500–600 руб. Им предоставляют коммунальные услуги: квартиру, мягкую мебель, зеркала и т. п., все бесплатно, а нашему брату, рабочим, если и дадут хижину да скамейку, и за это рвут беспощадно; то какой же тут может быть социализм, ведь при социализме не должно быть классов, а у нас они есть, это пролетариат и совбуржуа. У крестьян отобрали хлеб, а нам, рабочим, теперь приходится умирать с голода. 5 мая нам пришлось хлеб покупать не на базаре, а бежать за прииск, встречать [приехавших] с хлебом и там поку-

▲ Государственный внутренний 6% выигрышный заем индустриализации народного хозяйства СССР, 25 рублей, 1927 г.

пать. Крестьянин задушен налогами, и нынче будет большой недосев; видно, придется еще пролить нашей крови, а поэтому, товарищи, слушайте сигнал – первый выстрел и будьте готовы к борьбе с совбуржуазией. Да здравствует свобода, да здравствует братство и равенство всех народов, долой советских бюрократов, долой чиновников старой царской армии! Рабочий класс сумеет сам править государством»¹⁷.

Так имущественное расслоение надолго стало визитной карточкой нового строя. Во время голода 1933 г. вопрос о стимулировании труда надсмотрщиков исправительных отрядов решался простейшим способом: «Постановление бюро Молдавского обкома КП(б)У "О борьбе с детской беспризорностью и бродяжническим элементом". 11 мая 1933 г.

... 7. Установить повышенную заработную плату комендантам за счет пониженной зарплаты лицам, входящим в отряды, а также обеспечить продовольственное снабжение самих комендантов и семейств. Предусмотреть премирование комендантов за перевыполнение руководимым им трудовым отрядом заданий»¹⁸.

Возмущения, озлобление, постоянное сопоставление жизни при коммунистах с жизнью при царе – все это яркие черты политической жизни страны, обусловленные неспособностью правительства отладить хозяйственные механизмы.

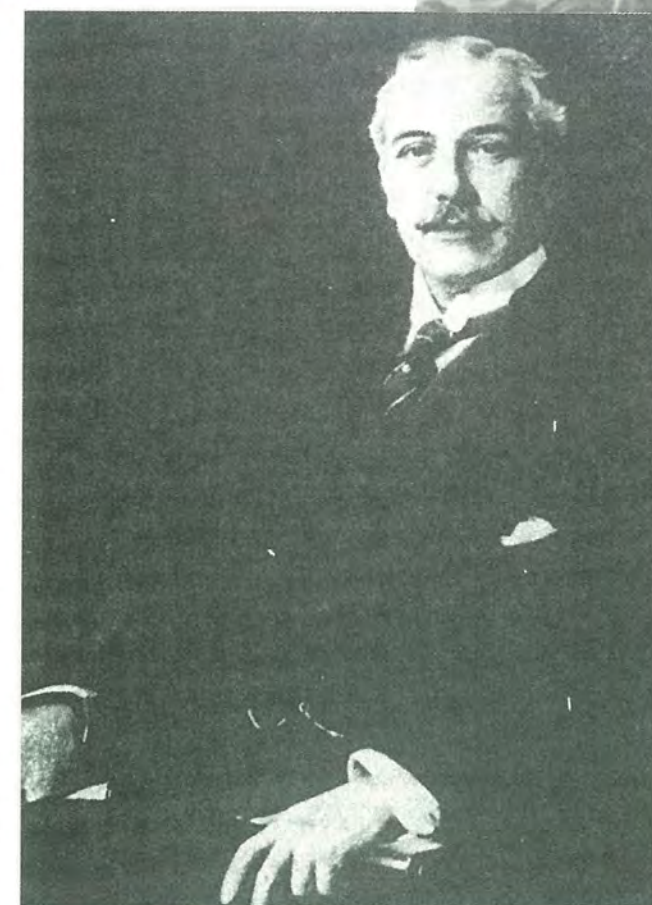

► Портрет Н. Надеждиной. В. Лебедев. 1927 г.

Фальшивые червонцы

К 1928 г. относится самое громкое дело о подделке червонцев («Мурманские червонцы»). Купюра в 1 червонец печаталась с одной стороны, что облегчало подделку. Организацией производства и сбыта фальшивых советских денег занялись бизнесмены, утратившие свои состояния в результате революции. Во главе затеи стоял сэр Генри Детердинг, генеральный директор и акционер компании «Ройал датч-Шелл», потерявший свою кавказскую нефть. Задача была ясной – ослабить Советы инфляцией и нанести удар при помощи интервенции. Уже в 1926 г. Детердинг заявил, что Советская Россия на пороге инфляции. Тогда уже была начата активная работа по техническому оснащению производства фальшивых денег.

«Художниками»-мастерами стали выходцы из Грузии, сбывчиком – ротмистр А. Шиллер, клановый и отважный военный. В Берлине на частной квартире мастерили пластины. В одной из немецких типографий напечатали первые партии денег. Часть из них белоэмигранты брались переправить в Советский Союз. Часть фальшивомонетчики решили сбывать в Германии – и сразу напоролась на правоохранительные органы. Правда, расследование шло очень вяло, и дело было закрыто, а «грузинско-германская банда» продолжила печать фальшивых денег – теперь уже в Париже. Шиллер увез деньги в СССР, где поручил их распространение бывшим однополчанам. Один из них, Федотов, был практически схвачен при первой же попытке сбывать фальшивые червонцы. Тогда он увез картонную коробку с деньгами под

▲ Генри Детердинг, генеральный директор и акционер компании «Ройал датч-Шелл».

Мурманск, к своему дальнему родственнику. Тот сразу обнаружил, что червонцы ненастоящие – бумага, на которой их печатали в Германии и Франции, была слишком мягкая, нехрусткая. Но попытался отправить почтовым переводом 30 рублей. Почтовый служащий Сепалов после долгих раздумий все же увез банкноты «куда следует». ЧК немедленно разобралась с этой историей и распутала ее до основания. Тем не менее суд над членами «банды фальшивомонетчиков» был очень мягким – ведь они не хотели получить экономическую выгоду, ими руководил благородный гнев против Советов-грабителей.

Повседневная жизнь

Была и обычная повседневная жизнь городов и деревень – здесь еще зиждился мир нэпманов, организующих какие-то развлечения, работали рестораны, на улицах можно было увидеть модниц.

Георгий Андреевский, рассказывая о Москве середины 1920-х гг., пишет, что витрины сияли, по улицам ездили автомобили (из воспоминаний иностранцев, кстати, узнаем, что движение «моторной техники» в Москве никак не регулировалось, ездить в автомобиле было страшновато), тут и там видны были рекламные щиты, в кинотеатрах всюду показывали фильмы. «Реклама со страниц газет и журналов, с плакатов и витрин призывала граждан покупать в магазине, находящемся в доме 3 по Кузнецкому Мосту, мужскую обувь Зеленкина с клеймом на подошве. Представляете: не с дырой, а с клеймом! Это казалось верхом шика. В Верхних торговых рядах, то есть в ГУМе, можно было днем и ночью взять напрокат «роскошный» автомобиль. Парикмахерская «Базиль» в доме 6 по Кузнецкому Мосту предлагала мужчинам покрасить волосы, а женщинам – уход за красотой лица и маникюр, а также художественное исполнение постижа, то есть парика. Галантерейный магазин предлагал дамам депиляторий для удаления волос, а также бандажи, корсеты и

прочие предметы ухода за собой. В московских магазинах действительно появились шикарные вещи. Улицей, на которой продажа этих вещей шла особенно бойко, была Петровка. Ее называли «котиковой» улицей, по которой, как писал один журналист, ходят «шиншилловые мадонны с отсутствующими взорами и радиостанциями на голове вместо шляп». На Петровке можно было купить все: и шнурки для корсета, и шелковые чулки, и мраморный умывальник, и ночную вазу»¹⁹.

В одном из выпусков «Вечерней Москвы» 1926 г. (кстати, газета была создана в 1923 г. – вполне в нэпмановском стиле и на волне нового отношения к собственности), «Бродвей» тогдашней Москвы – улицу Петровку описывали так: «... Пройдем вдоль стен, застланных зеркальными витринами... Флотилии узконосых лаковых штроблет, груды снежного паутинного белья, какие-то особенные, из шелковой пряжи кофты цвета яичного желтка и раздавленной клюквы. Изумительные, обшитые розами, подвязки... медовые табаки, бриллиантовые скорпионы, шоколадные тыквы и аппараты для радикального разглаживания морщин... Кинематографические джентльмены в широких пальто и канареечных ботинках. Их спутницы в манто с модно подчеркнутыми торсами, прижимающие к груди огромные лакированные сумки... этот «членский билет» петровских дам»²⁰.

Андреевский приводит интересные сведения о ценах в московских магазинах 1929 г.²¹. Занимательны и сами предметы, и их стоимость. Чтобы было понятнее, стоит соотнести цены с зарплатой среднего советского служащего.

«Конечно, я мог бы обратиться к частному лицу, – сказал посетитель, – мне всякий даст, но, вы понимаете, это не совсем удобно с политической точки зрения. Сын революционера – и вдруг просит денег у частника, у нэпмана.. Последние слова сын лейтенанта произнес с надрывом».

Ильф И., Петров Е. «Золотой теленок»

▼ Угол Кузнецкого и Петровки. Вид в сторону Театральной площади и магазина Мюр и Мерилиз 1926 г.

Она составляла в 1929 г. в год (официально) 936 рублей в несельскохозяйственном секторе и 393 рубля в сельском хозяйстве. Таким образом, в месяц получалось 30–80 рублей.

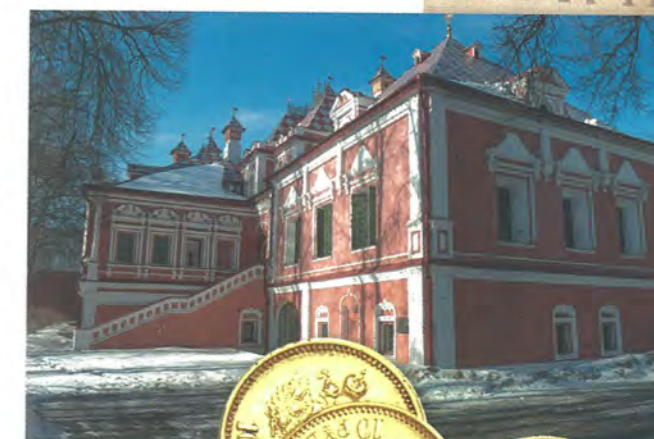
Что можно было купить в 1929 г.	Цена (дана в рублях, соотношение к червонцу примерно 10:1)
Мужские туфли («штиблеты» — как их тогда называли) с рантом и без	11–13 рублей
Женские туфли	11–13 рублей
Яловые женские полурезиновые башмаки	9 рублей
Детская обувь	5–7 рублей
Фетровые женские боты черные, и серые, и песочные	25–32 рубля
Прорезиненное мужское и женское пальто	20 рублей
Хомут	20 рублей
Английский замок «ПЭЛЬ» с тремя ключами	5 с половиной
Трехструнная балалайка	4 рубля 75 копеек
Шестиструнная балалайка	16 рублей 80 копеек
Гитары итальянской формы	от 18 рублей 20 копеек до 42 рублей
Гармоники «Невские»	3 рубля
Гармоники «Елецкие»	3 рубля 70 копеек
Гармоники губные	от 75 копеек до 2 рублей 50 копеек
Граммофоны однопружинные с рупором	55 рублей
Граммофоны однопружинные без рупора	75 рублей и дороже
Граммофонные пластинки «Гигант» с записями Шаляпина, Собинова и других исполнителей	от 90 копеек до 2 рублей 50 копеек
Коробочка иголок (200 штук) для граммофона	70 копеек
Радиокomплект (приемник, детектор, телефон без антенны)	7 рублей 50 копеек
С антенной	14 рублей 50 копеек
Приемник Шапошникова	16 рублей
Приемник Шапошникова с антенной	20 рублей
Двухламповый приемник с переходом на детектор	74 рубля 18 копеек
Фотоаппараты продавались и новые, и подержанные	от 60 до 600 рублей
Никелированные сахарные щипцы	70 копеек
Карманные и перочинные ножи	от 60 копеек до 3 рублей
Фонари «Летучая мышь» со свечкой внутри	3 рубля 60 копеек
Оцинкованные рукомытники, окрашенные эмалевой краской	4 рубля 15 копеек
Никелированные кофейники	6–8 рублей
Расческа «Ермолова»	72 копейки
Расческа «Собинов»	81 копейка
Настольная металлическая чернильница с крышкой и желобком для ручки	1 рубль 50 копеек

Брезентовый саквояж	14 рублей
Брезентовый портфель	5–7 рублей
«Совнаркомовский» портфель с двумя замками	50 рублей
Чемодан гранитолевый	от 6 до 15 рублей
Полевая сумка военного	16 рублей 80 копеек
Кобура для «браунинга»	3 рубля
Кобура для «парабеллума»	5 рублей
Португез для пионеров и комсомольцев («юнгштурм»)	от 2 рублей 65 копеек до 3 рублей 20 копеек.
Лыжи «Хаповези» и «Идеал»	13 рублей 25 копеек

Блеск бриллиантов

В это время в Москве и других городах – бум кладоискательства. История Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова – памятник этой эпохе. Не случайно роман написан в 1927 г. – по следам одной из самых впечатляющих историй, связанных с «золотом буржуев», обнаруженным в бывшем особняке князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке в Москве.

Важно, что клады в Москве и Ленинграде находили постоянно – люди покидали свои жилища, спасая жизни, и не могли нести с собой все эти ценности (часто, кстати, тяжелые, неудобные, невозможные для перехода через границу). Попрятано было такое множество сумок, тюков, сундуков, использованы для этого такие невероятные места, что можно только поражаться изобретательности людей. Под полом особняка на Тверской найдены были три золотых слитка общим весом 7,5 кг. В старой печи в Калуге – часть коллекции знаменитого нумизмата Г.Г. Чистоклетова (три тысячи серебряных и медных монет; золотые монеты исчезли без следа). В Москве в Потаповском переулке обнаружены два чулка, набитых «керенками» на 55 тысяч, жемчугом, золотыми изделиями.

▲ Палаты Юсуповых в большом Харитоньевском переулке.

Согласно легенде, передаваемой старожилками Москвы, при строительстве проспекта Калинина сносили старые московские дома. Там было обнаружено золота столько, что можно было «построить небольшой город».

В доме миллионера Рябушинского беспризорники обнаружили замурованную комнату – бывшую винную кладовую – доверху забитую вещами и ценными предметами. Там были скульптуры работы известнейших мастеров, шкатулки, табакерки²².

▲ Князь Феликс Юсупов (слева) с женой Ириной (справа).

Но находка в Большом Харитоньевском переулке превзошла все ожидания. Особняк Юсупова был построен еще в XVII в. (принадлежал боярам Волковым). Конечно, в доме было множество тайников. В 1923 г. – уже после бегства Феликса Юсупова за границу – особняк тщательно обыскали, но обнаружено было немного. И только два года спустя клад все же был найден. Ф.Э. Дзержинский известил правительство об этой находке с целью попросить 25% для строительства жилых домов: «7-го апреля этого года нам сообщили из Военно-исторического музея (бывший особняк князей Юсуповых), что под лестницей вестибюля обнаружен тайник, в котором через отверстие в вершок-полтора, проделанное в стене, видны какие-то блестящие предметы. Так как этим домом мы интересуемся уже давно (еще в 23 г.), нами агентурным путем обнаружены там 2 сейфа Английского посольства, и комендант дома, старый служащий Юсуповых, и сейчас находится в ссылке за сокрытие, то тут же по сообщению был послан наш представитель. В тайнике оказались сложенные на полу разные старинные серебряные вещи (кубки, чаши и пр.) и несколько запертых сундучков, за исключением одного железного, полуразвалившегося от долгого пребывания в сыром помещении. Не зная содержимого ящиков, поздно вечером все обнаруженное с описью незапертых вещей было доставлено в ОГПУ.

▲ Монеты 2 копейки образца 1908 г.

Комиссия, составленная с участием представителей музейного отдела Главнауки, произвела опись всего, причем в одном из ящиков оказались драгоценные камни и украшения из них. Оценки найденного не произведено, но по грубому определению эксперта стоимость выражается приблизительно в несколько миллионов рублей²³.

По ценам 1925 г. драгоценностей было обнаружено на 5 млн рублей. Но чтобы было нагляднее, вес найденных серебряных предметов составил 1,12 т, золотых – 13,5 кг. Количеством это выглядело так: «25 коле, 255 брошей, 13 диадем, 42 браслета, 43 кулона, серьги, пряжки, цепи, подвески из золота и платины, украшенные крупными бриллиантами, изумрудами, рубинами и жемчугом, 200 чарок, блюд, ковшей из серебра (XVI–XIX вв.), большая серебряная фигура коня, три громадных лебедя работы XVII века. Кроме всего перечисленного, в тайнике нашли скрипку работы Страдивари²⁴.

Но это только «чистое» серебро и золото, а сколько еще было драгоценных камней в соответствующих оправках! Вот фрагмент описи, составленной работниками музея: «Одно кольцо с 10 гранеными изумрудами, осыпанное бриллиантами. Вес 19 зол. 6 дол. Одно кольцо с 12 изумрудами (барельефы), осыпанное бриллиантами. Вес 17 зол. 80 дол... Одно кольцо из 11 крупных бриллиантов. Вес 16 зол. 72 дол. Одна брошь с одним крупным бриллиантом коричневого цвета, с 3 средними и мелкими бриллиантами. Одна брошь с одним жемчугом и 4 крупными и мелкими бриллиантами. Один кулон с одним цветным (желтым) камнем и мелкими бриллиантами. Один кулон с большим грушеобразным бриллиантом и мелкими. Общий вес 15 зол. 84 дол. Одно украшение платиновое на корсаж с одним большим бриллиантом, мелкими бриллиантами и мелкими рубинами... Одно платиновое кольцо с крупными и мелкими бриллиантами и одна платиновая диадема с одним крупным и мелкими бриллиантами. Общий вес 78 зол. 24 дол. Одно кольцо с 58 крупными бриллиантами и одно кольцо (в форме подвесок) с мелкими и крупными бриллианта-

▲ Монеты 15 копейки образца 1928 г.
▼ «Выполним план великих работ».
Г.Г. Клуцис, 1930 г.

▲ Арифметика встречного промфинплана", Я.М. Гуминер, 1931 г.

ми...»²⁵. Золотник равен 4,3 г, а доля – его 96-я часть. Это скупое описание дает представление об уникальности спрятанных драгоценностей – чего стоит только один «большой грушеобразный алмаз».

А вот музейное описание серебра, извлеченного из сырой комнаты под лестницей: «Большая серебряная кружка работы мастера М. Лаубаха. Окончена им 22 октября 1670 г. в Италии. Лохань и рукомыльник серебряные, голландской работы конца XVII века. Рукомыльник серебряный, с чеканкой, английской работы. Сделан в Лондоне в 1652 г. Кубок серебряный, работы нюрнбергских мастеров XVII века. Серебряная кружка с различными изображениями. Немецкий мастер из Любека, XVI век. Кубок серебряный, с чеканкой, швейцарской работы XVIII века. Ларчик серебряный, украшенный орнаментом. Немецкая работа. Мастер Шеха из Аугсбурга (1668 – 1692 гг.). Стопа московской работы. 1757 г. Мастер Федор Петров...»²⁶. Это не просто «70 пудов серебра», а поистине высоко художественные предметы, представляющие собой вечную ценность как памятники искусства, истинного мастерства.

Исследователи полагают, что, скорее всего, это было не только фамильное серебро и драгоценности, но и богатые подарки, полученные Феликсом Юсуповым при его бракосочетании с великой княжной в 1914 г.

Сразу после находки вдохновленный Главмузей еще раз прочесал дворцы Юсупова. Обследование было более тщательным, чем в 1923 г., удалось найти множество потайных мест. В донесении комиссии говорилось: «Некоторые кладовые снабжены специальными механизмами, подъемными и раздвижными. Достаточно нажать кнопку или повернуть рычаг, где-нибудь поблизости расположенный, и механизм приводится в движение»²⁷. Там обнаружили кладовки, сейфы и шкафы, вмурованные в стены. Но все они были пусты.

Бриллианты и драгоценности царской короны частично были распроданы правительством на западных аукционах (чему возмущался эмигрировавший из России князь Юсупов), но часть коллекции и сегодня хранится в Оружейной палате.

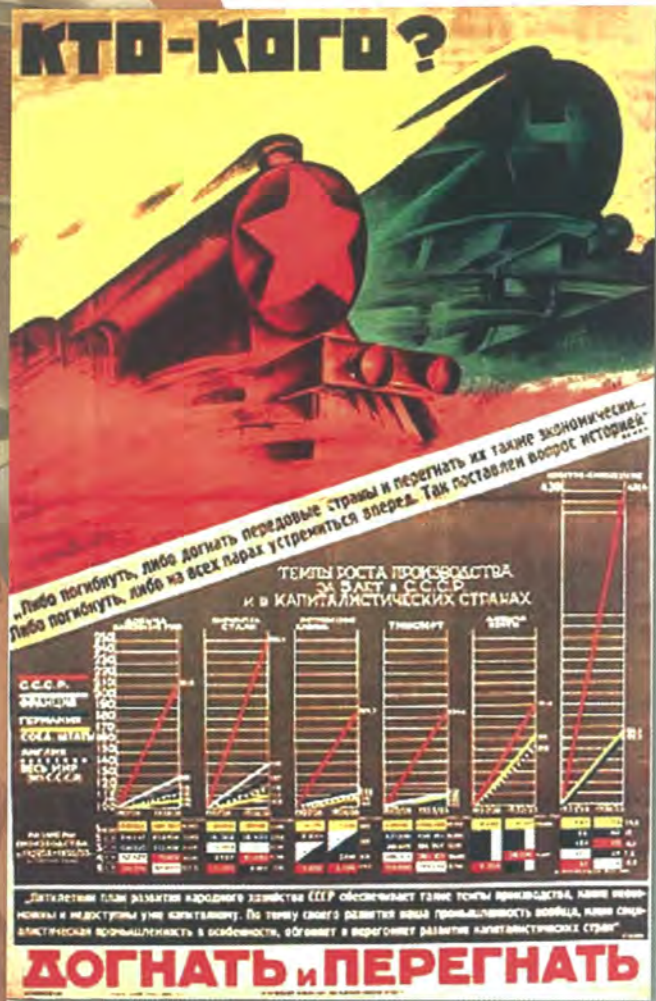
И снова инфляция

В 1928 г. стартовала пятилетка – первый опыт построения планового хозяйства в масштабах огромной страны. Задача была поставлена грандиозная и в то же время вполне конкретная – индустриализация СССР. Под индустриализацией понималось мгновенное достижение высокого технического уровня всего производства. План разъяснен был И.В. Сталиным в апреле следующего, 1929 г.: «Сталин. План партии:

- 1) мы перевооружаем (реконструкция) промышленность;
- 2) мы начинаем серьезно перевооружать сельское хозяйство (реконструкция);
- 3) для этого надо расширять строительство колхозов и совхозов, массовое применение контракции и машинно-тракторных станций как средство установления производственной смычки между индустрией и сельским хозяйством;
- 4) что касается хлебозаготовительных затруднений в данный момент, то необходимо признать допустимость временных чрезвычайных мер, подкрепленных общественной под-

▲ Газета «Правда», 1928 г.
▲ Плакат «Колхозники и единоличники! Сдадим хлеб государству...». В. Говорков, 1933 г.

▲ Плакат «Догнать и перегнать», 1929 г.

держкой середнячко-бедняцких масс, как одно из средств сломить сопротивление кулачества и взять у него максимально хлебные излишки, необходимые для того, чтобы обойтись без импорта хлеба и сохранить валюту для развития индустрии;

5) индивидуальное беднячко-средняцкое хозяйство играет и будет еще играть преобладающую роль в деле снабжения страны продовольствием и сырьем, но оно одно лишь уже недостаточно, развитие индивидуального беднячко-средняцкого хозяйства надо дополнить поэтому развитием колхозов и совхозов, массовой контрактации, усиленным развитием машинно-тракторных станций для того, чтобы облегчить вытеснение капиталистических элементов из сельского хозяйства и постепенный перевод индивидуальных крестьянских хозяйств на рельсы крупных коллективных хозяйств, на рельсы коллективного труда;

6) но чтобы добиться всего этого, необходимо прежде всего усилить развитие индустрии металла, химии, машиностроения, тракторных заводов, заводов сельхозмашин и т.д. Без этого невозможны разрешение зерновой проблемы и реконструкция сельского хозяйства.

Вывод: ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии»²⁸.

Как видим, индустриализация провозглашалась ключом к решению всех проблем, «реконструкция» (переоснащение) сельского хозяйства, по замыслу Сталина, должна была соединить рабочий класс и крестьянство в единую общность. Одновременно он вполне адекватно изложил план Н.И. Бухарина:

«Сталин. План т. Бухарина:

- 1) нормализация рынка, допущение свободной игры цен и повышение цен на хлеб, не останавливаясь перед тем, что это может повести к вздорожанию промтоваров, сырья, хлеба;
- 2) всемерное развитие индивидуального крестьянского хозяйства при известном сокращении темпа развития колхозов и совхозов (тезисы т. Бухарина в июле, речь Бухарина на июльском пленуме);
- 3) заготовки путем самотека, исключаящие всегда и при всяких условиях даже частичное применение чрезвычайных мер против кулачества, если даже эти меры поддерживаются середнячко-бедняцкой массой;
- 4) в случае нехватки хлеба – ввоз миллионов на 100 руб.;

5) а если валюты не хватит на то, чтобы покрыть и ввоз хлеба, и ввоз оборудования для промышленности, то надо сократить ввоз оборудования, а значит, и темп развития нашей индустрии, иначе у нас будет «топтанье на месте», а то и «прямое падение вниз» сельского хозяйства («Заметки экономиста»).

Вывод: ключом к реконструкции сельского хозяйства является, стало быть, не усиленный темп развития индустрии, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства.

Вот так оборачивается дело, товарищи»²⁹.

Далее на том же пленуме Сталин жестко раскритиковал эту позицию, считая, что все трудности по хлебозаготовкам связаны с неурожаем 1928 г. и возникшим вслед за тем хлебным кризисом. Он также сказал, что СССР ни за что не примет предложение Америки везти в страну хлеб «в кредит». Глава страны выразил уверенность, что Советский Союз в кабалу не полезет, а возможностей у страны – море.

Именно так страна вступала в тяжелейший период бесхлебья, где «чрезвычайные меры», о которых говорил Сталин, начисто лишали крестьян даже минимальной возможности посеять новый урожай и выбраться из голодной западни.

Индустриализация как раз и была ответом на срыв хлебозаготовок 1928 г. (на Украине – житнице страны – собрали в 10 раз меньше хлеба, чем обычно). В той же речи 22 апреля 1929 г. Сталин подчеркнул, что хлебный кризис – знак для всей партии понять, что только индустриализация даст возможность построить устойчивое общество.

Никаких денег для этого грандиозного плана не было. Предполагалось построить индустриальные гиганты – ДнепроГЭС, Магнитогорский металлургический комбинат, заводы в Челябинске, Харькове, Свердловске и других городах. Турксиб, Московский метрополитен, дороги, мосты – все это должно было возникнуть как по мановению руки.

Как и предрекал Н.И. Бухарин, ситуация оказалась невыполнимой из-за отсутствия средств. СССР отказался от зарубежной помощи и не мог согласиться на внешний долг, а следовательно, рассчитывать можно было только на свои силы. Но здесь и возникала проблема – финансовых возможностей потянуть «планов громадьё» не было. Предложение Бухарина касалось и этого вопроса (подтянуть деревню, дать ей шанс развернуть торговлю – и получить оптимальный оборот денег). Но Сталин не собирался идти таким путем. Уже первые четыре объекта из более чем тридцати «съели»

▲ Почтовый блок СССР, 1979 год: 50 лет принятия первого пятилетнего плана.

весь бюджет первой пятилетки (единственный показатель, по которому план пятилетки был выполнен и перевыполнен, – освоение капиталовложений). Именно тогда и было принято решение «включить печатный станок».

Деньги были нужны для выплаты заработной платы. Как ее ни ужимали, но потребность только росла. Во многом это было связано с исходом из деревни и развернувшейся в ходе пятилетки коллективизацией. Не говоря обо всех перегибах этого процесса, остановимся только на денежных потоках.

«Выбросили, выкинули» – бытовое выражение, обозначающее появление на прилавке того или иного товара и распространенное в эпоху тотального дефицита. Время появления выражения неопределенно, но, вероятно, связано с прекращением торговли по карточкам.

Беловинский Л.В. «Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни»

▲ Плакат «Комсомол – ударная бригада пятилетки». В. Люшин 1931г.

Колхозники по всем статьям проигрывали единоличникам, и объединение в колхозы повсеместно было принудительным. Структура дохода колхозника складывалась из оплаты его трудней в колхозе (часто это был мизер), заработной платы, которую он мог получать помимо этого (как член хозяйства), доходов от кустарных промыслов, торговли на рынке излишками, лесозаготовками, занятия извозом и присылки денег в хозяйство членами семьи, нашедшими хоть какую-то работу в городе. Зависимость от этой последней статьи доходов все время увеличивалась. Толпы крестьян отправились в города в надежде заработать хоть что-нибудь. Количество рабочих увеличилось в СССР с 11,6 млн в 1928 г. до 24,8 млн в 1935 г., и этот рост был обусловлен не естественным приростом населения (слишком маленький промежуток времени и не та демографическая ситуация), но именно переквалификацией крестьянства. Получалось, что увеличение промышленных показателей шло во многом за счет использования малоквалифицированного, черного труда. Но и этот труд должен был быть оплачен. Если в 1928 г.

зарплатный фонд СССР составлял 8,2 миллиарда рублей, то в 1932 г. – 32,7 миллиарда.

Впрочем, все, что мы считаем в рублях, следует переоценивать с точки зрения инфляции. Так, в отчетах по первой пятилетке находим, что среднегодовая зарплата рабочих и служащих в СССР в 1928 г. составляла 703,4 рубля, а в 1932 – 1432,4 рубля (крестьянство в расчеты не было включено, по видимому, чтобы не портить показатели, однако и там среднегодовой доход держался в районе 700 рублей в 1928 г.). Рост заработной платы в два раза позволяет определить, что число рабочих и служащих удвоилось (сравним 8,2 миллиарда и 32,7 миллиарда – половину этой суммы съела инфляция, вторая половина – количественная). Таким образом, сравнение в рублях (либо ценах) не может быть показательным. Однако подведение итогов первой пятилетки было сделано таким «хитрым» способом. На бумаге выглядело, что все показатели достигнуты, выполнены и перевыполнены, а на деле это был «фокус с экономическими пузырями».

Инфляция в СССР этого периода проявлялась в разных обличьях. Так, рабочие на фабриках и заводах в течение всей пятилетки находились под страхом «уплотнения» и перевода на несколько станков. Причем, например, на Ивановской фабрике работа на одном станке приносила прядильщицам 30 рублей, а на трех – 34 рубля в месяц. И это уже был не труд, а каторга, что вызывало отчаяние прядильщиц. Их обращения оставались без ответа (хотя тщательно учитывались ОГПУ и дословно пересылались Сталину и правительству в качестве примера «антисоветских настроений»). Уход квалифицированных рабочих, потерявших надежду заработать в таких условиях, немедленно компенсировался готовыми на любые условия селянами. Однако отток «понимающих» рабочих сказывался на качестве – особенно в связи с закупкой техники за границей.

▲ Строители Турксиба (Туркестано-Сибирской магистрали) укладывают последние шпалы перед открытием.

Результат Т...
ВЫПИСКА
седания Президиума Я...
ов Рабочих, Крестьянских и Кр...
21-го Августа 1928

ПОСТА...
учитывая, что гор...
рид преимуществ, облегч...
винового Текотиль-Комби...
ростанция, годовые и целе...
пути, но...
он, силы, н...
предпр...
запомог...
МММ:
решений что...
решение...
строитель...
после...
райно-...
от...
дого...

▲ Плакат «Выполним пятилетку в 4 года!»

«Интехпомощь» (иностранный техническая помощь) во время первой пятилетки из разряда «совершенно секретных» документов перешла в директивы. Для простого народа это стало своеобразным символом плохого качества закупаемой техники и высоких зарплат спецам. Станки выходили из строя, заработок уменьшался, цены росли.

6 марта 1930 г. в Рязани была найдена листовка: «Все съестное, жировое ест наш враг буржуазия, а рабочим, что гнилое, процветай, наша Россия. За границу икру, овощ, лимон и апельсин, а оттуда, будто в помощь, шлют изломанных машин»³⁰.

То, что СССР продолжал в таких условиях импортировать товары для получения средств на индустриализацию, тоже важная часть тогдашней политики. Ведь своих внутренних промышленных накоплений не было. Что же до «изломанных машин» – большинство спешно открываемых и в тяжелых условиях продолжающих работу предприятий просто физически не справлялись с давлением. Надо было «гнать вал», «давать показатели», а качество никого не волновало. По некоторым оценкам, московские заводы выдавали до 65% бракованной продукции.

Что в это время творилось с ценами? В официальном статистическом справочнике дается картина цен на основные группы товаров в государственной и кооперативной торговле.

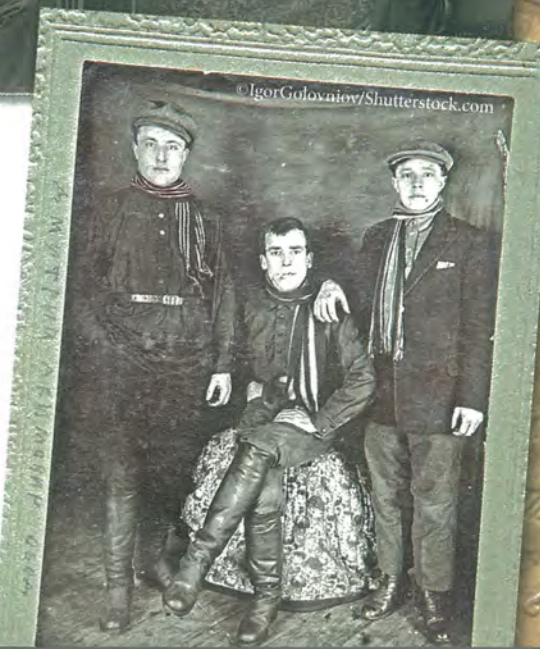
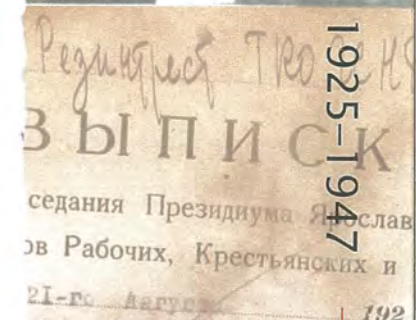
Продукты/Годы	1928, в копейках	1931, в копейках
Хлеб ржаной (кг)	9,0	8,8
Хлеб пшеничный (кг)	18,0	16,9
Гречка (кг)	19,8	19,6
Картофель (кг)	6,6	9,8
Говядина (кг)	66,1	88,7
Сливочное масло (кг)	225,8	313,8
Яйца (за десяток)	32,8	82,0
Масло растительное (за литр)	47,5	46,2
Сахар (кг)	61,9	60,8

Но, конечно, такая цена пригодна только для расчетов пайков, никак не того, что можно купить на рынке (в том числе и по фиксированным ценам). Так, сообщалось, что в Минске крестьяне торговали мукой (ржаной) по 130 рублей за пуд. А потом покупали хлеб с фиксированной ценой 2 рубля 50 копеек. Получался явный навар, или, как сказано в донесении, «большая личная выгода». Появились горькие шутки о том, что у рабочего с крестьянином теперь не «смычка» (таков был официальный лозунг), а «стычка» – крестьянин ломил цену какую хотел, а пролетарию с нищенской зарплатой деваться было некуда. Впрочем, со стороны крестьян тоже не было никакой наживы – сплошная борьба за выживание. Читаем «дружески-критичную» фразу рабочего стройконторы Фишкина: «С хлебом хорошо организовано, но покупать его не могу, т.к. не хватает денег, жалованье получаю всего 175 руб.»³¹. Это значит, что жалование возросло чуть ли не в 5–10 раз по сравнению с 1925 г. – но цены еще больше. Тогда служащий с 25 рублями жалованья едва сводил концы с концами, а теперь и 175 рублей – нищета.

Пес Шарик из «Собачьего сердца» Булгакова размышлял: «Иная машинисточка получает по девятому разряду четыре с половиной червонца, ну, правда, любовник ей фильдеперсовы чулочки подарит. Да ведь сколько за этот фильдеперс ей издевательств надо вынести! Прибежит машинисточка, ведь за четыре с половиной червонца в "Бар" не пойдешь! Ей и на кинематограф не хватает, а кинематограф у женщин един-

ГЛАВА ВТОРАЯ 1925–1947

▲ Банкнота один червонец образца 1926 г.

▲ Банкнота 3 рубля образца 1925 г.

ственное утешение в жизни. Дрожит, морщится, а лопает. Подумать только – сорок копеек из двух блюд, а они, оба эти блюда, и пятиалтынно не стоят, потому что остальные двадцать пять копеек заведующий хозяйством уворовал. А ей разве такой стол нужен? У нее и верхушка правого легкого не в порядке, и женская болезнь, на службе с нее вычли, тухлятиной в столовой накормили, вон она, вон она! Бежит в подворотню в любовниковых чулках»³².

Тут зарплата 42,5 рубля в месяц, обед – 40 копеек (то есть в день можно держаться на 80 копейках и даже меньше), и тем не менее оставались такие гроши, что не хватало ни на одежду, ни на «кинематограф».

Что же касается роста цен и зарплат в ближайшие годы, то приводим пример из сводки 1930 г.: «В гор. Коломне (по сведениям на 15 сентября) 16 кг муки стоят 10 руб., крупа – 2 руб. 25 коп. 1 кг, мясо – 6 руб. 1 кг, картофель – 90 коп. 1 кг, молоко – 1 руб. 50 коп. за литр. В Рязани 1 кг мяса стоит 4 руб. – 5 руб., масло сливочное – 15 руб. 1 кг, помидоры – 1 руб. 1 кг, капуста – 25 коп.»³³. По сравнению с «официальным справочником» расхождение в 5–8 раз.

В 1930-е гг. не говорили «купить», использовали слово «достать». Появилось выражение «дефицит». Люди носили в карманах сетки, которые назывались «авоськами» (авось, что-нибудь попадется).

Понятно, что если бы население было обеспечено продуктами по ценам, как в официальной статистике, 175 рублей были бы просто морем денег, достаточным для любых удовольствий. Но, увы, на эти деньги вышеупомянутый Фишкин не был в состоянии даже покупать хлеб «по твердой цене» 2 рубля 50 копеек. Получалось, что это цена печеного хлеба, которого, чтобы прокормить и иждивенцев, на семью надо брать не одну буханку, а хотя бы две в

день. Простой подсчет показывает, что почти вся зарплата Фишкина уходила бы только на хлеб.

Если сравнить официальные данные с 1913 г., получим, что килограмм масла подорожал в 3 раза, яйца – в 2,5 раза, таковы же данные по другим продуктам. Все же (для 20 лет) это вполне приемлемое изменение. Следует учитывать и поденный заработок. Он увеличивался пропорционально. Таким образом, степень бедности в СССР мало чем отличалась от степени бедности до революции.

Как же выкручивалось правительство в создавшейся ситуации?

Прежде всего ответом была эмиссия денег. Раз финансовые планы были нереальными, снижения себестоимости не происходило (увеличивались зарплатные расходы – хотя практически все при этом оставались бедными и при повышенных зарплатах не могли себе позволить ничего), то Госбанк СССР перешел к привычным способам решения проблем.

Во-первых, бюджет, полностью истощенный индустриальными проектами, не мог выделить банку ни копейки для кредитов народному хозяйству. Половину кредитных вложений банк тогда покрыл за счет «станка». В 1931 г. было напечатано денег на 1,3 миллиарда рублей (это увеличило денежную массу почти на 30%). В 1932 г. общая масса была уже 2,6 миллиарда рублей (увеличение в два раза).

Население ответило дедовским способом: серебряные монеты почти повсеместно из оборота ушли (их прятали в чулок на случай полного краха и разрухи, как в Гражданскую войну), бумажные деньги снова стали «бумажками», от массы которых все хотели во что бы то ни стало избавиться (обменять на продукты и что угодно хоть немного ценное).

Решителен был и ответ населения на призыв участвовать в финансировании индустриализации (государственные займы). Добровольно это делать не хотел никто. Но у Наркомфина и Госбанка СССР было не так много способов «потрясти» деньги из населения.

▲ Памятник герою романа «Двенадцать стульев» Остапу Бендеру, Санкт-Петербург.

▲ Банкнота 1 рубль образца 1928 г.

Подписка на облигации сначала широко рекламировалась, проводилась помпезно. У Ильфа и Петрова в такой компании (тиражная комиссия) участвовали Остап Бендер (в качестве художника) и Киса Воробьянинов (в качестве «мальчика на побегушках»):

«Великий комбинатор, обжигая босые ступни о верхнюю палубу, ходил вокруг длинной узкой полосы кумача, малюя на ней лозунг, с текстом которого он поминутно сверялся по бумажке: "Все – на тираж. Каждый трудящийся должен иметь в кармане облигацию госзайма". Великий комбинатор старался, но отсутствие способностей все-таки сказывалось. Надпись поползла вниз, и кусок кумача, казалось, был испорчен безнадежно»³⁴.

Но результат не был хоть сколько-нибудь существенным. Тогда специальными постановлениями подписку сделали коллективной и обязательной. И сразу получили нужный эффект. В 1928–1929 гг. подписку на займ оформили на 270,2 млн рублей, а в 1932 г. – на 2 миллиарда 370,5 млн рублей (почти в 10 раз больше). Уклониться от такого займа было невозможно.

Находим любопытные материалы.

Секретарь ячейки ВКП села Н. Суэтук (Минусинского округа) на заседании сельсовета выступал: «Кому нужен этот займ, тот пусть его и распространяет, и пусть его покупают те, кто получает 200–300 руб. жалованья». Но в то же время зарегистрированы «единичные случаи» распространения работниками сельсоветов облигаций займа в принудительном порядке, по разверстке и т. п. (Тверская губ., Воронежский и Тамбовский округа, ЦЧО, Кубанский округ). Так, в станице Ладожской (Кубанский округ) комиссией содействия вынесено постановление об обязательном подворном размещении займа путем наложения на бедняцкое хозяйство по 5 руб., середняцкое – 10 руб. и зажиточное 15 руб. Это постановление вызвало недовольство сре-

ди всех прослоек населения. Сельсовет села Маевки (Воронежский округ) распределяет облигации 2-го займа в обязательном порядке»³⁵.

Нетрудно предположить, что официальные сведения с их «единичными случаями» несколько лукавили и искажали ситуацию. Если распространение займа рассматривалось как дело государственной важности и специальными постановлениями на исполнительные органы возлагалась прямая ответственность за размещение облигаций у населения, то, несомненно, в ход шел любой шантаж и угрозы, какие только можно себе представить. Увеличение средств по этой статье бюджета в 10 раз – прямое доказательство «эффективности» такого подхода.

Другая вполне логичная тактика правительства по изысканию дополнительных средств на индустриализацию – налоги. Это тоже способ «дополнительного изъятия» средств у населения, и без того загнанного в угол. Подходный налог был увеличен до 14% (было 11%). Особенно противоречиво отнеслось крестьянство к ЕСХН – единому сельскохозяйственному налогу. Это был способ зажать и единоличников, и повысить привлекательность коллективных хозяйств. Применение налога повсеместно во многом зависело от исполнителей – и поэтому трудно было надеяться на справедливость. Обложению подлежали и такие виды деятельности, как кустарное ремесло, торговля излишками, любые другие формы заработка и имущества. Крестьяне были крайне недовольны, поскольку налог вводился и на скот. Некоторые прямо заявляли, что при таких условиях содержание скота становилось бессмысленным и скоро мяса в СССР не будет вовсе.

Но ЕСХН сделал свое дело: скудные средства деревенских жителей, нередко спряятанные в виде серебряных монет или других ценностей, превратились в «капвложения» в индустриализацию. Перекачка денег из деревни в город шла полным ходом. В конце концов все эти методы привели к тому, что всякое производство сельскохозяйственной продукции (хоть в колхозе, хоть единолично) становилось невыгодным.

Результат ТРО
ЗЫ ПИСК Д

Постановление
1928

К 1932 г. объемы производства мяса, молока, яиц уменьшились вдвое (упали ниже отметки 1919 г.). Сбор зерна снизился до рекордно низких значений – 5,7 центнера с гектара. Но и рабочие не остались в стороне. Как уже говорилось, они оказались «колесиками и винтиками» той самой мобилизационной экономики, которая предполагала подмену материальных стимулов труда моральными.

«Кажется, все магазины на улицах исчезли. Исчез открытый рынок. Исчезли лэпманы. В государственных магазинах в витринах красовались эффектные пустые коробки и прочее декоративное оформление. Но товары внутри отсутствовали».

Цит. по: Фицпатрик Ш. «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город».

▼ «Стахановцы», А. Дейнека. 1937 г.

Стахановское движение и другие формы быстро развернувшегося социалистического соревнования помогали осуществлять выкачку денег еще более эффективно. Идеология строилась так, что говорить о зарработке, премиях, материальных благах вообще становилось небезопасно (но в любом случае – в первую очередь – неприлично).

Карточная система 1929 г.

СССР демонстрировал все новые – совершенно уникальные – способы денежного обращения. После успеха двухвалютной внутренней модели («плавающий» рубль и «твердый» червонец) решено было перейти к карточной системе распределения материальных благ. Связано это было с удручающим положением жизнеобеспечивающих отраслей хозяйства – производства товаров народного потребления. Промышленность была поставлена в такие условия, что ценным признавалось только производство в области тяжелой промышленности, а все, что проходило по разряду легкой промышленности, финансировалось по остаточному принципу. В результате произошел очередной виток цен. Избегая последствий, правительство стремилось упорядочить распределение благ и сохранить хотя бы видимость социальной справедливости. На июльском 1928 г. Пленуме ЦК Н.И. Бухарин с горечью заметил: «...когда мы прибегали к военно-коммунистическим мероприятиям в прежние годы, у нас было до известной степени "равенство в нищете", т. е. кадровый состав наших работников точно так же сидел на пайке, а когда сейчас вводится карточная система, то бытовые, потребительские и всякие иные условия различны, так как те, кто вводит карточную систему, сами на пайке не сидят...»³⁶

Карточки были введены специальным Постановлением, приписывающим местному самоуправлению самим решить, как они планируют распределить хлеб (заборные книжки, талоны, квитанции и т. п.). Главное здесь – не допустить, чтобы хлеб покупали на корм скоту, чтобы хлеб доставался непролетарскому населению. Кроме того, карточки позволяли распределять хлеб по классовому принципу – так, рабочий получал 800 г хлеба в день, а члены семей рабочих – по 400 г на человека.

Введение карточек осуществлялось на местах и без всяких постановлений. В Положении

▲ Абонемент плодовоовощного треста, 1931 г.

▲ Хлебный абонемент, 1933 г.

декабря 1928 г. значилось: «14 декабря был крупный скандал в Проскурове в связи с отменой продажи хлеба не членам кооперативов. Стоявшие в очереди служащие, кустари, рабочие – не члены кооператива, узнав, что хлеб им отпущен не будет, возмущенные кричали: "Есть должны все, а не только члены ЦРК, давай хлеб всем, иначе разнесем прилавок и заберем сами". Порядок был восстановлен милицией. Рабочие деревообделочной ф-ки, узнав о распоряжении ЦРК, бросили работу, чтобы стать в очереди за хлебом. В Одессе 11 декабря была демонстрация кустарей (участвовало 200 человек) к окрисполкому, кустари потребовали хлеба. Выступление было вызвано постановлением ЦРК о снятии со снабжения части кустарей и уменьшения нормы для остальных кустарей. Ухудшилось положение с хлебоснабжением и на Северном Кавказе. Ряд новых пунктов, до сих пор не испытывавших затруднений, захвачены перебоями (г. Сулин, Дагестан, Новочеркасский округ). В Сулине очереди достигали 300 человек. Во Владикавказе очереди устанавливались с вечера. В станице Тихорецкой введены хлебные карточки. В январе ожидается дальнейшее ухудшение положения с хлебоснабжением, краевой план снабжения на январь сильно урезан НКТоргом. Из-за отсутствия в продаже обуви отдельные рабочие Новороссийского цементного завода не выходят на работу. Настроение рабочих пониженное. Увеличились случаи выступлений отдельных рабочих с требованием свободной торговли хлебом для частника»³⁷.

Введение карточной системы (отменена была только в 1947 г.) стало основой дальнейшего распределения благ. К концу 1929 г. по карточкам уже продавалось фактически все (продукты и промышленные товары). Карточная система создавала условия для совершенно особенной «жизни денег» – не имея карточки, покупатель не мог превратить свои деньги в продукты или товары. Карточка ценилась больше денег. И так как карточки «весили по-разному», то превращались в особую дополнительную валюту внутри государства.

Помимо карточек, работали и иные принципы отоваривания рубля – казалось бы, одинакового в любой точке страны. На самом деле разница была немалая. Карточка указывала на принадлежность ее владельца к «касте» – высокой или низкой. Например, рабочие ведущих предприятий (скажем, оборонной промышленности) не только получали по карточке все группы товаров, но еще и платили по льготным ценам. Были привилегии и в количестве «благ», в самой «массе» получаемого пайка.

В целом история карточек показывает, что нормы постоянно снижались, а сам ассортимент товаров сужался до минимума. В 1932 г. прекратили выдавать такие товары, как масло, мука, яйца. По карточкам выдавали хлеб, крупу, мясо, сельдь, сахар. Однако требовалось продуктов всегда больше, чем завозилось, и за едой выстраивались очереди до 1000 и более человек. ОГПУ совершенно верно указывало на то, что очередь (особенно очередь за хлебом, ставшим основой рациона советского человека и поистине синонимом жизни) – это благоприятная почва для обострения протестных настроений. Есть указание на множество случаев, когда в очереди стихийно вспыхивали настоящие митинги, на которых экономические требования («Хлеба!») сменялись политическими – «Долой коммунистов!», формировались делегации и отправлялись к администрации с требованием немедленно прекратить издевательскую политику.

Случались и злоупотребления служебным положением самого разного свойства.

Например, в Туле в 1929 г. выявлено, что работники некоторых мануфактурных магазинов ЦРК, получавшие товары к реализации централизованно по заведомо умеренным ценам, преспокойно перепродавали эти товары частным торговцам, кроме того, обмеривали покупателей, продавали товар с неоправданными надбавками, предлагали в продажу бракованный товар как товар высшего сорта. Помимо зарплаты, каждый продавец «наваривал» еще рублей 200–300 сверху, по доходам приближаясь к спецам. Некоторые из продавцов и заведующих магазинами купили себе дома по 4–5 тыс. рублей, приобрели домашнюю обстановку по 1000 и более рублей.

Это и показатель цен того времени, и показатель вечного уровня экономических преступлений, основанных на дефиците.

Были и другие злоупотребления.

▲ Продуктовые карточки, 1933 г.

«В целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом учреждается при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ), председатель которого входит в Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик с правом совещательного голоса».

Конституция СССР от 21.01.1924 г.

Так, ОГПУ доносило Сталину и правительству: «В связи с предстоящими перевыборами Советов продолжает отмечаться обострение группировочной и родовой борьбы за власть. Выявлены случаи, когда борющиеся группировки опираются на специальные басмаческие шайки, образованные из членов своей группировки. Продолжают выявляться многочисленные случаи взяточничества и незаконных поборов. В Киробласти отмечен случай, когда председатель сельсовета обложил аулы (по 15–17 руб.) для покрытия затрат, которые он понес, давая взятки за свое назначение»³⁸.

Торгсин

В то же время – точно по слову Бухарина – развивалась возникшая на заре советской власти система спецраспределения. Но речь идет не столько о привилегированном снабжении новой правящей элиты, сколько о новом типе магазинов. В.О. «Торгсин» – Всесоюзное общество торговли с иностранцами – было создано в 1931 г. Цель была простой – дать населению шанс вытащить из заповедных кубышек всевозможные ценности (золото, серебро любой пробы и вида, драгоценности, особо ценные предметы и, разумеется, валюту иностранных держав) и обменять все это на продукты пи-

тания либо что-нибудь «повышенного спроса» (но в основном в 1930-е гг. Торгсин продавал именно продукты).

Для удобства были разработаны свои обменные знаки – ТОТы («торговый ордер Торгсина»).

Цены в Торгсинах по сравнению с обычными городскими были завышены в 5–6 раз; вскоре магазины вообще стали называть «скуппунктами», поскольку для всего населения Торгсин был местом, где можно было золото обменять на еду.

«Торгсиновская» политика оказалась чрезвычайно эффективной, и вовсе не потому, что в России было много иностранцев, не знающих, куда деть свою валюту. «Иностранцами» оказались простые граждане, которые тут же создали ажиотаж возле каждого скуппункта. Торгсину пришлось срочно расширять число оценщиков и приемщиков на каждом пункте. Ведь очереди стояли огромные – каждому было что отдать скупщикам в обмен на еду.

Торгсины закрылись в 1936 г. За несколько лет своего существования они выполнили важную задачу – «выманили» из карманов обывателей золота и других ценностей на общую сумму около 270 млн «твердых» рублей. Чтобы оценить размах этого предприятия, достаточно сказать, что, например, строительство такого гиганта, как Магнитогорский металлургический комбинат, обошлось в 44 млн рублей. Таким образом, индустриализация получила серьезную финансовую опору. Советский народ даже пел частушки на эту тему:

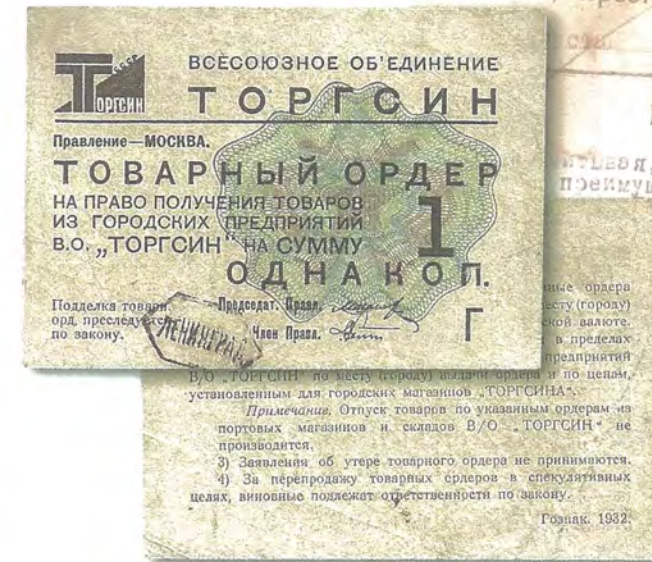
«Как в Торгсине на витрине
Есть и сыр, и колбаса,
А в советском магазине –
Солнце, воздух и вода»³⁹.

Задача увеличить золотой запас страны, поставленная Сталиным, решалась с двух сторон: ОГПУ занималось всевозможными «зачистками» населения, незаконно хранившего валюту и

ГЛАВА ВТОРАЯ 1925–1947

Результат ТРО...
ЗЫПИСКА
седания Президиума Ярославск
в Рабочих, Крестьянских и К

▲ Товарный ордер 1 коп., 1932 г.

▲ Здание Торгсина в Москве, 1931 г.

КУЛАК-МИРОЕД.
А мне какое дело до голодных?!

▲ «Хлебный паук кулак-мироед», Виктор Дени, 1922 г.

золото, а Торгсин просто предоставлял возможность «камни превратить в хлеба» – из золотых колец, сережек, цепочек и брошек, слитков, брусков и даже золотого песка «сделать» дешевую ржаную муку (она была лидером продаж в страшном 1933 г.).

Навстречу голоду

Несмотря на неурожаи конца 1920-х гг., хлеб вывозили за границу, получая столь необходимые индустриализации деньги (иногда хлеб обменивали на оборудование). Сталин экспорт хлеба ставил важнейшей задачей. Надо было вернуть СССР былую славу России – экспортера хлеба в Европу. Дело здесь, конечно, не в принципах и национальной гордости, а в кредитах, которые все же И.В. Сталин рассчитывал получить от Запада. О том, что политика вывоза хлеба могла привести к таким страшным результатам, не думал никто.

Трагедия развернулась именно потому, что экономика стала плановой. Планы составлялись на основе стремления всех участников зависеть показатели. Смертельная опасность ошибок статистики была тогда недостаточно понятна. Получилось, что наличие хлеба в деревне было переоценено как минимум вдвое. Исходя из этих показателей и забирали хлеб. Выгробали все под метлу, угрожая расстрелами и арестами. Создалась нелепая ситуация – не осталось семенного хлеба, не осталось и кулаков (зажиточных крестьян), которые обычно выручали селян в деревне во время неурожая, продавая излишки. Было просто негде взять хлеба. И так как изымали хлеб в самых хлебных районах (потому что посчитали, что там хлеба много), то именно эти районы и пострадали от голода больше других – Украина, Центральная Черноземная область, Урал, Поволжье.

Ужас ситуации оценили слишком поздно (весной 1929 г.), когда голод остановить было невозможно, началось вымирание населения, случаи

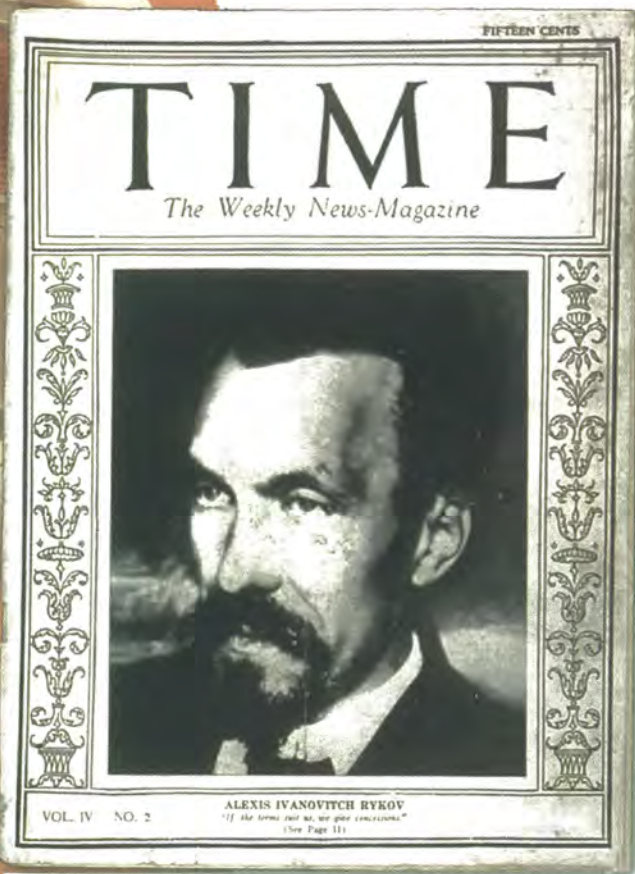
канибализма. Голод 1929 г. не позволил толком засеять поля – все съедлось отчаявшимися людьми. Деньги в этот период перестали значить хотя бы что-либо. Голод носил затяжной характер – с новой силой он вспыхнул в 1933 г. Никакие уроки прошлого не учили правительство. Вывоз хлеба (изъятие из хозяйств) стал главной темой внутренней политики. К такому вывозу не были готовы не только сами крестьяне, но и организаторы – не было удобных и надежных токов для хранения, поступали сообщения, что зерно, ссыпанное в старый амбар, проломило пол и рухнуло в полный мусора и грязи подпол, восстановлению и очистке не подлежит. В другом месте зерно подмокло и протравлено и так далее. Сталин оценивал потери при ручном сборе в 25 %, но требовал не учитывать их при составлении заданий и расчете хлеба для потребления. Внимательно правительство относилось только к хлебу лучших сортов (твердые сорта пшеницы), идущему на экспорт. Остальное было неважно.

Попытки Бухарина и Рыкова доказать, что единственное спасение страны – ввоз хлеба из-за границы на любых условиях, рассматривались как контрреволюционные. На апрельском пленуме 1929 г. А.И. Микоян говорил: «Тов. Бухарин сделал несколько практических предложений. Первое из них – ввоз хлеба из-за границы. Для того чтобы ликвидировать продовольственные затруднения, нам и раньше уже предлагалось ввезти 50 млн пуд. хлеба. За счет чего мы могли бы пойти на этот импорт хлеба? Только за счет сокращения программы нашей промышленности. Если бы мы согласились импортировать десятки миллионов пудов хлеба, т.е. потратить на это сотню миллионов рублей, то нам пришлось бы пойти на сокращение программы капитального строительства индустрии и на сокращение импорта сырья для легкой промышленности. Это значило бы замедление темпа в развертывании промышленности. Это потребовало бы от нас распустить на время сотню тысяч рабочих, а может быть, и больше. Такой выход из продовольственных затруднений нельзя назвать

▲ Банкота 3 червонца образца 1932 г.

▲ А.В. Рыков — советский политический и государственный деятель, председатель Совета народных комиссаров РСФСР.

▲ Банкнота 5 рублей образца 1934 г.

приемлемым. Он продиктован отказом от мер нажима на кулака, спекулирующего хлебом. Но он невыгоден для индустрии, для социалистического строительства, для рабочего класса...»⁴⁰.

Так замкнулся круг. На имя И.В. Сталина приходили телеграммы с просьбой о помощи. Их содержание было примерно одинаковым:

«29 июня 1930 г.

Сельхозартель им. Сталина Усть-Каменогорского р. Семипалатинского окр. – 89 хозяйств, 416 едоков, посева 801 га, план выполнен [на] 105%, обобществлено скота 550 голов. Хлеба нет, голодаем, срывается сеноуборочная, хлебная кампания, [на] нашу просьбу [о] наряде, отпуске займы [из] Госфонда 400 пуд. хлеба сроком [на] 45 дней власти отказывают, несмотря [на] наличие хлеба. Колхоз обречен [на] гибель. Просим помощи.

Покатилов»⁴¹.

Пиком голода стала первая половина 1933 г. Голод унес в стране жизни почти 7 млн человек. Но и те, кто оставался «жить и мучиться», не были свободны от угроз расправы. Вот история горемыки, позволившего себе выпить кружку молока из «народного добра»:

«13 июня 1933 г.

Совершенно секретно

В ночь с 24 на 25 мая в коммуне "Незаможник" Старо-Каранской МТС Донецкой обл. покончил жизнь самоубийством член коммуны Чума Иван, 58 лет, беспартийный. По соцпроисхождению батрак.

Расследованием, произведенным зам. начальника политотдела, установлено следующее: "18 мая Чума Иван, являющийся сторожем молочной фермы, подоил корову с целью присвоения нескольких стаканов молока, во время чего и был пойман". Правление коммуны 22 мая вынесло решение об исключении виновного и его семьи из состава коммуны и предложило в 24 часа освободить занимаемую им квартиру. Чума подал заявление в правление коммуны, в котором каялся в своем преступлении и просил

отменить вынесенное решение. Просьба удовлетворена не была.

23 мая Чума ходил по квартирам членов правления коммуны, прося их восстановить его и семью. 24 мая он пришел на квартиру председателя коммуны Михайлова, члена ВКП(б), с той же просьбой, причем на коленях просил отмены наказания. Михайлов, не выслушивая просителя, выгнал его из квартиры. В этот же день Чума снова пришел в правление коммуны, где находился Михайлов и другие члены правления. Чума, обращаясь к Михайлову, спросил его: "Что же мне теперь остается делать?", на что последний ответил: "Иди и вешайся". Со слезами уйдя из правления, Чума в ночь на 25 мая повесился перед окном квартиры Михайлова. Обнаружив утром труп, Михайлов, не поставив никого в известность, снял его. Семья Чумы состоит из 4 человек: дочь – член ВКП(б), сын – член ВЛКСМ, он же секретарь комсомольской ячейки, дочь – член ВЛКСМ и жена. Сам Чума состоит в коммуне с 1928 г. В 1932 г. имел 515 трудодней, жена имела 130 трудодней. В 1933 г. Чума имел 124 трудодня, причем за 1933 г. он получил 2 л молока, 4 кг муки, 11 кг хлеба и 900 г брынзы.

Следствие продолжается. Зам. начальника политотдела дано задание привлечь Михайлова к ответственности.

Пом. начальника СПО ОГПУ Люшков

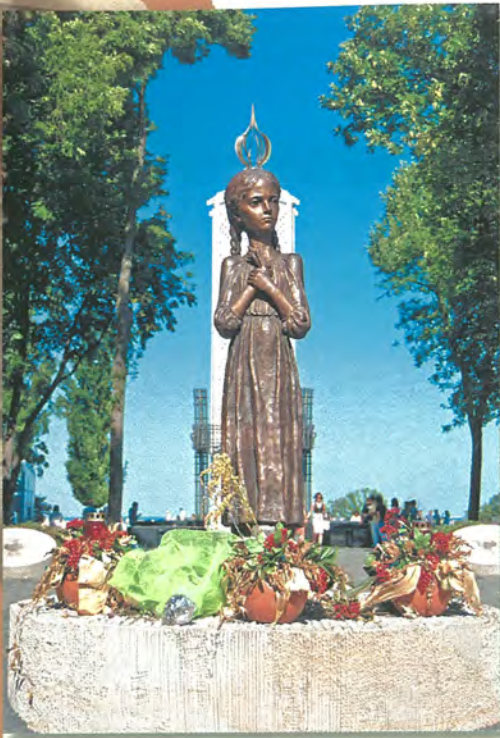
Зам. начальника 5 отд. СПО ОГПУ Глаголев»⁴².

Гибель батрака, имевшего за 1932 г. аж 515 трудодней, а к маю 1933 г. уже 124, получившего за свой каторжный труд из колхоза за 4 месяца на 4 членов семьи по 20 г в день хлеба (и уж совсем не сосчитать, по сколько миллиграммов других продуктов), – это показатель того, как в принципе была обесценена жизнь. Здесь уже нет понятия «рубль» – оно заменено продуктовым обменом и такими «благами», как крыша над головой.

▲ Банкноты 1 и 3 рубля образца 1934 г.

▲ Памятник жертвам голодомора в Киеве.
▼ Жертвы голода на улицах Харькова, 1933 г.

В Поволжье в актовых книгах были обозначены причины смерти населения в 1933 г., отсутствовавшие в прошлом, а теперь определявшие рост смертности и прямо указывающие на голод: «от голода», «от голодовки», «от бескормицы», «от истощения организма на почве голодания», «с недоедания хлеба», «от голодной смерти», «от голодных отеков», «от полного истощения организма на почве недостаточного питания» и т. д. Так, в с. Алексеевка из 161 умершего 101 погиб от голода⁴³.

В 1933 г. врач одной из районных больниц П. Блонский так описывал сложившуюся к тому моменту ситуацию на Украине:

«Положение Звенигородского р. и соседних с ним непосредственно наблюдаю как врач, а об остальных сужу со слов очевидцев. Кратко говоря, по селам и мелким городам один сплошной ужас. Нищета невероятная, постоянный массовый голод. Массовая смертность от голода. Около 30% населения сел истощены от голода или опухли. Рождаемость сведена до необычайно малых размеров. Недоедание, некрофагия стали частым явлением. В селе почти не видно ни собак, ни кошек — все съедены. Преступность увеличилась до невероятных размеров. Голод приводит к таким преступлениям, о каких раньше не слышали».

./.../ «Какой-то коммерческий, чисто эксплуататорский подход к голодающим. Их рассматривают не как людей в несчастье, а только как живую силу, которую нужно использовать для работы. Отсюда — не борьба с голодом как с народным бедствием, а только задание восстановить живую силу, причем лошадь в боль-

шем почете, чем человек. За потерю лошади наказывают, а за массовую гибель людей никого не наказывают»⁴⁴.

Эта страшная цена была заплачена за великие достижения первого пятилетнего плана. Большая Советская Энциклопедия пишет об этом так: «Введено в действие 1500 новых крупных государственных промышленных предприятий, заново создан ряд новых отраслей: тракторно-, автомобилестроение, станкостроение, производство алюминия, авиационная и химическая промышленность. В черной металлургии — важнейшей отрасли тяжелой промышленности, ставшей основой индустриализации страны, созданы электрометаллургия, производство ферросплавов и сверхтвердых сплавов, качественных сталей. Коренным образом реконструированы нефтяная и др. отрасли тяжелой промышленности. Вступили в строй ДнепрогЭС им. В. И. Ленина, Зуевская, Челябинская, Сталинградская и Белорусская районные тепловые электростанции. Создана 2-я угольно-металлургическая база на востоке СССР — Урало-Кузнецкий комбинат. Построены Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, крупные угольные шахты в Донбассе, Кузбассе и Караганде, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Кондопожский и Вишерский целлюлозно-бумажные комбина-

▲ Плакат «Те же годы, да разные „погоды“», В.И. Говорков.

ГЛАВА ВТОРАЯ 1925—1947

ПОСТА

ты, Березниковский азототуковый завод, Ивановский меланжевый комбинат, 1-й Государственный подшипниковый завод в Москве и многие др. предприятия»⁴⁸.

Доктор Блонский был прав: «живая сила» народа сделала это, понеся поистине безмерные потери.

Денежное обращение по-новому

«Жизнь» советских денег в 1930-е гг. была непростой. Во-первых, серебряные рубли стали цениться больше, чем бумажные (чуть ли не в два раза – так, в Брянске в середине 1930 г. за 1 пуд ржаной муки давали 13 бумажных или 8 серебряных рублей). Бумажные деньги не были рассчитаны на быстрое выведение из оборота монет, которые чеканились усиленными темпами в 1924 – начале 1925 гг. Возник разменный кризис. Покупательная способность денег неуклонно падала. К началу 1931 г. ни о какой обеспеченности червонца золотом говорить было невозможно. Ситуацию несколько улучшил Торгсин, созданный именно в это время как ответ на нарастающий кризис необеспеченности денег.

Все реформы, которые были проведены в это время, касались не столько денежного обращения, сколько внедрения разных способов «честного отъема денег у граждан»: налоги,

тарифы, кредиты. В это время частная торговля практически полностью была вытеснена из товарно-денежных отношений, таким образом, став подконтрольной государству.

Налогообложение переживало серьезные изменения. Теперь для предприятий сохранялось только два налога – налог на прибыль и налог с оборота. Последний как раз и становился главным источником поступлений в казну. В то же время благодаря таким формам налогов облегчался контроль над выполнением планов, предписанных каждому заводу или фабрике.

Кредитование еще в первые годы после революции было сведено к простому распределению государственных средств между отраслями и предприятиями. В 1930 г. вообще было ликвидировано коммерческое кредитование, оставалось только плановое. Этим и занимался Госбанк СССР. Фактически он выполнял функции большой кассы – все расчеты велись только через него. Кроме того, в ведении Госбанка были и международные финансовые сделки. Вся эта система достаточно логично отвечала главной задаче – сделать экономику плановой. Каждое предприятие разрабатывало свой «кассовый план», а Госбанк – свой, соотношенный с этими «микрокассами». Создавались основы для качественного безналичного расчета. Бумажные деньги стали начисто свободны от каких бы то ни было гарантий, а золотой запас Советского Союза рассматривался теперь как гарант внешнеторговых финансовых отношений. Наличка нужна была для выплат зарплат, которые немедленно «изымались» с помощью налогов и займов.

После голода

Голод все равно давал о себе знать – и в 1934 г. люди в СССР голодали. Вторая пятилетка

Результат Третьей
ЗЫПИСК
сказания Президиума Ярослав
ов Рабочих, Крестьянских и
21-го Августа 192

ПОСТА
Учитывая, что гор. ...
онд преимуществ, обеспе
инового Текстиль-ком
ростанция, водные и чел
рели, под "ездные пути,
для ...
енид ...
ев ...
м ...
та ...
Пре ...
люб ...
в ...
3. ...
уче ...
кени ...
электро ...
возмо ...
лектрос ...
да ...

(1933–1937 гг.) не была такой надрывной, как первая. Цены стали снижаться (в том числе и рыночные). Главной задачей была теперь освоить построенное, развернуть производство. Колхозы на фоне промышленных задач опять оставались «маргиналами». Какие-то послабления все же были. Например, колхозникам разрешили самим решать вопросы исключения из колхоза. Позволялось иметь подсобное хозяйство. Продукцию сверх обязательных поставок стали принимать по высоким ценам. Излишки разрешили «сбрасывать» на вольный рынок и получать прибыль. Но, одной рукой ослабляя, другой затягивали – чего стоило одно только постановление о пропуске! Колхозникам паспорта не полагались, а так как при передвижении по стране требовался паспорт, они оказались заложниками своего колхоза – были обречены жить, работать и умереть в тех «Заветах Ильича» или «Луче правды», где оказались на момент паспортизации (вернее, запрета иметь паспорт на том основании, что ты колхозник).

Начался экономический рост. Судить о его реальном размахе можно по фактам роста качества жизни (как бы мы ни относились к 1937 г. в истории страны). Статистика, показывающая, что доходы выросли в 2 раза, а товароборот – в 1,5 раза, может быть и неточной (и фальсифицированной). Тем не менее понемногу жизнь стабилизировалась. Казна пополнялась благодаря «умному» двойному налогу на предприятия (на прибыль и на оборот). К концу второй пятилетки сумма налоговых отчислений была внушительной – около 70 миллиардов рублей.

С декабря 1934 г. началась отмена карточной системы. Это было связано с оживлением торговли, появлением продукции в достаточном количестве. В течение года (до конца 1935 г.) карточки были отменены повсеместно. Снижение цен стало нормой – государственная и кооперативная торговля составляла мощную конкуренцию торговле рыночной.

С 1933 г. началась борьба с инфляцией, связанной с эмиссиями первой пятилетки. 1,5 миллиарда рублей из обращения были изъяты. Но затраты на вторую пятилетку все равно были велики. Поэтому правительству пришлось опять выпускать ничем не обеспеченные деньги. Взамен изъятых полутора миллиардов к 1936 г. в обращение было вброшено 9,3 миллиарда рублей. Этими деньгами

частично закрыли кредитные вложения. В целом эмиссия помогала решать частные проблемы денежного обращения, но расшатывала рубль – на международном рынке он котировался все ниже. 19 июля 1937 г. один доллар США официально был приравнен к 5 рублям 30 копейкам (понижение со времен «твердого» червонца почти в четыре с половиной раза). В 1934 г. были выпущены новые казначейские билеты – купюры достоинством 1, 3, 5 рублей. В 1937 г. был добавочный выпуск купюр, но на них уже не было подписи наркома финансов.

История такого «перевыпуска» драматична. Г.Ф. Гринько – народный комиссар финансов СССР с 1930 г. – революционер, активный участник строительства социализма – был арестован в 1937 г. в рамках так называемого Третьего московского процесса. Он обвинялся в троцкизме и заговоре против Сталина. Полностью признав свою вину, он в последнем слове выразил радость, что заговор, в котором он «участвовал», раскрыт и злодеяния, которые он «готовил», предотвращены. Был расстрелян в марте 1938 г. на полигоне Коммунарка (впоследствии реабилитирован). Перед руководством страны встала задача политической важности – изъять купюры с подписью Гринько и заменить их купюрами без подписи. А иначе получалось странно – вроде бы враг народа, а у каждого в руках деньги с его подписью. Подпись преемника Гринько – В.Я. Чубаря – предусмотрительно ставить не стали, деньги шли «безымянными». Кстати, В.Я. Чубарь, занявший пост наркома финансов в августе 1938 г., был арестован уже в ноябре этого же года и расстрелян в 1939 г.

Червонцы 1937 г. (1, 3, 5, 10 рублей) с портретом В.И. Ленина (впервые за всю историю советских денег), возможно, стали источником соответствующего эпизода в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» – «свежеотпечатанные» новенькие купюры с новым изображением. Хотя В. Мершавка и В. Орлов полагают, что это более глубокая пародия на червонцы вообще – начиная с момента их появления в 1922 г. (тогда же появилась и карамель «Червонец», обертка которой представляла собой красное поле с рассыпанными по нему белыми купюрами).

▲ Банкнота 1 червонец образца 1937 г.

▲ Банкнота 5 червонцев образца 1937 г.

▲ Банкнота 10 червонцев образца 1937 г.

руке у него оказался пистолет, он крикнул: – Два! – Пистолет вздернулся кверху. Он крикнул: – Три! – Сверкнуло, бухнуло, и тотчас же из-под купола, ныряя между трапециями, начали падать в зал белые бумажки.

Они вертелись, их разносило в стороны, забивало на галерею, откидывало в оркестр и на сцену. Через несколько секунд денежный дождь, все густея, достиг кресел, и зрители стали бумажки ловить.

Поднимались сотни рук, зрители сквозь бумажки глядели на освещенную сцену и видели самые верные и праведные водяные знаки. Запах также не оставлял никаких сомнений: это был ни с чем по прелести не сравнимый запах только что отпечатанных денег.

Сперва веселье, а потом изумление охватило весь театр. Всюду гудело слово "червонцы, червонцы", слышались вскрикивания "ах, ах!" и веселый смех. Кое-кто уже ползал в проходе, шаря под креслами. Многие стояли на сиденьях, ловя вертлявые, капризные бумажки.

На лицах милиции помаленьку стало выражаться недоумение, а артисты без церемонии начали высовываться из кулис.

В бельэтаже послышался голос: "Ты чего хватаешь? Это моя! Ко мне летела!" – и другой голос: "Да ты не толкайся, я тебя сам так толкану!" И вдруг послышалась плюха. Тотчас в бельэтаже появился шлем милиционера, из бельэтажа кого-то повели.

Вообще возбуждение возрастало, и неизвестно, во что бы все это вылилось, если бы Фагот не пре-

У Булгакова читаем:

«Сидящие в партере повернули головы. На галерее какой-то смятенный гражданин обнаружил у себя в кармане пачку, перевязанную банковским способом и с надписью на обложке: "Одна тысяча рублей".

Соседи наваливались на него, а он в изумлении ковырял ногтем обложку, стараясь дознаться, настоящие ли это червонцы или какие-нибудь волшебные.

– Ей-богу, настоящие! Червонцы! – кричали с галерки радостно.

– Сыграйте и со мной в такую колоду, – весело попросил какой-то толстяк в середине партера.

– Аvek плезир! – отозвался Фагот. – Но почему же с вами одним? Все примут горячее участие! – И скомандовал: – Прошу глядеть вверх!.. Раз! – В

▲ Памятник М. Булгакову в Киеве.

кратил денежный дождь, внезапно дунув в воздух.

Двое молодых людей, обменявшись многозначительным и веселым взглядом, снялись с мест и прямехонько направились в буфет. В театре стоял гул, у всех зрителей возбужденно блестя глаза. Да, да, неизвестно, во что бы все это вылилось, если бы Бенгальский не нашел в себе силы и не шевельнулся бы. Стараясь покрепче овладеть собой, он по привычке потер руки и голосом наибольшей звучности заговорил так:

– Вот, граждане, мы с вами видели сейчас случай так называемого массового гипноза. Чисто научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес и магии не существует. Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти якобы денежные бумажки исчезнут так же внезапно, как и появились.

Публике речь Бенгальского не понравилась. Наступило полное молчание, которое было прервано клетчатым Фаготом.

– Это опять-таки случай так называемого вранья, – объявил он громким козлиным тенором, – бумажки, граждане, настоящие!

– Bravo! – отрывисто рявкнул бас где-то в высоте»⁴⁶.

Немного позднее в романе с червонцами произойдут удивительные перемены – о чем мы узнаем от разгневанного таксиста.

«Лишь только шоферы трех машин увидели пассажира, спешащего на стоянку с туго набитым портфелем, как все трое из-под носа у него уехали пустыми, почему-то при этом злобно оглядываясь.

Пораженный этим обстоятельством бухгалтер долгое время стоял столбом, соображая, что бы это значило.

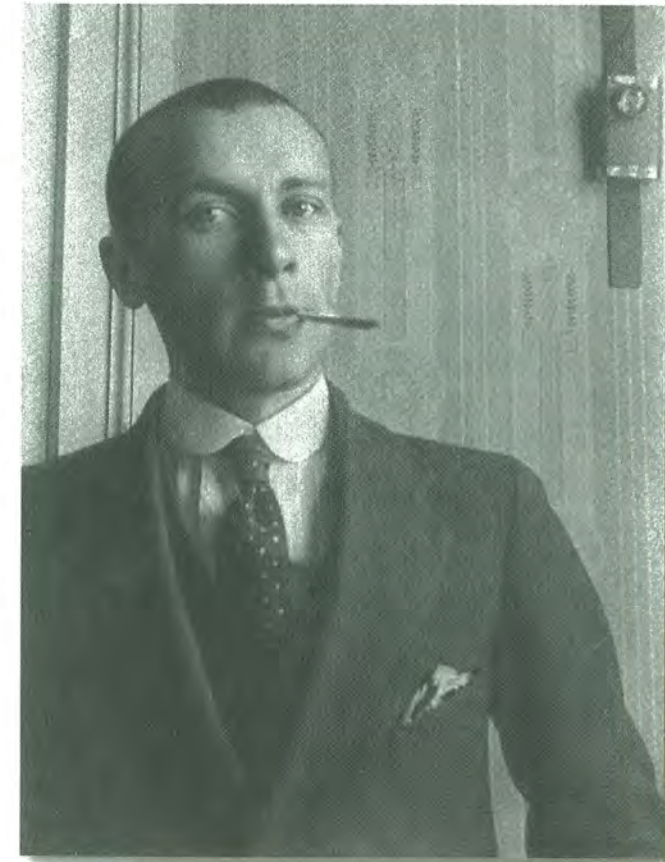
Минуты через три подкатила пустая машина, и лицо шофера сразу перекопилось, лишь только он увидел пассажира.

– Свободна машина? – изумленно кашлянув, спросил Василий Степанович.

– Деньги покажите, – со злобой ответил шофер, не глядя на пассажира.

▲ «Театр. Фарс» К. Петров-Водкин 1907 г.
▲ Эскиз декораций художника Сергея Алимова к мультфильму "Мастер и Маргарита" по одноименному роману Михаила Булгакова.

▲ М. Булгаков в 1910-х годах во время учёбы в Киевском университете.

▲ Бона 50 рублей образца 1936 г.
▼ Банкнота 3 червонца образца 1937 г.

Все более поражаясь, бухгалтер, зажав драгоценный портфель под мышкой, вытащил из бумажника червонец и показал его шоферу.

– Не поеду! – кратко сказал тот.

– Я извиняюсь... – начал было бухгалтер, но шофер его перебил:

– Трешки есть?

Совершенно сбитый с толку бухгалтер вынул из бумажника две трешки и показал шоферу.

– Садитесь, – крикнул тот и хлопнул по флажку счетчика так, что чуть не сломал его. – По-ехали.

– Сдачи, что ли, нету? – робко спросил бухгалтер.

– Полный карман сдачи! – заорал шофер, и в зеркальце отразились его наливающиеся кровью глаза. Третий случай со мной сегодня. Да и с другими то же было. Дает какой-то сукин сын червонец, я ему сдачи – четыре пятьдесят... Вылез, сволочь! Минут через пять смотрю: вместо червонца бумажка с нарзанной бутылки! – тут шофер произнес несколько непечатных слов. – Другой – за Зубовской. Червонец. Даю сдачи три рубля. Ушел! Я полез в кошелек, а оттуда пчела – тяп за палец! Ах ты!.. – шофер опять вклеил непечатные слова. А червонца нету. Вчера в этом Варьете (непечатные слова) какая-то гадюка – фокусник сеанс с червонцами сделал (непечатные слова).

Бухгалтер обомлел, съезжился и сделал такой вид, как будто и самое слово "Варьете" он слышит впервые, а сам подумал: "Ну и ну!..."⁴⁷

Червонные метаморфозы – несомненно, пародия на отечественные деньги, «твердость» которых лишь декларировалась. Как мы уже видели, в 1930-е гг. червонец обесценивался и становился все менее значимым – как конфетная обертка.

Третья пятилетка: дыхание войны

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Ее приближение ощущалось давно, в СССР о войне устойчиво поговаривали с конца 1920-х гг. Но теперь это были не разговоры, а политика правительства, и она сразу сказалась на экономике государства и кошельках ее граждан. Оборона вышла в лидеры затрат (от четверти всего госбюджета в 1939 г. до 43,4% в 1941 г.). Строительство заводов-дублеров на Урале, в Сибири, Поволжье опять потре-

бовало огромных расходов. Усиленно шло производство оружия и боеприпасов. Численно увеличивалась армия – и, следовательно, уменьшалось число рабочих на «мирных» предприятиях. Производство товаров массового спроса снова было свернуто (хотя и не прекращено). Постоянно принимались постановления, меняющие условия труда. С одной стороны, введены были почетные звания Героя Социалистического Труда, медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие», установлены надбавки к пенсиям. С другой стороны – рабочий день стал 8-часовым (до этого был 7-часовой), а шестидневную неделю заменили на семидневную. Было введено уголовное наказание за увольнение по собственному желанию без согласия администрации (фактически рабочие «прикреплялись» к своим предприятиям подобно тому, как колхозники были закреплены за своими колхозами). Всякий прогул карался уголовной ответственностью. Выпуск брака рассматривался как вредительство. В деревне был введен новый налог на каждое плодородное дерево. Обязательные колхозные поставки государству тоже возросли. Снижение цен сменилось их ростом (в государственном секторе – 5% в 1939 г. и 16% в 1940 г.). Были увеличены налоги. Это давало бюджету прирост поступлений. Кроме того, увеличились поступления по займам (в 1940 г. по сравнению с 1937 г. в два раза). Но расходы бюджета все равно превышали доходы – и только эмиссия могла помочь. Непокрытых никакими обязательствами денег было вброшено в 1938 г. на сумму 2,4 миллиарда рублей. В следующем году было выпущено еще 5 миллиардов рублей. С 1 января 1938 г. по 1 июля 1940 г. денежная масса увеличилась на 11,6 миллиарда рублей.

«В магазинах у нас буквально ничего. Дети вот уже больше года не имеют самого необходимого. Они истощены до крайности. Какие же они "будущие строители коммунизма"? Где забота об их здоровье? На рынке у нас тоже ничего нельзя достать. Картошки нет. До 15 мая на рынке были продукты, но цены на них таковы... Масло топленое – 87 р. кило, картофель – 5 р. кило, молоко 18–20 р. четверть, капуста соленая – 8 р. кило, яйца – 15 р. десяток. Цены без преувеличения, честное слово».

Из письма гражданки Зайченко Председателю Совнаркома В.М. Молотову. 1940.

▲ Банкнота 1 рубль образца 1938 г.

- ▲ Золотая медаль «Серп и Молот» — знак особого отличия в СССР, вручавшийся Герою Социалистического труда.
- ▶ Медаль «За трудовое отличие».
- ▶▶ Медаль «За трудовую доблесть».

Правительство в этих условиях проявило гибкость и приняло меры по увеличению товарооборота — это не только давало возможность людям приобретать нужные товары, но и повышало налог на прибыль и налог с оборота. В результате эмиссия стала уменьшаться. Военные годы страна встречала при более-менее стабильной «бытовой» денежной ситуации. И тем не менее был и дефицит, и тайная торговля, и незаконное, но единственно возможное введение карточек, талонов на товары повышенного спроса.

Цены на продукты

Повседневная жизнь российских городов входила в колею. «На июль 1930 г. Моссовет установил, к примеру, следующий порядок снабжения населения продуктами по карточкам (купонам): "Сахар будет отпускаться по купонам 18 и 29, чай по купонам 19, макароны по купону 20, манная крупа для детей по купону 20 детского талона, разные крупы для взрослых по купону 21. Отпуск мяса будет производиться говядиной, бараниной и консервами, "тушенка" — в зависимости от наличия в магазине. По детским талонам отпускается исключительно свежее мясо. В магазинах, имеющих соответствующие приспособления, по желанию покупателей полученное ими мясо может быть в их присутствии превращено в фарш с выдачей его на руки полностью вместе с костными частями..." Газета сообщала, что вместо 300 граммов маргарина можно получить 250 граммов масла.

Продажа продуктов в коммерческих магазинах, где карточки не спрашивали, ограничивалась. В 1933 г., например, в таком магазине мож-

но было купить за один раз не более килограмма белого и килограмма черного хлеба.

В середине 1930-х гг. положение с продуктами улучшилось. Имея деньги, можно было купить разнообразные кондитерские и молочные товары, хлеб, мясо, рыбу.

Цены на продукты питания в 1937 г. выглядели следующим образом: килограмм пшеничной муки стоил 4 рубля 60 копеек, гороха лущеного — 3 рубля 60 копеек, гречки — 1 рубль 82 копейки. Кусок хозяйственного мыла можно было купить за 2 рубля 28 копеек, банку сардин — за 4 рубля 75 копеек, кеты натуральной — за 3 рубля 50 копеек, килограмм мятных пряников — за 5 рублей 75 копеек, килограмм повидла — за 4 рубля 30 копеек, килограмм кофе — за 10 рублей 90 копеек. Пол-литровая бутылка вина стоила рубля 4, бутылка побольше рублей 5–7. Подешевели масло и мясо, которые еще в 1932 г. стоили соответственно 18 и 8 рублей»⁴⁸.

Все больше становилось «сервисов» — общественного транспорта, товаров народного потребления, прачечных, фотоателье, столовых, все более развитой становилась система образования, активно развивалась сеть санаториев и пансионатов, где питание было организовано «на высшем уровне».

Однако уже в 1940 г. было принято решение о введении повсеместной платы за обучение детей в 8–10 классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях. Согласно этого документа, была установлена разница оплаты для жителей Москвы, Ленинграда, союзных республик (в два раза выше) и остальных городов СССР. В среднем платить надо было 200–400 рублей в год. Средняя зарплата по стране оценивалась тогда в 331 рубль в месяц. Конечно, как все «среднее», показатель этот не дает представления о «ножницах» в доходах и расходах граждан. Зарплаты могли быть значительно выше этого показателя, а могли быть и ниже него. Так или иначе, образовательный «налог» (принятый в связи с «ростом благосостояния советских людей») не стал камнем преткновения для новых поколений и их родителей. Мы видим, что число учащихся средних школ резко сократилось в 1941–1942 гг. (множество

▲ Плакат «Свежи, как летом плоды и ягоды», 1938 г.

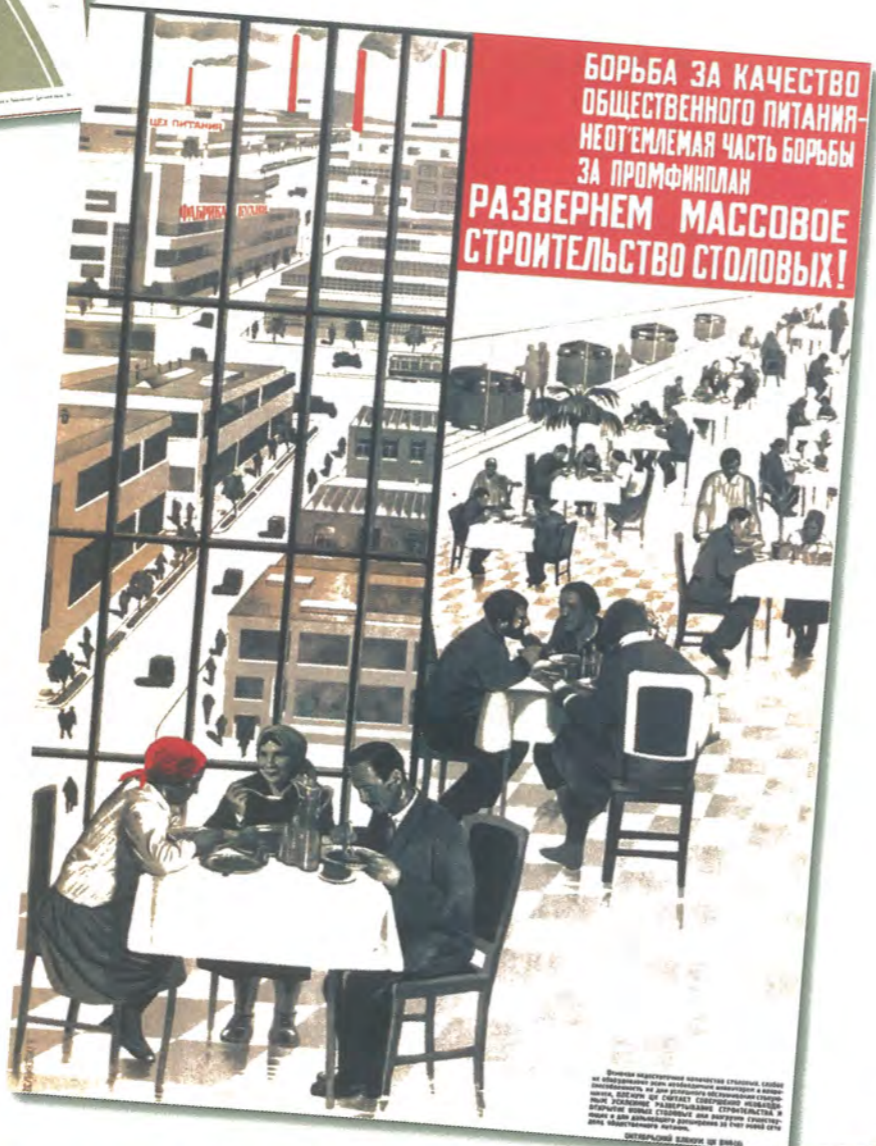

школ оказались в оккупированных районах), но уменьшение числа учащихся старших и младших (бесплатных) классов одинаково.

Люди были готовы вносить плату за обучение. В то же время советское правительство вслед первому постановлению издавало одно за другим новые, освобождая от оплаты учащихся разных конкретных учебных заведений.

Чем очевиднее, что война рядом, тем спокойнее отношение населения к новым налогам. Война действительно показала, на что способны люди, объединенные внятной целью. Что же касается денежного обращения, то в годы войны успехи советского регулирования денежных потоков были впечатляющими.

▲ Плакат «Пельмени» И. Боград, 1936 г.
▶ Плакат «Развернем массовое строительство столовых!» В. Гицевич, 1932 г.

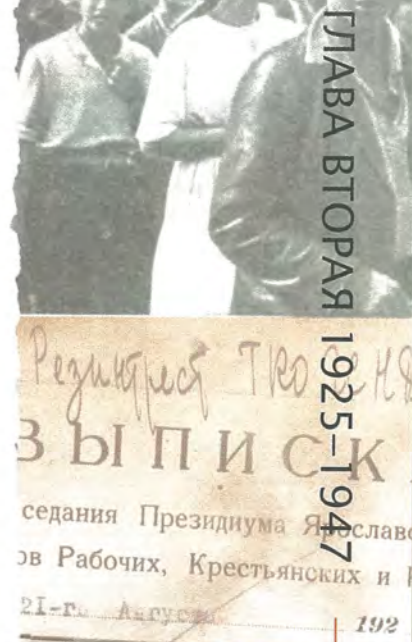

▲ Солдаты, обороняющие Москву во время Великой Отечественной войны, готовят зенитные орудия в парке культуры имени М. Горького к отражению налёта немецких бомбардировщиков.

Война

Организация денежного обращения в период войны считается образцовой. Несомненно, важно помнить, что статистические сведения советского периода часто критикуются как приукрашенные. Тем не менее общее представление о военном товарообороте и денежном обеспечении всех статей кажется вполне правдивым.

Переход на военные рельсы не был совсем уж неподготовленным. В 1939–1940 гг. многое было сделано для военизации жизни страны. Правда, к такому натиску и быстрому успешному продвижению войск Гитлера на Восток СССР все равно оказался не готов. Поспешная эвакуация, оставление больших масс населения в оккупации, отсутствие времени на сворачивание значимых производств, быстрый выход немцев к Москве, блокада Ленинграда – все это были мощные удары по Советскому Союзу, испытание на прочность – и денежной стороны в том числе.

Создается соблазн видеть в периоде Великой Отечественной войны некое повторение «военного коммунизма» – карточки, снабжение войск бесперебойным питанием, медицинское обслуживание, оборонная промышленность, где все трудилось «на энтузиазме». Но это только кажется – на самом деле, война требовала ежедневно огромных ресурсов в том числе и денежных. Сталин открыто заявлял, что деньги при социализме – важнейший инструмент общественной организации, и война – проверка возможностей денежной системы.

Что было сделано? Прежде всего, конечно, вынуждены были прибегнуть к эмиссии. К чести ответственных за финансы лиц, эмиссия была очень сдержанной (для экстремальной ситуации), и правительство постоянно стремилось изымать излишки денежной массы у населения.

Тем не менее инфляция росла, рубль терял покупательную способность, новые тонны бумажных денег обесценивали содержание внутренней валюты (и червонца, и рубля).

Тогдашний нарком финансов СССР А. Зверев объяснял финансовую политику так: производство товаров народного потребления упало вдвое и больше. А значит, упал налог с оборота и налог на прибыль. Население перешло в «режим выживания», когда все привычные блага довоенной поры воспринимались как излишество. Так, хлеба в 1940 г. произведено было 24,0 миллиона тонн, а в 1945 – только 11 миллионов, мяса соответственно 1, 4 и 0,6 миллиона тонн, сахара – 2,2 и 0,4. То же касалось и товаров промышленных. Так, кожаная обувь в довоенном году производилась в количестве 211 миллионов пар, а в 1945-м – только 61 миллион пар. Почти в четыре раза упало производство бельевого и верхнего трикотажа⁴⁹.

Покупать было нечего и некому – как всегда в трудные времена, люди покупки не первой необходимости откладывали. Зато одновременно росли зарплаты (средняя по СССР выросла с 331 рубля в 1940 г. до 445 рублей в 1944 г.), выплаты, льготы, премии. Получалось, что городское

население накапливало значительные средства, которые по условиям военного времени тратить было негде. И – как следствие – такая платежеспособность породила резкий скачок цен на вольном рынке. Туда и «утекали» деньги, снова оседая в кубышках – без возврата в кассы страны. Надо было все это у населения изъять – для оздоровления общей ситуации.

Тогда в стране были введены военный налог (с 1942 г.) и налог на бездетных и холостяков.

Плательщиками «Налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» были граждане СССР, не имевшие детей: мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины, состоявшие в браке, в возрасте от 20 до 45 лет. Налог имел дифференцированную ставку в зависимости от заработка плательщика по месту основной работы.

Таким способом государство обеспечило значительный прирост бюджета (фактически эти виды налога компенсировали «провал» доходных статей от налогов с оборота и прибыли). Второй метод изъятия денежных средств – займы. В отличие от «изподпалочного» размещения облигаций займа в довоенное время в годы войны население очень ответственно относилось к участию в таких «государственных программах». Более того, возникло движение сбора средств на конкретные «именные» танковые бригады, эскадрильи, другие военные подразделения, технику, оплаченную средствами трудящихся. Эта статья доходов тоже была весьма внушительной.

▲ Облигация на сумму 10 рублей, 1940 г.
▲ Облигация на сумму 50 и 100 рублей, 1936 г.

	(в млрд. руб.)				
	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Платежи и взносы населения, всего ⁵⁰	20,9	44,5	62,2	79,2	72,0
Город	15,4	30	40,9	51,9	50,7
Село	5,5	14,5	21,3	27,3	21,3
Из них: налоги и сборы	10,9	23,2	31,1	41,3	44,3
Город	7,6	16,2	20,3	27,2	29,3
Село	3,3	7,0	10,8	14,1	15,0
Поступления по займам	9,0	11,1	16,5	24,5	22,1
Город	7,4	8,1	10,1	16,2	16,2
Село	1,6	3,0	6,4	8,3	5,9
Поступления по лотереям	-	2,8	3,4	5,0	0,4
Город	-	1,8	1,5	2,3	0,2
Село	-	1,0	1,9	2,7	0,2
Поступления в фонды Оборона и Красной Армии	-	5,3	4,7	3,2	0,1

- ▶ Облигация на сумму 100 рублей, 1942 г.
- ▶ Облигация на сумму 50 рублей, 1945 г.

Так правительство сумело создать «правильный» денежный оборот – само подавало «сверхденьги» и само их изымало. Но в любом случае результат (для денежной массы) был позитивным. Есть с чем сравнить: доход государства от займов за все довоенные годы составил 50 миллиардов рублей, а за четыре года войны – 76 миллиардов. Четыре денежно-вещевые лотереи также были поддержаны очень активно и дали 12 миллиардов рублей.

Другие новшества этого периода – перечисление зарплаты военных на сберегательные книжки, безналичное перечисление денег родным военных. С начала войны официально были отменены ежегодные отпуска, и средства, выделяемые на их оплату, тоже пополнили бюджет (они перечислялись как вклады, составили 3 миллиарда рублей). Создавались условия для уменьшения наличности в обороте, а следовательно, можно было приостановить эмиссию денег, захлестывающую другие страны, участвовав-

шие в войне. Снижалась и себестоимость производства оружия, боеприпасов (что называется, «набили руку» – производство требовало все меньших трудозатрат). Вот стоимость некоторых видов вооружения и боевой техники периода войны.

Вооружение ⁵¹	Годы/ тыс. руб.			
	1941	1942	1943	1944
Самолет Ил-4	800	468	380	380
Самолет Ли-2	650	510	424	424
Самолет Пе-2	420	353	265	265
Танк KB	635	295	225	—
Танк Т-34	269,5	193	135	135
Танк Т-34-85	—	—	164	164
122-мм гаубица М-30	94	39	35	35
Пистолет-пулемет ППП	0,5	0,4	0,14	0,148
7,62-мм винтовка	0,163	0,12	0,1	0,1

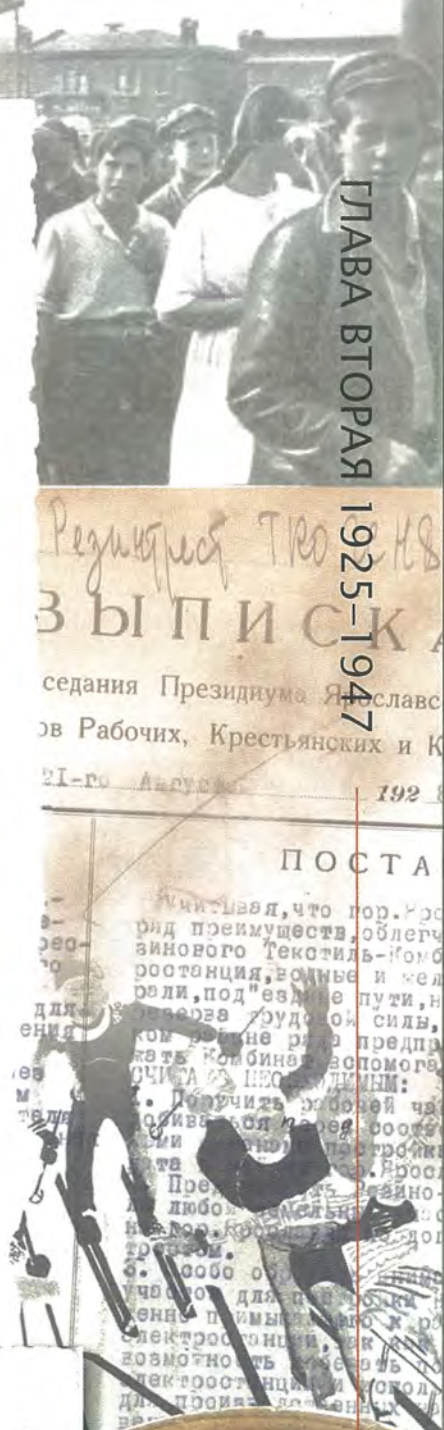
Как видим, производство боевой техники в целом подешевело вдвое. Экономия составила более 50 миллиардов рублей (эквивалентно полному обеспечению всех сфер жизни в течение 138 дней войны).

Правительство стимулировало население для помощи государству различными способами. Например, людям платили за сбор стреляных гильз, которые тут же шли в дело (экономия на латуни). Выплачено было за 1943 г. 38 млн, а выиграно на этом 736 млн рублей.

Большие деньги выплачивались воинам. Все имело свою цену. Юрий Мухин приводит следующие данные: «За каждый уничтоженный немецкий танк наводчик и командир орудия (танка) получали по 500 рублей, а остальные номера расчета (члены экипажа) – по 200. Наводчик противотанкового ружья за подбитый танк получал 500 рублей, номер – 250. За уничтожение танка индивидуальными средствами – 1000 рублей, если в его уничтожении участвовало несколько человек – 1500 руб. на всех по ровну. Для справки: оклад командира полка был 1800 руб., командира дивизии – 2200 руб. Летчик-истребитель за сбитый одномоторный самолет получал 1000 руб., за двухмоторный – 2000. За вылет на 5 штурмовок – 1500 руб., через 15 выле-

◀ Фото 1940-х гг.

тов на штурмовку еще 2000 руб., через 25 – еще 3000 руб., через 40 – еще 5000 руб. Каждому члену экипажа штурмовика или самолета ближнебомбардировочной авиации за 10 заданий днем или 5 ночью – 1000 руб., за 20(10) – еще 2000 руб., за 30(20) – еще 3000 руб. За лично сбитые самолеты противника: за 1 – 1000, за 2-й – еще 1500, за 5-й – еще 2000, за 8-й – еще 5000 руб. За средний ремонт тяжелого танка рабочим платили 800, среднего – 500... оружия – 200... трактора – 300 руб.»⁵²

На руки солдаты и офицеры получали минимум – все шло во вклады на книжку. На фронте они имели полное обеспечение и довольствие (не всегда и не везде – читай, например, «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева, множество других книг о войне, где фронтовая жизнь солдат и офицеров поистине изнуряющая и никак не обеспечена – здесь и голод, и холод, и несвоевременный подвоз боеприпасов). Разбег зарплаты был невероятно высоким. Рядовой солдат зарабатывал 17 рублей в месяц, командир полка – 2200 рублей. У каждой части был свой казначей и своя полковая чековая книжка, по которой часть получала средства со счета. До минимума был ограничен объем наличности, которую можно было хранить непосредственно в части. Все это позволяло избежать крупных потерь денежных средств во время военных действий, неожиданных атак и перемещений.

Как бы ни была ужасна война и напряжение сил всего народа, жизнь в тылу строилась по законам быта. С 1943 г. разрешена была коммерческая торговля, которая сразу дала «ножницы цен по отношению к ценам фиксированным, государственным».

Вот пример официальных данных по ценам того периода:

◀ Советские солдаты ведут огонь по воздушной цели, фото 1940-е гг.

© Igor Golovtsov/Shutterstock.com

Государственные розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные продовольственные товары (в рублях за кг)⁵³

	Цены нормированной торговли			Цены коммерческой торговли		
	1940		1945	1944		1945
	на начало года	на конец года	на конец года	с начала введения комм. торговли	на конец года	на конец года
Говядина средней упитанности I сорта	10*	12	12	400	320	150
Свинина разрубочная необрезная I сорта	14*	17	17	600	500	300
Колбаса вареная «Отдельная»	13,5*	16	16	450	450	250
Колбаса полукопченая «Краковская»	20*	23	23	600	600	370
Сосиски «Русские»	12,6*	15	15	450	400	240
Судак мороженный крупный I сорта	3,8	5,5	5,5	200	150	110
Сельдь «Мурманская» чанового посола неразборная	4,5	6,4	6,4	300	210	150
Масло сливочное несоленое высшего сорта	17,5	25	25	1000	750	370
Масло топленое высшего сорта	18,5	26	26	1000	750	370
Масло подсолнечное рафинированное	13,5	13,5	13,5	700	600	250
Маргарин столовый I сорта	10,5	12	12	620	480	250
Молоко (литр)	2	2,2	2	60	50	40
Сыр «Советский» экстра 50%	25	29	29	700	530	330
Яйца столовые I сорта (десяток)	6,5	6,5	6,5	200	150	100
Сахар-рафинад колотый	4,1	5,7	5,7	1050	750	250
Конфеты глазированные в шоколаде «Весна»	20**	20	20	-	850	340
Печенье «Рот-Фронт» из муки высшего сорта	9,9**	9,9	9,9	-	600	240
Чай черный байховый «Грузинский» I сорта	80	80	80	750	750	600
Соль помола № 1	0,12	0,12	0,48	80	80	50
Мука пшеничная I сорта	2,9	2,9	2,9	-	-	60
Мука пшеничная II сорта	2,4	2,4	2,4	-	-	45
Мука пшеничная высшего сорта	4,6	4,6	4,6	-	-	90
Пшено толченое I сорта	2,1	2,1	2,1	150	150	80
Гречневая крупа, ядрица	4,3	4,3	4,3	250	250	150
Макароны из муки I сорта	3,5	3,5	3,5	200	200	100
Хлеб ржаной из обойной муки	0,85	1	1	-	-	24
Хлеб пшеничный из муки II сорта	1,7	1,7	1,7	-	-	30
Водка 50° (0,5 л)	11,5	11,5	80,5	250	190	100

* С 24 января 1940 г., ** С 22 января 1940 г.

За годы войны государственные розничные цены в нормированной торговле не изменялись, за исключением цен на водку, водочные изделия, виноградные вина, пиво и соль. Как видим, разница превышала иногда 5–10 раз. Такая же ситуация была и в непродовольственном секторе. Там, правда, переплата составляла трех-пятикратную разницу. Официальная таблица дает также примерное представление об ассортименте товаров.

Государственные розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные непродовольственные товары (в рублях за единицу)⁵⁴

	Цены нормированной торговли			Цены коммерческой торговли			
	1940		1945	1940	1942	1944	1945
	на начало года	на конец года	на конец года	цены показательных универмагов	на конец года	на конец года	на конец года
Ситец, артикул 3 (за метр)	3	3	3	5,9	9,6	9,6	55
Сатин, артикул 133 (за метр)	6,3	6,3	6,3	12,5	20,2	20,2	95
Драп деми, артикул 277 (за метр)	250	250	250	500	750	750	2000
Бостон, артикул 125 (за метр)	170	170	170	340	510	510	1450
Крепдешин, артикул 5А (за метр)	58	58	58	102	148	148	600
Пальто мужское демисезонное, артикул 7–30 (за штуку)	377	377	377	660	980	4300	3000
Костюм мужской, артикул 13–31 (за штуку)	367	367	367	640	954	4000	2950
Носки мужские, артикул 82 (за пару)	7	7	7	9,5	17,5	125	95
Ботинки мужские хромовые, артикул Р–3004 ЧШЗ (за пару)	90	140	140	238	336	1875	1700
Галоши мужские, артикул 110 (за пару)	13,8	20	20	30	45	1080	700
Мыло хозяйственное обыкновенное I сорта (за килограмм)	2,7	2,7	5,5	-	-	350	137,5
Мыло туалетное «Красный мак» (за кусок в 75 грамм)	1,5	1,5	4	-	-	85	55

Духи «Красная Москва» (за флакон № 4199)	28,5	28,5	57	-	-	500	400
Нитки «Прима» (за катушку)	0,5	0,5	0,5	-	1,75	35	20
Папиросы высшего сорта № 3 «Казбек» 25 штук (за пачку)	3,15	3,15	6,3	-	50	50	40
Кастрюля алюминиевая, артикул К-5 (за штуку)	14	14	42	25	-	350	140
Чайник латунный никелированный 2,5 литра (за штуку)	56	56	168	75	-	750	500
Часы женские наручные марки «ЗИФ» (за штуку)	450	450	450	700	1350	5000	1700

«Любка проснулась чуть свет и, напевая, стала собираться в дорогу. Она решила одеться попроще, чтобы не затрепать лучшего своего платья, но все-таки как можно поярче, чтобы бросаться в глаза, а самое свое шикарное платье чистого голубого крепдешина, голубые туфли и кружевное белье и шелковое шелковые чулки она уложила в чемоданчик».

Фадеев А. «Молодая гвардия».

Есть сведения также о том, как изменялись рыночные цены на продукты (по сравнению с 1940 г.). Хлеб подорожал в 1943–1944 гг. в 20 раз, картофель, молоко, сливочное и растительное масло, яйца – примерно в 10 раз.

Среднемесячные цены сельскохозяйственных продуктов на колхозных рынках (по данным выборочной сети 43 крупных городов (в рублях и копейках за кг).⁵⁵

	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	апр.	окт.	апр.	окт.	апр.	окт.	апр.	окт.	апр.	окт.	апр.	окт.
Говядина	21–62	19–41	21–37	20–98	99–22	155–84	229–16	204–29	244–12	133–87	133–36	71–14
Свинина	26–01	26–34	24–08	27–50	193–76	247–50	358–60	304–96	372–99	211–14	193–80	98–87
Молоко, за литр	3–80	3–65	2–64	5–77	34–73	44–59	63–84	51–92	52–05	32–00	23–91	19–87
Животное масло	49–43	51–22	43–85	61–61	281–15	578–95	697–49	578–62	630–25	362–47	309–05	203–46
Яйца, за десяток	11–77	12–72	10–44	14–88	72–72	97–28	154–09	127–08	170–63	87–00	106–70	63–28

Напомним, что зарплата рядового была 17 рублей. Средняя зарплата по СССР к 1943 г. превысила 390 рублей. Купить килограмм мяса на рынке с такой зарплатой было невозможно. Однако уже в 1945 г. цены снизились и стали более-менее подъемными (средняя зарплата – около 450 рублей).

Результат Тво
ЗЫПИСК
седания Президиума Явля
ов Рабочих, Крестьянских и
21-го Августа 1947

Послевоенные настроения

В письме М. Васильевой из села Звериноголовского Курганской области говорилось: «Ты знаешь, что у нас здесь делается? Паек всем отказали, дают хлеб только партактиву, а я вот работаю, а мне хлеба нет. И знаешь, Мария, хлеба нигде не купишь, шныряют мильтошки, да и где вывернешься, уже один пуд стоит 400 рублей. Знаешь, весь народ ревет, а особенно дети, знаешь, у нас в конторе только слезы. Ты только подумай: мужей побили, а детей решили заморить с голоду»⁵⁶. Появлялись листовки с призывом бойкотировать выборы в Верховный Совет, а также с призывами расхищать «социалистическую собственность»: «Товарищи рабочие! Относитесь халатно к государственной собственности. Делайте расхищение для прокормления своих детей и самих себя. Наши правители жируют за наши несчастные крохи хлеба и не обращают на голод внимания, как будто этого не видят. Им не жалко рабочей бедноты, потому что они живут без нужды»⁵⁷.

▼ Медаль за победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Ситец пользовался огромной популярностью у советских женщин. В условиях дефицита именно из дешевого разноцветного ситца женщины шили себе «веселые» платья. Эта ткань в большом количестве производилась в Иваново, за что город иногда называли «ситцевым городком».

Регистр Т...
ВЫПИСКА
седания Президнума Я...
зв Рабочих, Крестьянских и К...
21-го Августа 192...

ПОСТА
... что гор. Ур...
... преимущества, облегч...
... зинного Текстиль-Комб...
... роостанция, водные и жел...
... реди, под "евские пути, и...
... для...
... ения...
... ком...
... м...
... тель...
... Пре...
... люб...
... в...
... гр...
... о...
... уч...
... енно...
... электростанции, как...
... возможно...
... электростанции (токо...
... для...
... в...

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
1947–1961

Книжка 100

БН 124375

Первый же послевоенный год ознаменовался значительными затратами госбюджета на демобилизационные выплаты: снимали свои вклады вернувшиеся офицеры и солдаты, с апреля 1946 г. началась выплата компенсаций за неиспользованные отпуска. Увеличился товароборот. Перестали проводиться лотереи, были уменьшены займы. В стране действовали разные системы цен – стабильные государственные (но товаров недостаточно, постоянный дефицит самых главных групп товаров) и подвижные коммерческие (снизились по сравнению с военными годами, но все равно были неприступными). В коммерческий магазин обыватель шел только в связи с праздником – купить что-нибудь особенное, удивить и порадовать родных.

Эмиссия в это время, конечно, потребовалась. Но она была четко очерченной, а задача изъятия из оборота излишков денежной массы стала осуществляться практически параллельно. Тем не менее к июлю 1946 г. денежная масса превысила довоенный уровень в 4 раза. А. Зверев, занимавший пост министра финансов, обратился к Сталину со служебной запиской, в которой предлагал срочно организовать денежную реформу. Ее главная задача – остановить инфляцию. Впрочем, Зверев не скрывал, что покупательную способность рубля она сразу не увеличит. Аргументы «за»: 5 миллиардов советских рублей за границей (трофеи врагов), трудно поддающаяся исчислению сумма в кубышках (особенно – так предполагалось – у торговцев Средней Азии и Кавказа), большие сбережения во вкладах у тех, кто нажил на «военной конъюнктуре», серьезные проблемы с «ножницами» коммерческих и государственных цен. Аргументы «против» тоже были, но представлялись сглаженно. Сталин согласился с этим предложением. Тем более что важной составляющей реформы рассматривалась отмена карточек. К той поре карточная система была настолько «освоена» с точки зрения разных злоупотреблений, что отмена ее была неизбежна.

Так, «в Краснодаре кассир Сукач, похитив 16 783 карточки и 5179 рублей, просто сбежал. В Новосибирском карточном бюро была арестована кассир Ляшко, похитившая 15 277 рублей. Кроме того, у нее обнаружилась недостача 309 878 карточек и талонов. В Ново-Шахтинском карточном бюро бывшим кассиром Селезневым, призванным в армию, было растрчено 12 900 рублей. Кассир Чердынского промкомбината (Молотовская область) был осужден на 3 года за мошенничество с карточками, которые обменивались на ценные вещи. Например, хлебная карточка – на ручные часы. Иногда масштабы воровства впечатляли. Например, в июне 1947 г. кладовщик-кассир областного картбюро Кемеровской области Науменко похитила хлебных талонов на 1800 кг и денег в сумме 44 000 рублей. Правда, и наказание было весьма суровым – 25 лет тюремного заключения с конфискацией имущества. Нередко в аферы с карточками вовлекалось само руководство бюро. Так, кассир и контролеры Ворошиловского карточного бюро, руководимые заместителем начальника Деревянченко, присваивали карточки, подлежащие сожжению, или выписывали карточки по фиктивным

документам на несуществующих лиц. Начальник спецбюро Омского гарнизона Садкова не только расхищала продкарточки в больших масштабах (путем подделки документов было незаконно получено карточек на стоимость продуктов по рыночной цене на 2 млн руб.), но и создала целую сеть «агентов». По данному делу было арестовано 19 человек: 1 приговорен к расстрелу, Садкова – к 10 годам, а остальные получили по 5–8 лет тюремного заключения»⁸⁸.

Реформу решено было провести молниеносно (все та же цель – уничтожение «нечестных» капиталов). Была выделена одна неделя на обмен купюр по курсу 1 новый рубль к 10 старым (червонцы менялись один к одному). Зарплата всему СССР должна была быть выплачена в эти же дни новыми рублями. Кто не успел обменять деньги – оставался с «фантиками» (денежная способность старых купюр аннулировалась с 22 декабря 1947 г., для отдаленных районов – с 29 декабря). Воланд посмеялся бы над пророчествами его свиты, когда червонцы (новенькие, только что отпечатанные) превращались в этикетки бутылок «Нарзана».

Во все местные парткомы были разосланы секретные конверты с надписью «вскрыть только по особому распоряжению». Но их вскрывали раньше. Полученная информация во всю использовалась партийной номенклатурой – немедленно открывались вклады суммой менее 3000 рублей или равной ей (это была сумма, менявшаяся один к одному, а все остальное менялось с проигрышем для владельца вклада). Вкладывали «кубышечные» деньги – и, конечно, получали их (без всяких очередей) в новом виде.

К реформе была приурочена отмена карточной системы. Это был важный шаг вперед – символ преодоления послевоенных трудностей. Хотя при этом и «сторе́ло» 4 миллиарда рублей. Для кого-то, возможно, это были настоящие, трудовые, потом и кровью добытые сбережения.

Министр внутренних дел С.Н. Круглов 17 декабря 1947 г. докладывал И.В. Сталину, Л.П. Берии и другим членам правительства, что реформа проходила «без происшествий».

▲ Банкноты 1 и 3 рубля образца 1947 г.

▲ Банкнота 5 рублей образца 1947 г.

«В последние дни в городе Москве распространились слухи, что в ближайшее время будет произведен обмен существующих денег на новые денежные знаки из расчета 10–12 копеек за один рубль и что одновременно будут значительно повышены цены на промышленные товары, отпускаемые по плановым ценам. В связи с этим 28 и 29 ноября в Москве имел место массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промышленными товарами. Особенно увеличился спрос на дорогостоящие товары в комиссионных магазинах».

Докладная записка министра внутренних дел СССР Круглова о распространении слухов о подготовке денежной реформы и реакции населения на эти слухи товарищу Сталину И. В., товарищу Берия Л. П., товарищу Вознесенскому Н. А., товарищу Кузнецову А. А. 29 ноября 1947 г.

Очереди у московских магазинов не превышали 300 человек, люди расплачивались старыми деньгами, на рынке уже в 12 часов дня появились спекулянты, скупившие в универмаге одежду и обувь (их арестовывали). В той же сводке приводились факты воровства на предприятиях. К примеру, кондитеры на фабрике, своевольно уменьшив закладку в крем, похитили 97 кг сливочного масла. При обыске у рабочей обнаружено несколько костюмов, которыми она собиралась спекулировать. Было также зафиксировано множество случаев выноса с предприятия ценностей с целью их продажи.

Этот и многие другие отчеты показывали, что реформа шла спокойно, но население переживало отмену карточек как утрату гарантии на получение хлеба и продовольствия. Хотя были случаи, когда граждане с легкостью принимали новые условия жизни. «В целом, как отмечали информаторы партийных органов и органов государственной безопасности, отношение населения к реформе было благожелательным. Вот строки из их донесений: гражданка Федорова в магазине ОРСа (отдел рабочего снабжения)

▲ Плакат «Придем к изобилию!» В. Иванов, 1949 г.

завода № 443, купив хлеба, сказала: «... теперь пришла настоящая жизнь. Я прожила 65 лет, можно прожить еще долго». Покупательница магазина № 4 «Гастроном» сказала: «... жизнь будет значительно легче, живем мы вдвоем с дочкой, она зарабатывает 1500 рублей, нам не только на питание хватит, но и на одежду»⁵⁹.

Разработка новых купюр шла скомканно, быстро, и ни один проект не принимался правительством, пока Сталин не сказал: «А чем были плохи-то царские купюры?» Вопрос был понят как указание – и купюры 1947 г. оказались некоторым подобием царских денег.

Всего в оборот было выпущено четыре купюры Государственного банка СССР (билеты 10, 25, 50 и 100 рублей). На каждой из них был помещен портрет В.И. Ленина по рисунку художника А. Эберлинга (а он, в свою очередь, использовал фотографию П. Оцуа). Гравировка была выполнена С. Аферовым. «Старшие» купюры (в 50 и 100 рублей), помимо рисунка, содержали ку-

▲ Банкнота 10 рублей образца 1949 г.
▲ Банкнота 25 рублей образца 1947 г.

пон (чистое поле), на котором на просвет просматривался тот же портрет Ленина в виде водяного знака. На оборотной стороне сторублевки размещен был вид Кремля с Москва-реки.

Помимо билетов Госбанка СССР, были выпущены также и казначейские билеты 1947 г. достоинством 1, 3 и 5 рублей (без каких бы то ни было изображений). Эскизы всех этих купюр были подготовлены И. Дубасовым.

К выпуску денег отнеслись вполне ответственно: на Государственном гербе СССР было выполнено на снопах колосьев шестнадцать витков ленты — по числу всех республик, которое увеличилось к этой поре на 5 «сестер»: к II прежним прибавились Карело-Финская, Молдавская, Литовская, Латвийская и Эстонская союзные республики.

Достоинство каждой купюры печаталось последовательно на 15 языках союзных республик входивших в состав СССР (на русском, украинском, белорусском, азербайджанском, грузинском, армянском, туркменском, узбекском, таджикском, казахском, киргизском, молдавском, литовском, латышском и эстонском).

Однако это «ответственное» отношение к отражению в самом рисунке денежного знака политического устройства страны сработало против создателей купюры. Уже в 1956 г. Карело-Финская союзная республика была преобразована в АССР, и наконец стабилизировался тот состав Советского Союза, в каком он и завершил свое сущест-

ование: «пятнадцать свободных сестер». Именно поэтому купюры 1947 г. были перевыпущены в 1957 г. с соответствующими политическими изменениями: с пятнадцатью витками ленты на снопах колосьев. Плюс к этому изменен был и порядок языков: теперь он точно соответствовал тексту Конституции (на русском, украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, азербайджанском, литовском, молдавском, латышском, киргизском, таджикском, армянском, туркменском и эстонском).

А.Г. Зверев писал И.В. Сталину о ходе подготовки к реформе: «В настоящее время печатание денежных знаков образца 1947 г. идет с отставанием против установленных правительством сроков. К 1 апреля 1947 г. предприятия Гознака изготовили только 7,5 млрд. рублей, что связано с трудностями освоения производства новых денежных знаков значительно улучшенного качества и перебоями в материально-техническом снабжении. К 1 июня будет изготовлено до 15 млрд. рублей вместо 25 млрд. рублей, предусмотренных правительственным заданием. К конечному сроку, т.е. к 1 октября 1947 г., будет изготовлено около 31 млрд. рублей вместо 45 млрд. рублей по заданию»⁶⁰. Деньги были изготовлены с опозданием, подвезены во многие отделения Госбанка.

И реформа началась. В различных городах страны многие из имевших доступ к закрытой информации старались нажиться на новой реформе. В Велиже Смоленской губернии начальник районного отдела внутренних дел, ознакомившись досрочно с содержанием пакета, присланного из правительства, советовал знакомым руководителям наличные деньги внести на счета в сберкассе, так как «это выгодно».

Уже через некоторое время осведомленные чиновники открыли в отделении Госбанка в сберкассе по два счета: «первый — на 5 тысяч рублей, второй — 4 тысячи 700 рублей». «Затем пришла техничка пищекомбината тов. Р., которая

▲ Банкнота 50 рублей образца 1947 г.
▲ Банкнота 100 рублей образца 1947 г.

работала вместе с женой заместителя начальника РОВД тов. К., и вложила на свое имя 3 тысячи рублей». Позже, на следствии, она призналась, что такую сумму в руках она держала первый раз в жизни. Деньги принадлежали начальнику отделения Госбанка.

История имела крайне неприятное продолжение – уже после запрета на открытие счетов потянулись новые аппаратчики со своими тысячами, а последнему из них – прокурору А. – решительно отказали, за что он немедленно возбудил уголовное дело против работников кассы. Хотя те пытались в ходе расследования рассказать правду (кто и какие суммы незаконно размещал в тот день во вклады), суд замял все эти неприятные подробности, но к работникам кассы применил самые строгие статьи (от 12 до 15 лет). Никто из номенклатурщиков не пострадал – и деньги остались в сохранности, а претензии к ним предъявлены не были.

Самым распространенным злоупотреблением этого времени была торговля. Сотрудники магазинов вносили в кассу свои деньги (разумеется, «старыми» купюрами) как якобы за проданные товары, которые они прятывали и потом продавали за новые деньги уже в свой карман. Таких случаев были сотни.

Слухи о реформе стали основой «золото-валютной контрабанды». Население бросилось скупать золото и другие более-менее надежные ценности. Министерство внутренних дел пристально следило за такими попытками и обнаруживало удивительные вещи. Например, за две недели до реформы подготовлен отчет о действиях в Ленинградской области целой банды.

«Доклад МВД об арестах только в одной области, подготовленный 3 декабря 1947 г., гласил:

“Управление МВД Ленинградской области в октябре–ноябре с. г. арестовало 12 спекулянтов-валютчиков, у которых изъято большое количество золотых изделий, драгоценных камней и других ценностей. В числе арестованных:

Слободник Б. М., 1910 г. рождения, без определенных занятий, член ВКП(б), разыскиваемый Ленинградской областной прокуратурой за хищение социалистической собственности. При обыске у Слободника обнаружено и изъято золотых монет царской и иностранной чеканки общим весом 3344 грамма и 8 золотых и платиновых часов. На следствии Слободник показал, что ценности добыты мародерским путем в Варшаве и Берлине.

Браилко Н. Н., 1898 г. рождения, без определенных занятий. Браилко была задержана при попытке продать слиток червонного золота весом 700 граммов. Обыском на квартире Браилко изъято золота в слитках – 4632 грамма, платины в слитках – 1038 граммов, золота в изделиях – 88,2 грамма, бриллиантов в золотых изделиях – 100 штук и другие ценности. На допросе Браилко показала, что ценности принадлежали ее мужу Браилко П. П. и после его смерти достались ей. Браилко П. П., бывший дворянин, инженер, с 1904 по 1913 гг. работал во флоте в должностях от младшего инженера до начальника плавучих мастерских. С 1914 по 1923 г. работал на

радиотелеграфном заводе в Ленинграде, занимая в последние годы должность технического директора завода. Впоследствии работал техническим директором завода “Электроаппарат”, директором катушечного завода им. Воровского, руководителем Бюро капитальных работ Всесоюзного объединения морского судостроения. Умер в 1938 г. Расследование по делу продолжается.

Письмом от 20 ноября с. г. Министерство внутренних дел докладывало Вам об аресте в гор. Ленинграде группы валютчиков и расхитителей социалистической собственности в числе 10 человек, возглавлявшейся жителем гор. Ташкента Платковым Ш. Г., который через своих соучастников скупал в Ленинграде золото в монетах, слитках, в изделиях, а также драгоценные камни.

Всего у участников группы Платкова, а также у Слободник и Браилко изъято: наличных денег – 498 300 рублей, золота в слитках, изделиях и монетах – 11 кг 312,2 гр., платины в слитках – 1 кг 38 гр., золотых и платиновых часов – 115, бриллиантов – 153, а также другие ценности. Общая стоимость изъятых у спекулянтов-валютчиков ценностей составляет по ценам Ювелирторга 4 260 000 рублей»⁶¹.

Как купить автомобиль в СССР на честно заработанные деньги

Автомобиль можно было купить в свободной продаже с 1949 г. Масса трофейных автомобилей разошлась по рукам тех, кто имел доступ к распространению этих трофеев; но отечественный автопром тоже развернулся на полную катушку. Известно, что довоенная торговля автомобилями была делом скорее исключительным, тем более что с начала войны весь частный «автопарк» был изъят на нужды государства. После Второй мировой войны в СССР в продаже было всего три основные марки машин (все «свои»): «Москвич» (цена 1949 г. – 8000 рублей),

© Elena11/Shutterstock.com

© Andrey 69/Shutterstock.com

© Dikii/Shutterstock.com

- ▲ Автомобиль ГАЗ М-20 «Победа»
- ▲ Автомобиль Москвич-401.
- ▲ Автомобиль ГАЗ-12 ЗИМ.

«Победа» (16 000 рублей), «ЗиМ» (40 000 рублей). «ЗиМ» приобретался государственными организациями и был советской машиной «представительского класса». О частных покупателях «ЗиМов» до сих пор существует легенда: «В единственный харьковский автомагазин на углу площадей Тевелева (ныне Конституции) и Розы Люксембург, где были выставлены все три тогдашние модели авто, пришел невзрачно одетый человек. Помотрел на «Москвич».

- Можно купить?
- Нет, очередь.
- А «Победу»?
- Тоже очередь.
- А «ЗиМ»?
- Ну вообще-то можно... Но вы же видите, сколько он стоит?
- Ничего, заверните...

Поскольку прецедентов в истории магазина не было, директор позвонил в КГБ. Там разобрались и ответили: «Это академик Вальтер. Он весь ваш магазин купить может. Продавайте». Так академик стал обладателем «ЗиМа». Еще один «ЗиМ» купил председатель какого-то успешного колхоза, и больше желающих не нашлось»⁶².

История эта показывает уровень зарплаты «невзрачного» Вальтера (кроме того, следует учесть и спецраспределение для академиков – возмож-

ность по невысоким ценам покупать продукты и товары в специальных магазинах). Как следует из источников, зарплата квалифицированного рабочего могла составлять 1000 рублей (а стахановцы получали до 8000 рублей в месяц), министр союзного значения получал

УДОСТОВЕРЕНИИ

5000 рублей, а академик – 10 000 и выше. Так что цена «ЗиМа» составляла для Вальтера максимум 4-месячный заработок.

А вот воспоминания профессора В.А. Торгашева: «Из дорогостоящих товаров следует выделить автомобили. Ассортимент автомобилей был невелик, но проблем с их приобретением не было. В Ленинграде в большом универмаге «Апраксин двор» находился автомобильный салон. Я помню, что в 1955 г. там были выставлены для свободной продажи автомобили: «Москвич-400» за 9000 рублей (эконом-класс), «Победа» за 16 000 рублей (бизнес-класс) и «ЗиМ» (впоследствии «Чайка») за 40 000 рублей (представительский класс). Наши семейных сбережений было достаточно для приобретения любого из перечисленных выше автомобилей, включая «ЗиМ». А автомобиль «Москвич» вообще был доступен для большинства населения. Тем не менее реального спроса на автомобили не было. В то время автомобили рассматривались как дорогостоящие игрушки, создающие массу проблем по содержанию и обслуживанию. У моего дяди был автомобиль «Москвич», на котором он всего несколько раз в год выезжал за город. Приобрел этот автомобиль дядя еще в 1949 г. только потому, что во дворе своего дома в помещении бывших конюшен он мог обустроить гараж. Отцу на работе предлагали купить списанный американский «Виллис», военный внедорожник того времени, всего за 1500 рублей. Отец отказался от машины, так как держать ее было негде»⁶³.

Снижение цен

Довольно значимым моментом развития послевоенной экономики стало целенаправленное снижение цен на все группы товаров. Первоначально такое снижение произошло уже в момент реформы 1947 г., следующее – в апреле 1948 г., а затем стало ежегодно приурочиваться к 1 марта. Каждый раз документы, регулировавшие порядок снижения, озаглавливались «О новом снижении цен», что подчеркивало постоянность этого отрадного события. Каждый такой документ становился поводом для активной разъяснительной работы. Агитаторы и политинформаторы на собраниях коллективов растолковывали высокий смысл действий правительства – СССР являл миру уникальную хозяйственную модель. Одновременно со снижением цен повышалась (хоть немного) заработная плата. Все это было знаками роста благосостояния. Разумеется, следует учитывать, что в это время налог с оборота и налог на прибыль с предприятий никто не отменял. Меры по увеличению денег на руках у населения (зарплата выше, цены ниже) симулировали рост товарообмена, а значит –

повышения налогов с предприятий. Но эти формы налогов и не воспринимались как бремя – скорее, это были способы перераспределения доходов.

В это же время процветала частная торговля, где цены неуклонно снижались вслед за государственными. Как же изменялась цена на основные группы товаров?

Статистическая таблица ЦСУ СССР «Индексы государственных розничных цен за 1950–1955 гг. (в процентах к 1940 г., 1950 г. и предшествующему году)»⁶⁴

	1940	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Все товары							
В процентах к 1940 г.	100	186	170	161	146	138	138
В процентах к концу 1940 г.	100	181	166	157	142	134	134
В процентах к 1950 г.	-	100	92	87	78	74	74
В процентах к предыдущему году	-	81,7	91,6	94,7	90,2	94,6	100,1

Продовольственные товары							
В процентах к 1940 г.	100	203	181	166	146	141	141
из них:							
Хлеб и хлебобулочные изделия из обойной муки	100	247	205	181	162	149	147
Хлеб и хлебобулочные изделия из сортовой муки	100	164	135	117	104	97	96
Мясо и птица	100	179	153	132	112	108	108
Колбасные изделия	100	186	156	135	114	110	110
Рыба и сельди	100	173	154	152	140	137	137
Масло животное	100	179	149	132	117	114	114
Масло растительное	100	204	201	171	152	143	132
Сахар	100	231	227	209	189	184	184
Кондитерские изделия	100	232	223	202	182	177	177
Водка и ликероводочные изделия	100	338	302	298	271	264	264
Непродовольственные товары							
В процентах к 1940 г.	100	165	157	156	145	134	134
из них:							
Хлопчатобумажные ткани	100	249	243	243	214	182	176
Шерстяные ткани	100	190	185	184	176	174	173
Шелковые ткани	100	186	184	184	176	171	170
Одежда	100	185	182	182	174	168	167
Трикотажные изделия	100	195	193	193	185	173	171
Чулки и носки	100	183	179	179	149	124	120
Кожаная обувь	100	201	198	198	181	166	163
Резиновая обувь	100	229	226	226	205	181	174
Табачные изделия	100	135	119	117	112	111	111
Керосин	100	274	217	213	171	111	99
Велосипеды	100	134	117	117	106	104	104
Часы наручные	100	78	69	68	65	64	64

* Так в документе. По всей видимости – опечатка.

По этой таблице можно увидеть и основные группы товаров народного потребления, и уровень роста цен на них. Интересно, что цены 1950 г.

ТАВА ТРЕТЬЯ 1947-1961

▲ Плакат «Я ем эти консервы»
С. Сахаров и К. Кузгинов, 1950 г.

приведены уже в сниженном (по сравнению с послевоенным скачком) виде. Тогда они возросли почти в три раза. А потом плавно начали снижаться. В 1951 г., скажем, официальный документ о снижении цен выглядел так:

«В связи с новыми успехами, достигнутыми в 1950 г. в области развития промышленности и сельского хозяйства, повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции, Советское Правительство и Центральный Комитет ВКП(б) сочли возможным осуществить новое – четвертое по счету – снижение государственных розничных цен на товары массового потребления.

Совет Министров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановили:

1. Снизить с 1 марта 1951 г. государственные розничные цены на продовольственные и промышленные товары в следующих размерах:

Хлеб и хлебобулочные изделия

Хлеб ржаной, пшеничный, булки, баранки и другие хлебобулочные изделия – на 15%; – Дрожжи – на 15%

Мука

Мука ржаная, пшеничная, кукурузная и другая мука – на 15%

Крупа, рис и бобовые культуры

Пшено, крупа гречневая, другие крупы, рис, горох и другие бобовые культуры – на 15%

Макаронные изделия и пищевые концентраты

Макароны, вермишель, лапша и пищевые концентраты – на 15%

Зерно и фураж

Рожь, пшеница, овес, ячмень и другие виды зерна, отруби, жмыхи, комбикорма, сено и солома – на 15%

Мясо и мясопродукты

Говядина, баранина, свинина, птица, колбаса, сосиски, сардельки, котлеты, мясные, мясорастительные и салобобовые консервы и другие мясопродукты – на 15%

Рыба и рыботоровары

Рыба, сельди, рыбные консервы, икра черная и красная и другие рыботоровары – на 10%

Жиры, сыр, молочные продукты

Масло животное – на 15%
Сало пищевое, маргарин, сыр, молоко и молочные продукты, молочные консервы, мороженое и яйца – на 10%

Кондитерские и бакалейные товары

Печенье, вафли, кексы, пирожное, торты, пряники и другие кондитерские изделия из муки – на 10%

Чай, кофе, чайные, кофейные и какао-напитки – на 10%

Соль – на 21%

Водка, ликеры и коньяки

Водка, ликеры, наливки и настойки – на 10%

Коньяки – на 10%

Томатные и фруктовые соки

Томатные и фруктовые соки и соусы – на 10%

Продукты из сои

Соевые сырки, кефир, соусы, соевая блинная мука и другие продукты из сои – на 15%

Мыло и парфюмерно-косметические товары

Мыло хозяйственное и туалетное – на 15%

Духи, одеколоны, сюрпризные коробки и другие парфюмерно-косметические товары – на 10%

Табачные изделия

Папиросы, сигареты и табаки – на 10%

Махорка – на 15%

Мебель

Стол, стулья, шкафы, диваны и другие виды мебели – на 20%

Металлические кровати – на 20%

Фарфоровые, фаянсовые и стеклянные изделия

Фарфоровая, фаянсовая посуда и художественные изделия – на 20%

Стаканы чайные и прочая стеклянная и хозяйственная посуда, ламповые изделия и зеркала – на 10%

Спички, керосин и бензин

Спички – на 20%

Керосин – на 22%

Бензин – на 20%

Радиоприемники, велосипеды, мотоциклы и часы

Радиоприемники и другие радиотовары – на 10%

Велосипеды, мотоциклы и запасные части к ним – на 10%

Часы наручные, карманные и другие – на 10%

Строительные материалы

Шифер и мягкая кровля – на 20%

Стекло оконное – на 20%

Гвозди и катаная проволока – на 10%

Железо кровельное и сортовое – на 10%

Цемент – на 10%

Обои – на 10%

Товары хозяйственного обихода

Швейные машины и запасные части к ним – на 10%

СОДЕРЖАНИЕ ВИТАМИНОВ В ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТАХ

САЛАТ	■■■■■■■■■■	КАРТОФЕЛЬ	■■■■■■■■■■
ШПИНАТ	■■■■■■■■■■	ЛУК	■■■■■■■■■■
ПОМИДОРЫ	■■■■■■■■■■	РЕПА, БРЮКВА	■■■■■■■■■■
МОРКОВЬ	■■■■■■■■■■	РЕДИС	■■■■■■■■■■
КАПУСТА	■■■■■■■■■■		

▲ Плакат «Содержание витаминов в пищевых продуктах. Овощи», 1936 г.

- Мясорубки, керосинки, керогазы, примусы и запасные части к ним – на 10%
 - Ножевые изделия – на 10%
 - Замки – на 10%
 - Скобяные изделия – на 10%
 - Печное литье, утюги наплитные и духовые – на 10%
 - Топоры, лопаты, косы и вилы – на 10%
 - Шорно-седельные товары – на 10%
 - Изделия из пластмассы – на 10%
2. Снизить соответственно цены в ресторанах, столовых, чайных и других предприятиях общественного питания»⁶⁵.

Из этого документа узнаем, например, о распространённости соевого кефира и соевой муки, об отсутствии каких бы то ни было электротоваров (например, утюги только наплитные и духовые – нагревающиеся за счет тепла плиты или углей внутри). Но каков бы ни был ассортимент товаров в СССР в эти годы, снижения цен ждали как праздника: когда 1 марта 1952 г. не появилось ожидаемого постановления, разочарованию не было предела (поэтому, возможно, постановление тут же и вышло – 1 апреля 1952 г.). 1953 г. стал последним годом планового снижения цен.

Центральное статистическое управление снабжало правительство документами под грифом «секретно», где приводило данные по стране о потреблении продуктов и товаров. Интересно, что в 1954 г. такой документ содержал сравнение с потреблением в развитых капиталистических странах. Так как сравнение было явно не в пользу СССР, то в документе указывалось, что по капиталистическим странам приводились данные «максимального потребления» (по фактам производства), но экономика там такова, что вовсе не обязательно весь этот продукт доходил до потребителя. Официальная картина была такова:

	Потребление в СССР в 1954 г. на душу килограммов ⁶⁶	Ресурсы для продовольственного потребления на душу – килограммов:		
		США в 1953 г.	Англия в 1953/54 г.	Франция в 1953/54 г.
Хлебные продукты	180	82	96	126
Картофель	153	48	100	123
Овощи и бахчевые	66	137**	57	140
Фрукты и ягоды	13	90**	45	44
Мясо и сало (вес туши, включая голюе)	32	88	57	70
Рыба и рыбные продукты	9	11	11	8
Молоко и молочные продукты в молоке*	175	315	315	298
Яйца – штуки	84	389	198	185
Сахар	21	44	47	29

* По США за 1952 г., по Англии и Франции за 1952/53 г. **За 1952 г.

Особенно потрясающая разница в потреблении продуктов животноводства – например, 84 яйца на человека в год против примерно 300 яиц на Западе или мизерное потребление мясопродуктов (при пересчете на дневную норму менее 90 граммов). Основа рациона советского человека – хлеб и картофель.

Именно поэтому Институт питания утверждал, что советское население и в успешные послевоенные годы недоедало.

	Научные нормы ⁶⁷	Фактическое потребление в 1954 г.	Фактическое потребление в % к научным нормам
Белки – граммов	105	78	74
Жиры	99	57	58
Углеводы	415	480	116
Калории	3053	2814	92

Углеводы – картофель и хлеб – норму превышали (и за счет этого калорийность была примерно на уровне «научной нормы»). Белки и жиры в рационе до нормы не дотягивали.

◀ Детский сад, фото 1959 г.

Цена промтоваров

Цены на игрушки в СССР росли уверенно и в 1953 г. были уже значительно выше цен 1940 г.

	В рублях и копейках за штуку ⁶⁸		Цены с 1 апреля 1953 г. в процентах к ценам 1940 г.
	1940 г.	с 1 апреля 1953 г.	
Из папье-маше –			
Корова малого размера	2–50	10–80	423
Корова большого размера	12–00	27–00	225
Конь малого размера	1–25	7–10	568
Металлические –			
Грузовик без завода	2–00	5–30	265
Грузовик с заводом	5–00	9–45	189
Физкультурник	10–00	13–50	135
Музыкальные –			
Органчики	4–00	7–70	193
Варабаны	4–00	8–00	200
Деревянные –			
Тележки с кирпичом	6–00	17–00	283
Яйцо пустое	1–50	2–40	160
Бочка водовозная	4–50	8–00	178
Настольно-печатные –			
Лото с картами	9–00	25–00	278
Кубики-азбука	2–00	9–00	450
Елочные –			
Шары серебряные	0–40	1–10	275
Фрукты ватные	0–35	0–70	200
Мягкие –			
Медведи шарнирные	2–50	7–00	280
Кукла набивная, размер 29 см	9–43	17–18	182
Резиновые –			
Мяч черный, размер 65 мм	1–26	1–68	133
Целлулоидные –			
Кукла размер 40 см	14–95	18–50	124

Здесь особенно интересен сам перечень игрушек – от заводного грузовика до ватных груш и яблок на елку.

Важно сказать, что магазины не изобиловали товарами даже того скудного ассортимента, что приводился в государственных отчетах. В провинции и вовсе дела обстояли туго. Так, читаем в докладной записке о покупках колхозниками Свердловской области промышленных товаров с рук у перекупщиков: «В покупках промышленных товаров наибольшим удельным весом покупки у граждан были в колхозах Красноуфимского района, где куплено 2 пальто на сумму 660 рублей, фуфайка – 50 руб., пиджаков – 2 на сумму 352 руб., швейная машина за 320 рублей, рамы оконные за 185 руб., обуви на 1322 рубля.

В Богдановическом районе покупалась перина за 500 руб., ковер – 50 руб., обуви на 2276 руб., в числе одежды был куплен дамский жакет за 150 руб.

В Буткинском районе были куплены 2 поношенных пальто за 1150 руб., фуфайка за 60 руб., 2 шали пуховые за 925 руб. Общая сумма расходов на покупку этих товаров составила 15% по отношению всех расходов на покупку промышленных товаров.

Причинами повышенного приобретения промышленных товаров колхозниками у частных лиц, в первую очередь поношенных и подержанных вещей, таких как пальто, кровати, половые дорожки, швейные машины, одеяла и т. д., является большое их предложение на рынках со стороны городского населения по более дешевым ценам, чем в комиссионных магазинах.

Колхозники вынуждены покупать у перекупщиков и частных лиц такие дефицитные товары, как шали пуховые и шерстяные, тюль, одеяла, швейные машины, клеенку и коврики к кроватям, поскольку этих товаров в магазинах сельпо почти не бывает, а в городах, в момент приезда колхозников на рынки, также не всегда имеется возможность их купить в магазинах»⁶⁹.

Жилищно-коммунальные услуги

Нелегко определить, какую часть в расходах семьи составляла квартплата. Среди многих документов находим интересные сведения о цене за 1 м² жилплощади. Так, по всей стране цена кв. метра в среднем была в 1940 г. 99 копеек, в 1949 г. – 1 рубль 24 копейки, в 1950 г. – 1 рубль 19 копеек в месяц за кв. метр. «Разбег» цен по стране был не очень существенным – от 1 рубля 11 копеек в Кемерово до 1 рубля 32 копеек в Ленинграде. В эту плату не входили расходы на отопление, водопровод, освещение и газ.

В отчете находим такие данные:

▲ Первое мая: день международной солидарности трудящихся, 1954 г

Абсолютные размеры и удельный вес расхода на оплату жилищ и коммунальных услуг в бюджете рабочих промышленности в среднем по СССР

Годы	(за месяц в среднем на одну семью)			
	Абсолютный расход (рублей) ⁷⁰		В % к сумме заработной платы, пенсий и стипендий, полученной всеми членами семьи	
	Оплата жилищ	Оплата отопления, водопровода, освещения и газа	Оплата жилищ	Оплата отопления, водопровода, освещения и газа
1940	11,3	9,7	2,0	1,7
1950	14,7	22,9	1,2	1,8
1951	15,1	23,3	1,2	1,8

Под «одной семьей» в промышленности понималось 3-4 человека (точнее для 1950 г. – 331 человек на 100 семей). Если в ценах 1950 г. они платили в среднем 14 рублей 70 копеек за всю квартиру, то занимали они втроем-вчетвером в среднем по стране 3-4 м² жилой площади на душу населения. Но задачей этих данных было показать мизерность жилищных платежей (хотя в абсолютных величинах оплата коммунальных услуг выросла по сравнению с довоенным периодом вдвое).

Чтобы проверить, правильно ли рассчитан процент квартплаты к доходам, обратимся к другому совершенно секретному документу, дающему представление об уровне заработной платы в СССР в послевоенный период.

	(в рублях) ⁷¹								
	1940	1945	1950	1951	1952	1953	1954	1955	
В целом по народному хозяйству	339	442	646	661	674	684	699	711	
Промышленность (промышленно-производственный персонал)	358	495	726	740	754	762	792	807	
в том числе рабочие	340	473	709	725	738	743	772	785	
Строительство (персонал, занятый на строительно-монтажных работах)	337	411	599	638	655	676	711	742	
в том числе рабочие	307	360	562	600	612	629	667	700	
Сельское хозяйство	229	223	386	398	420	428	440	458	
Совхозы и подсобные сельскохозяйственные предприятия	219	213	382	391	404	414	446	466	
МТС	264	279	402	422	471	460	435	449	
Транспорт и связь	338	467	682	699	710	720	735	744	

▲ Советская семья 1950-е гг.

Железнодорожный транспорт	340	525	725	739	742	746	758	768
Водный транспорт	409	493	786	816	828	840	897	906
Автомобильный, городской электрический и прочий транспорт и погрузочно-разгрузочные работы	345	408	666	689	709	726	743	750
Связь	279	354	527	532	533	538	543	556
Торговля, заготовки и материально-техническое снабжение	261	288	486	490	505	518	556	553
Общественное питание	221	231	413	417	428	424	462	449
Просвещение (школы, учебные заведения, научно-исследовательские и культурно-просветительные учреждения)	337	488	697	715	722	733	739	742
Здравоохранение	255	394	485	492	499	504	509	521
Кредитные и страховые учреждения	333	512	664	675	682	691	693	700
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления и общественных организаций	387	504	683	694	710	735	768	796

Интересно «примечание» к документу: «При исчислении средней заработной платы, в соответствии с практикой планирования, не включены данные о членах артелей промысловой кооперации, рабочих и служащих Министерства обороны СССР и части учреждений Министерства внутренних дел СССР, работников партийных и комсомольских органов»⁷².

- ▼ День смерти И.В. Сталина. 5 марта 1953 г.
- ▲ Советская школа, фото 1951 г.

5 марта 1953 г.
День смерти И.В. Сталина

АВА ТРЕТЬЯ 1

«Смерть Сталина положила начало постепенному отказу от аскетизма личной жизни руководства страны. Строго секретными постановлениями Совета Министров СССР от 26 мая и 13 июня 1953 г. были значительно повышены размеры “конвертов”, однако далеко не для всех должностей. Только руководителям союзных министерств и областных, городских, районных исполкомов. Теперь их ежемесячные доходы складывались следующим образом. У министра – 5000 рублей зарплаты и 9000 рублей “конверт”, у замминистра – 4000 и 5000, у членов коллегии – 3000 и 3000, у начальника главка – 3000 и 2500; у председателя облисполкома – 4000 и 5000, у зампреда – 1600 и 5000, у заведующего отделом или группой – 1400 и 2500; у председателя горисполкома административного центра области – 1900 и 2500; у председателя райисполкома – 1800 и 2100 рублей»⁷³. Приведенные выше сведения, опубликованные М. Валентиновым, не содержат данных о зарплатах партийного и комсомольского руководства. Однако вполне четко можно увидеть, какова была теневая часть доходов верхушки. Соотношение самых высоких доходов (разрешенных этими постановлениями) и средних зарплат (особенно в промышленном секторе) показывает, что разница не зашкаливала, однако – при уровне тогдашних цен – давала возможность жить хорошо.

На селе

▲ «Молотьба в колхозе» А. Пластов, 1949 г.

Если восстановление разрушенного индустриального, жилищного хозяйства шло, как говорится, «ударными темпами», то сельское население продолжало рассматриваться как «укрыватели продуктов питания», спекулянты, лентяи и т. п. На этом и основывалась политика деревни того времени.

Прежде всего, надежды селян на отмену колхозов оказались мифом. Мечта деревенского жителя опиралась на здравый смысл: уж теперь-то правительство должно было догадаться, что надо дать каждому в деревне работать на себя, и тогда деревня завалила бы продуктами страну.

Вместо этого сельский труд становился следствием директив: точно устанавливались сроки сева, прополки, жатвы, снопования, свожа урожая, его сдачи на государственные пункты хранения. Труд в колхозе приносил крестьянину не более 20% от всех доходов (зарплата за трудодни). Государственные органы зорко следили, чтобы колхозы не занижали урожайность, кроме того, держали крайне низкие закупочные цены. В результате все, что крестьянин выращивал на колхозных полях и фермах (либо должен был сдать государству из плодов своего личного подсобного хозяйства), оказывалось неоплаченным даже по себестоимости. Фактически это был рабский принудительный труд. Голод 1946–1947 гг. преподносился официально как «временные трудности», однако во многом был не только результатом очередной засухи, но и жестокой политики по отношению к крестьянину. Некоторые руководители колхозов, скрывая от руководства, организовывали срезание колосков, старались укрыть для односельчан какую-то часть хлеба, предназначенного для вывоза в счет государственного заказа. За это жестоко наказывали.

Механизация сельского хозяйства, планируемая при опережающем развитии промышленности, была лишь мечтой для большинства колхозов. Вся-

► Плакат «Воспитаем поколение, беззаветно преданное делу коммунизма!» В. Иванов, 1947 г.

► «День полочки»
А. Пластов, 1951 г.

кий сельский труд был ручным. В результате ни о каком повышении производительности труда на селе не могло быть и речи. С 1940 по 1950 гг. темпы роста промышленности были ударными, а производство сельскохозяйственной продукции падало или стояло на одном месте.

Производство важнейших видов продукции⁷⁴:

	1940 г.	1950 г.
Электроэнергия, млрд. кВт/ч.	48,6	91,2
Нефть (включая газовый конденсат), млн т	31,1	37,9
Сталь, млн т	18,3	27,3
Валовая продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г., млрд. руб.)	49,3	48,9
Зерно, млн т	95,6	81,2
Мясо, млн т	4,7	4,9

Отношение к личному подсобному хозяйству со стороны правительства было также грабительским. «Правительство неоднократно пересматривало нормы доходности крестьянских хозяйств – в 1946, 1948 и 1952 гг. Если в 1940 г. крестьяне и единоличники выплатили государству 2,4 млрд руб. сельхозналога, то в 1952 г. – уже 8,7 млрд. руб. Колхозник, имевший в хозяйстве корову, свинью, двух овец, 0,15 га земли под картофелем и 0,05 га грядок овощей, платил в 1940 г. 100 руб. сельхозналога, в 1952 г. – уже 1116 руб. Не имея возможности рассчитаться с государством по налогам, крестьяне вырубали фруктовые деревья и забивали домашний скот. Для уплаты сельхозналога колхозник вынужден был продавать на рынке почти всю произ-

УДОСТОВЕРЕНИЕ

веденную на личном подворье сельхозпродукцию»⁷⁵.

Понятно, что при таком отношении ни о каком завале продуктами и речи быть не могло. Деревня вновь оказалась в ситуации выживания. Сельский труженик чувствовал себя закабаленным и обойденным вниманием. Схемы выживания строились на воровстве колхозной продукции (например, на Украине – сахарной свеклы, из которой повсеместно гнали самогон), кормов для личного скота, сбыта своей продукции по завышенным ценам (под угрозой нести ответственность за спекуляцию). Повсюду на селе распространялось пьянство (цены на водку были очень высокими, но никто в деревне и не тратился на покупное спиртное, самогон продавался дешево, был крепче водки, нередко и качественнее промышленного спиртного). Облавы на самогонщиков не устраивались, местное руководство обычно не только хорошо знало основных производителей, но и пользовалось их услугами.

Цена сельского труда повсеместно занижалась. Считалось, что крестьянин прокормится и так. Повсюду в колхозах жизнь была скорее убогой, нежели сносной. Но, конечно, были и исключения – некоторым колхозам удавалось добиться результатов и в производстве молока, и в мясозаготовках.

Тем не менее большой проблемой было управление сельским хозяйством. Из-за общего курса на механизацию и индустриализацию («модернизацию», согласно официальной риторике того времени) сельское хозяйство постоянно «разделяли» на сегменты, когда одна часть находилась в управлении одного ведомства, другая – иного, третья – третьего и т. п. При таком подходе число управленцев (получавших гораздо большие деньги за свой труд, чем работники «черного» труда) неуклонно росло.

ХОРОШО ТРУДИТЬСЯ.

▲ Плакат «Хорошо трудиться — хлеб уродится!» М. Соловьев, 1947 г.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1946 г.: «Разделить Министерство земледелия СССР на два союзно-республиканских Министерства: Министерство земледелия СССР; Министерство животноводства СССР. Признать необходимым образование Министерств животноводства в союзных и автономных республиках»⁷⁶.

Постепенно деревенская «итальянка» (так назывались способы работы спуска рукава, лишь бы отвязались, или, как писал это слово Сталин, «саботаж») стала очевидной для всех.

Саботаж (фр. sabotage от saboter – стучать башмаком) – умышленное неисполнение или небрежное исполнение определённых обязанностей, скрытое противодействие осуществлению чего-либо.

Тогда гнет был увеличен. С довольствия были сняты дети и иждивенцы (считалось, что родители сами прокормят детей теми излишками, что у них есть, либо станут работать лучше, чтобы обеспечить семье довольствие). Однако в 1946 г. такая мера имела серьезные последствия – подростки вынуждены были устраиваться на производство, поступать в ремесленные училища, лишь бы получать продовольствие. Улучшения в сельском хозяйстве так и не произошло. Вместо роста на 27% по планам четвертой пятилетки вся отрасль показала упадок. В то же время, стремясь хоть как-то противостоять правительственным мерам, крестьяне повсеместно расширяли собственные владения, осваивая заброшенные и малопригодные для выращивания урожая земли (через некоторое время это будет названо «незаконным захватом земель», и начнется борьба и с этими тружениками). Чтобы остановить «итальянку» и заставить крестьян работать в колхозе, на государство, а не на личном подворье, правительство прибегло ко второй волне высылки.

2 июля 1948 г. Президиум Верховного Совета принял Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Согласно пунктам этого Указа крестьянский сход получал право решать, кого из односельчан выслать в Сибирь, причем речь шла не о собрании колхозников, а именно о сходе всех жителей, и выселять можно было не только членов колхоза – бездельников, но и единоличников. Именно эта мера привела к тому, что крестьяне активнее стали работать на «общество», а кроме того, дружнее платить все поборы. За три месяца действия этого Указа выслано было 23 тысячи крестьян.

Предоставить общим собраниям колхозников или общим собраниям сел и деревень на территории РСФСР, УССР (за исключением западных областей), ЕССР (за исключением западных областей), Карело-Финской ССР, Грузинской, Армян-

ской, Азербайджанской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской и Киргизской ССР право выносить общественные приговоры о выселении из села (деревни) лиц, которые упорно не желают честно трудиться, ведут антиобщественный образ жизни, подрывают трудовую дисциплину в сельском хозяйстве и своим пребыванием в селе угрожают благосостоянию колхозов, колхозников и их безопасности.

Извлечение из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г.

Настроения основной массы, конечно, были скрыты. Но отдельные отчаянные высказывания прорывались в отчетах и доносах: «А что дает государство колхознику? Керосину нет, спичек нет, мыла нет, а о промтоварах и говорить нечего. Вот и вся забота государства о колхозниках. Верно, государство не забывает колхозников, все время к ним обращается и все требует: давай государству, а сам оставайся голодным. Если колхозников подвергнуть медицинскому освидетельствованию, то все они будут признаны непригодными к физическому труду...»⁷⁷

«Хороши речи, когда человек сытый. Ходят проверяют вшивость. Обеспечили бы хлебом, тогда и вшей не было бы. У немцев кушали вдоволь – и вшей не было... Выбирать не пойду, так как я голодаю»⁷⁸.

Последняя реплика показывает, что на оккупированных территориях (где в основном сосредоточены были центры сельскохозяйственного производства) люди крамольно сравнивали советский режим с фашистским в пользу последнего. Вообще в то время всякое сравнение советского образа жизни с заграницей оказывалось не в пользу СССР.

Золотой паритет рубля

СССР оказался первой державой, которая приняла решение о сбросе «долларового ига». С 1937 г. рубль соотносился с долларом США. Но в 1950 г. Сталин начал масштабное построение альтернативного рынка (идея такого «внедолларового» обмена была с интересом воспринята многими странами, чувствовавшими свою зависимость от «зеленых»). В связи с этими идеями и был принят указ, согласно которого рубль приравнялся к 0,222168 г золота (цена грамма – 4 рубля 45 копеек, цена доллара – 4 рубля вместо 5,30 до этого). Идея была подхвачена и другими лидерами стран, где сильны были антиамериканские настроения. Так, Шарль де Голль вывез из Франции в Америку целый теплоход и большой грузовой самолет «зеленых»

и потребовал их обмена на золото согласно заявленного курса. Требования его пришлось удовлетворить, но – когда Германия решила сделать то же самое – президент США вынужден был объявить необеспеченность доллара золотом.

Если вернуться к советской ситуации, то переход рубля к четкому золотому обеспечению оказался лишь мечтой. Сделать свои расходы стабильнее (кстати, во многом растущие за счет оказания «братской помощи» странам только появившегося социалистического блока) Советский Союз не мог. Очень скоро золотой паритет остался в прошлом, а СССР возобновил эмиссии. Но и на момент сообщения об отказе от ориентации на американский доллар золотое содержание рубля было сильно завышено. Годовой бюджет СССР в 1951 г. составил 470,3 млрд рублей. Если каждый рубль с 1 марта 1950 г. содержал 0,222168 г золота, то простой подсчет показывает, что всего для обеспечения рублевой массы надо было обладать 104 485,104 т золота. А было в СССР тогда (по разным оценкам) от 2050 до 2800 тонн (в 50 раз меньше). Так что обеспеченность золотом, провозглашенная постановлением от 28.02.1950 г., была скорее политической декларацией отмежевания от Америки (и ярким знаком «холодной войны»).

Но, если отвлечься от политического содержания этого шага, то золотой паритет рубля 1950 г. ознаменовывал собой утверждение так называемой трехконтурной финансовой модели в СССР:

«инвалютный рубль» – для внешней торговли;

безналичный рубль – для ведения крупномасштабной плановой экономики;

рубль наличный – для розничной торговли и частного сектора.

Все эти три «рубля» были очень разными.

Накануне новой реформы

«Трехконтурная» модель денежного обращения в СССР требовала постоянного балансирования среди финансовых «скал» – неизбежной инфляции, падения покупательной способности населения, товарного дефицита, «ножниц» с иностранными валютами и т. п. После смерти И.В. Сталина произошло выдвижение на первый пост Н.С. Хрущева, действия которого были достаточно эксцентричны, в том числе и в денежном вопросе. Прежде всего, он стал снижать налоги с населения (в перспективе планируя их полную отмену), одновременно повышалась и заработная плата. В 1958 г. денежные доходы населения превышали доходы 1940 г. почти в три раза, а по сравнению с 1953 г. рост составил около 20%.

Вообще статистический справочник 1961 г., фиксирующий изменения за последние годы, дает оптимистичную картину. Но это, как убеждаемся, именно «фасад». Неизбежность реформы диктовалась сразу несколькими факторами. Во-первых, доходы граждан (зарплаты – прежде всего) стали

в среднем превышать тысячу рублей. Это был не столько знак роста благосостояния, сколько грозное предвестие девальвации рубля. Затруднялась и макроэкономика – все то, что раньше исчислялось рублями до копейки, теперь требовало приставки «миллионов» или «миллиардов». Но самое главное, заявленный так смело «золотой паритет рубля» ничем не был обеспечен.

Между тем с приходом Хрущева СССР стал уверенно двигаться в сторону «материального рая» – официального признания таких простых благ, как отдельная квартира с ванной и туалетом, колбаса, сливочное масло, пирожные хоть каждый день, отдых на курортах – каждый год, а заодно и наряды, обувь, мода, театры, кино. Битва «догоним и перегоним» вроде бы никуда и не ушла. Но как-то поблекла, заслонилась новыми и более земными радостями. Жить стало не так тревожно, как раньше, но и не так «праведно», как, возможно, чувствовали себя миллионы советских людей при Сталине (ведь возмущались единицы, остальные молчали – возможно, из чувства самосохранения, а возможно, и потому, что искренне считали Сталина настоящим хозяином, перекладывая ответственность за все «плохое» в стране на его корыстных помощников).

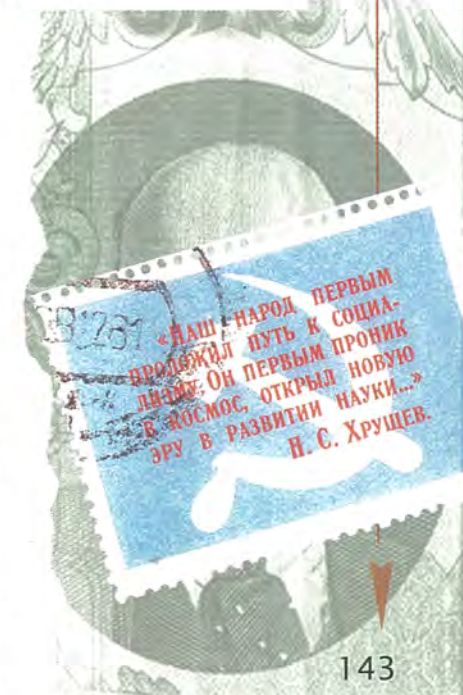

▲ Плакат «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!» Б. Белопольский, 1962 г.

В 1954 г. Илья Эренбург написал повесть «Оттепель», давшей название целой эпохе в советской истории.

Как бы то ни было, наступала эпоха потребительского бума в СССР. Конечно, и раньше тоже хорошо устроенный быт не был последней «статьей» в мечтах советского человека, но теперь этим мечтам придавался государственный статус.

Классовое расслоение в СССР ощущалось при Хрущеве как никогда. Во время всяких публичных лекций, агитационных выступлений, посвященных линии партии после исторического XX съезда, нередко были вопросы вроде такого: «В связи с укоренившимся положением о культе личности в истории не извращен ли социалистический принцип в оплате труда советских граждан, когда труд одного человека, скажем простого рабочего, оплачивается в 600–700 рублей в месяц, ценится ниже, в 20–30 раз дешевле труда

▼ Н.С. Хрущев на сессии ООН, 1960 г.

высокопоставленных ответственных работников, ученых и других, получающих 15–20 тыс. руб. в месяц. В связи с этим, не скажете ли Вы, чем была вызвана отмена ленинского принципа оплаты труда, существовавшего в первые годы Советской власти»⁷⁹.

Такие зарплаты в принципе были мало возможны, точно невозможны официально, однако, по-видимому, система льгот, привилегий, доплат и «конвертов» делала свое дело: в представлениях простого народа класс советской элиты был сформирован и вполне утвержден – например, разницей в оплате труда в тридцать раз.

На XX съезде Хрущев в своем докладе сразу заговорил именно о зарплатах. Впервые именно съезд решал такие вопросы, как «первостепенные», одобрял меры «по наведению надлежащего порядка в оплате труда, по усилению личной материальной заинтересованности работников в результатах своего труда». Сразу после съезда ввели сокращенное рабочее время в предвыходные дни, приняли решение о выплате части зарплаты колхозникам еще до сбора урожая (аванс), приняли новые принципы начисления заработной платы, что немедленно привело к ее повышению.

Мы подтянем ту же пузо
И посадим кукурузу,
И надоим молока
От козла и от быка.

Частушка хрущевских времен

Самое главное – впервые за все время существования Советской власти официально признавалось право человека на «личное» – пространство, мнение, счастье. Это была настоящая революция, проявившаяся в решительном повороте промышленности от группы А («тяжелая») к группе «Б» («легкая»). Легкая промыш-

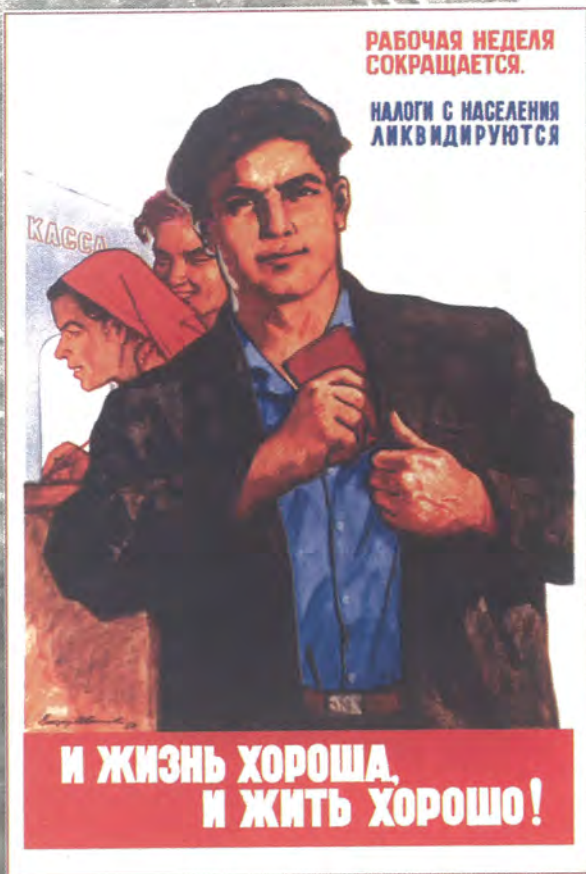
ленность обеспечивала людей необходимыми предметами быта. Быт становился не чем-то мещанским, а вполне признанным условием нормальной жизни. Именно поэтому вторым «крылом» хрущевской революции стало массовое строительство отдельных благоустроенных квартир (панельный застрой хрущевками). Такие дома возводились в рекордно короткие сроки, по всей стране построили тысячи домостроительных комбинатов (заводов по производству панелей и других элементов домового строительства). Хотя хрущевка и была минималистски проста и неудобна по сравнению с коммуналками сталинского периода, получение такой квартиры расценивалось как настоящее счастье.

Первые хрущевки начали строить недалеко от Москвы в Черемушках в 1958 г. В сжатые сроки из готовых блоков, произведенных и подготовленных к установке на домостроительном комбинате, возводились пятиэтажные дома. В среднем на возведение одного подобного дома на месте уходило около 12 суток. Находились и «стахановцы»: одна ленинградская бригада поставила рекорд в 5 суток.

А раз есть свое «гнездо», то необходимо его и обустроить по всем принципам уюта – нужна мебель, ковры, торшеры, вазы и люстры. Все это мигом превратилось из ненужного хлама в эпоху всеобщей мобилизации и форсированной экономики в настоящий фетиш.

Если говорить о других шагах навстречу материальному буму, то следует сказать и о пенсиях, которые неуклонно стали возрастать, об увеличении минимального размера оплаты труда, о переходе на 7-часовой рабочий день, об отмене закона 1940 г. о прикрепленности рабочих к своим заводам (уголовная ответственность за увольнение по собственному желанию

▲ «И жизнь хороша, и жить хорошо!»
В. Иванов, 1961 г.
► Поздравительная открытка 1956 г.

без согласия руководства). Вместо этого закона теперь объявлялся вечный «юрьев день» – можно было в любой момент подать заявление и через две недели отработки покинуть свой завод в поисках чего-нибудь лучшего. По некоторым данным, сразу возникла небывалая текучка кадров, а рабочее место сменили до трети всех рабочих Советского Союза.

Появились выплаты и льготы, уменьшились налоги: в 1957 г. был увеличен необлагаемый минимум заработной платы рабочих и служащих с 26 руб. до 37 руб. в месяц. С 1958 г. отменен налог на холостяков, одиноких и мало-семейных граждан. 1 октября 1960 г. необлагаемый минимум зарплаты был повышен до 50 рублей, а 1 октября 1961 г. – до 60 рублей⁹⁰. Кроме того, были отменены государственные займы, которые во все времена существования советской экономики были формой дополнительного налога.

Каковы же были последствия всех этих действий? Во-первых, повышение зарплат привело к выравниванию доходов квалифицированных и неквалифицированных работников. Никаких стимулов повышать свою квалификацию, получать специальное образование теперь не было. Во-вторых, льготы, выплаты трудящимся в сочетании с уменьшением налогов привели к несбалансированному уменьшению доходных статей бюджета. Чтобы выровнять ситуацию, пришлось неизбежно увеличивать денежную массу. Произошел некоторый перекося в сторону третьего контура – наличного обращения. Наконец, уменьшилась доходная часть и за счет уменьшения продолжитель-

ности рабочего дня, увеличения свободного времени граждан. Получалось, что меры были очень позитивными, а их макроэкономические результаты никем не предсказанными.

Жить в стране действительно стало намного лучше, ценность отдельной человеческой жизни (без привязки ее значимости в деле «построения коммунизма») стала признаваться государством в целом. Но «державные» показатели оказались под угрозой. И денежная реформа в таких условиях была вполне закономерным шагом.

▲ Поздравительная открытка,
М. Абегиан 1959 г.
◀ Поздравительная открытка 1956 г.
▼ «На привале».
Почтовая марка СССР 1959 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1961–1985

Денежная реформа 1961 г.

А.Г. Зверев, проводивший реформу 1947 г., не нашел взаимопонимания с новым руководством страны. К его мнению о принципах реформы не прислушались. В 1960 г. он ушел в отставку. Хрущевский аппарат очень бережно отнесся к «психологической» стороне реформы, памятуя о панических настроениях прошлых эпох. Слово «реформа» было изгнано из всех документов, связанных с «мероприятиями по укреплению рубля», всем средствам массовой информации было сделано серьезное предупреждение о неприменимости консультации с финансовыми органами при публикации соответствующих разъяснительных статей. Внимательно следили за тем, чтобы ни в одной публикации не просочилось хоть что-нибудь, говорящее о переизбытке банкнот в обращении, о том, что могло бы объясняться как инфляция. Все разъяснения сводились к одному – убедить население, что от проведения «мероприятий» оно только выиграет, успокоить всех. Одновременно шел пересчет зарплат и цен. Это была первая реформа, о которой население извещено было заблаговременно, когда агитаторы и лекторы объясняли политический смысл и экономические преимущества готовящейся реформы. Вопросы, которые задавало население на таких агитмероприятиях, сводились к выяснению возможных потерь в зарплате при таком переходе: «Не будут ли повышены цены на товары, особенно пользующиеся повышенным спросом (телевизоры, холодильники, стиральные машины, автомашины и другие товары)?», «Как будет обстоять дело с ценами на колхозных рынках?», «Какие меры будут приняты, чтобы эти цены соответственно уменьшились 10:1?», «Не будет ли разменной монетой 0,5 копейки?».

Важно было остановить отток средств со счетов в сберкассах, показать людям, что обмен денег будет проводиться в спокойном режиме, без всякой спешки. Все эти обязательства государство выполнило. Своевременно – в соответствии со специальным Постановлением – были напечатаны деньги нового образца, еще в конце 1960 г. они были равномерно завезены в 27 тыс. пунктов обмена по всей стране. Реформа началась 1 января 1961 г. и продолжалась три месяца. Все банкноты образца 1947 г. обменивались свободно на новые купюры в соотношении 10:1.

С художественной точки зрения в самом оформлении денег преваляло принцип «простоты» и «экономии»: даже по размеру банкноты были настолько меньше сталинских денег, что появилась шутка про «сталинские портянки» и «хрущевские фантики».

Размеры относились так:

1 рубль 1947 г. – 124x87 мм
 3 – 133x86
 5 – 143x88
 10 – 158x92
 25 – 169x95
 50 – 218x103
 100 – 230x115

1 рубль 1961 г. – 105x53
 3 – 113x57
 5 – 113x57
 10 – 124x62
 25 – 124x61 и 121x62
 50 – 140x71
 100 – 140x71

«Маленькие» купюры, согласно легенде, печатались по требованию Хрущева, который на эскиз, принесенный ему для утверждения, положил свой кошелек и обвел его карандашом.

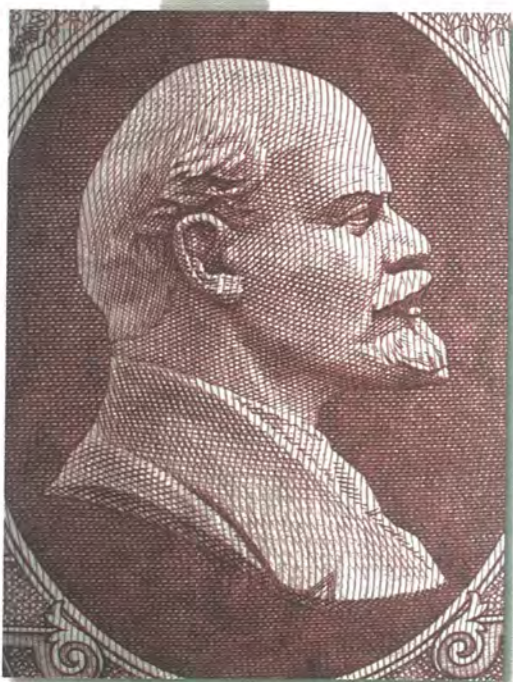
На всех билетах Госбанка барельефные портреты В.И. Ленина в овале работы Н. Соколова. Гравировали для десятирублевой купюры – Л. Майорова, для остальных – в 25, 50 и 100 руб. – Н. Михеев. Водяные знаки на казначейских билетах и билетах банка достоинством 10 и 25 рублей – это пятиконечные звезды, создающие «обои» на купоне (чистом поле с краю купюры). И сегодня у коллекционеров ценятся бракованные купюры с «перевернутыми» звездами (когда – по ошибке работников – лист для нанесения рисунка располагался неправильно). Водяным знаком билетов Госбанка достоинством 50 и 100 рублей является барельефный портрет Ленина работы Н. Соколова. Помимо барельефа, на купюрах достоинством от 3 рублей изо-

▲ Банкноты 1, 3 и 5 рублей образца 1961 г.

▼ Портрет В.И. Ленина на двадцатипятирублевой банкноте образца 1961 г.

бражались фрагменты кремлевской панорамы (Кремлевский дворец съездов, башни Кремля). Все цвета купюр выполнены были в соответствии с российской (еще дореволюционной) традицией – желтый рубль, зеленая трешка, синяя пятерка, красный червонец, фиолетовая двадцатипятирублевка, зеленый полтинник, бежево-белая сторублевка.

Оборотная сторона всех купюр была исполнена бесшумным главным художником Гознака И. Дубасовым. Автор эскиза лицевой стороны купюр в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 руб. – С. Поманский, лицевой стороны 100-рублевого билета – Ю. Лукьянов. Все художники и граверы работали в атмосфере строгой секретности, они очень гордились, что попали в команду выполнения такого ответственного задания. Работа поистине была титанической – по воспоминаниям Л. Майоровой, художник кисточкой делал работу «цветовой фотографии», штрихи клали «сборочкой» (точками). Запрещалось сообщать даже родным, что художник принимал участие в разработке рисунка купюр. Поэтому было удивительно для всех участников этой работы услышать, как Н.С. Хрущев громко объявил о подготовке «новых денег» в СССР. Понятно, что новому генеральному секретарю надо было подчеркнуть «несекретность» и «обыденность» события – просто укреплялся рубль, а не реформировалось денежное обращение.

Деньги, созданные в 1960 г., напечатанные тогда же и розданные всем советским гражданам в 1961 г., прожили долгую (тридцатилетнюю) жизнь. Менялась их покупательская способность, но выросло несколько поколений, для которых «советский рубль» был трешкой, пятеркой, четвертной – и за этими словами всегда стоял конкретный, хорошо узнаваемый образ, вот именно такого цвета, вот именно такой на ощупь, вот именно с такими потертями и помятостями.

Реформа пошла своим чередом. В адрес ЦК КПСС было отправлено извещение Госбанка СССР: «Правление Госбанка докладывает о ходе обмена старых денег на новые деньги за первую декаду января 1961 г. За период с 1 по 10 января включительно изъято из обращения старых денег 28,8 млрд

рублей, или 2,88 млрд рублей в новом исчислении из 5,88 млрд рублей, находившихся в обращении на 1 января 1961 г. Таким образом, за первую декаду января 1961 г. заменено новыми деньгами около половины всей суммы старых денег»⁸¹.

Если пересчитать в «старом исчислении», то почти 60 миллиардов наличных денег должны были (по постановлению 1950 г.) обеспечиваться 13 тысячами тонн золота (при наличии – в лучшем случае – двух с половиной тысяч).

Рубль фактически при реформе был денонмирован и девальвирован. Его золотое содержание повысилось всего в 4,44 раза (вместо 10, как можно было ожидать). Таким образом, золотое содержание рубля составило 0,987412 г. Отношение рубля к доллару было изменено также только в 4,44 раза, а не в 10 раз. Благодаря этим действиям тем не менее золотое обеспечение рубля стало ближе к возможностям золотого запаса (эквивалентно 5762 тоннам против 13 тысяч тонн дореформенной денежной массы). Но, конечно, в любом случае таких запасов золота в СССР тоже не было, поэтому сразу создалась почва для «теневой» оценки рубля.

Во время реформы особого ажиотажа не возникло. Однако сохранение разменной монеты старого образца в новом денежном обращении создавало условия для соблазна обменивать «металл» на новые рубли. Ведь 1 января 1961 г. газета «Правда» указывала: «В ЦК КПСС и Совете Министров СССР. ЦК КПСС и Совет Министров СССР признали целесообразным не проводить обмена монеты старого образца достоинством в 1, 2 и 3 копейки на новые деньги и сохранить в обращении эту монету по ее нарицательной стоимости. В связи с этим монеты чеканки до 1961 г. достоинством в 1, 2 и 3 копейки обязательны к приему во все платежи по номиналу наравне с новой монетой указанных досто-

▲ Банкноты 10, 25 и 50 рублей образца 1961 г.

инств»⁸². Однако уже через несколько месяцев специальным постановлением было запрещено обменивать новые рубли на «коллекции» монет. Они сохранялись только как разменная монета и быстро из оборота «ушли». Так что обогатиться за их счет оказалось невозможно.

Денежная реформа 1961 г. произвела большое впечатление на мировую общественность, и в СССР стали постоянно принимать иностранные делегации, целью которых было перенимание опыта. Кстати, для большинства стран социалистического содружества новые деньги разрабатывали и выполняли все те же коллективы художников Гознака.

Как бы то ни было, денег выпустили больше, чем имелось товарных фондов. Дефицит товаров составлял около 1,2 миллиарда рублей (на примерно 6 миллиардов новых рублей в обороте), то есть 20%. Конечно, это были последствия сельскохозяйственного затяжного кризиса (поэтому в первую очередь страна недостаточно была обеспечена продуктами). Но и промышленность не могла в одночасье завалить рынок необходимыми товарами. Цены на рынках мигом выросли, магазины тоже работали в сторону округления. К этому добавилась и бум фальшивых денег. Сразу же были выявлены случаи и кустарного, и довольно профессионального подходов к изготовлению фальшивок. Подделывались и купюры, и монеты. Использовался фото-механический способ, создавались граверные клише, применялось химическое размягчение краски оригинала для создания одноразового оттиска. Иногда банкнота талантливо исполнялась красками и карандашами. Монеты «чеканили» в самодельных гипсовых, алебастровых, металлических формах (и не только рубли и полтинники, но и пятаки).

Новочеркасский расстрел

Внешне все выглядело более чем благополучно: мало того что росло благосостояние, еще и начался расцвет свободы слова и мысли. Однако «плоды» хрущевской двойственности не замедлили появиться. Принимая решения о повышении зарплаты, выплат, льгот, он не стремился соотнести все опасные последствия своих решений. Конечно, необходимо было что-то предпринимать для подъема сельского хозяйства. Уже весной 1962 г. Хрущев объявил о значительном повышении закупочных и розничных цен на молоко и мясо. Одновременно по «негласному приказу» руководители

крупных заводов страны «пересмотрели нормы» (к такому приему постоянно прибегало сталинское правительство, но там всегда было «идеологическое обоснование»: страна на пути к свершениям, надо помучиться нам, чтобы хорошо жилось следующим). Хрущев поторопился отказаться от «риторики перехода» и заявил, что социализм в стране построен окончательно и бесповоротно, осталось приложить усилия к построению коммунизма.

На этом фоне дефицит товаров и перебои с продовольствием выглядели нелогично. Кроме того, «оттепельные» настроения повышали «критическую массу» общественного недовольства. Весной 1962 г. все это совпало и принесло тяжелые плоды.

31 мая 1962 г. было объявлено о повышении цен. В это же время руководство Новочеркасского электровозостроительного завода предупредило рабочих об увеличении норм выработки. В переводе на денежный эквивалент это означало потерю почти 30% зарплаты. Таким образом, падение уровня жизни было не надуманным. Поначалу образовалась небольшая сходка рабочих, возбужденно обсуждавших эти новости. Но масла в огонь подлил директор Б.Н. Курочкин, который на возмущенные выкрики толпы заявил: «Нет денег на мясо – жрите пирожки с ливером».

Это стало той искрой, что зажгла пламя настоящего восстания. Около 2000 человек двинулись к заводоуправлению, требуя немедленного улучшения условий труда, снижения цен, повышения зарплаты. Через некоторое время ввысь был поднят лозунг «Мяса, молока, повышения зарплаты». Хрущеву немедленно доложили о беспорядках, он потребовал подавить забастовку любыми средствами.

Однако ни приезд высокопоставленных партийных чиновников, ни попытки образумить толпу со стороны местного руководства никакого результата не дали – никто не мог слышать эти заученные фразы о нашем светлом пути и временных трудностях. Решено было захватить горисполком, толпа остановила также поезд

▲ Банкнота 100 рублей образца 1961 г.

▲ Новочеркасский электровозостроительный завод, 2011 г.

▲ Плакат «Кукуруза - источник изобилия»
А. Лавров, 1960 г.
▼ Почтовая марка СССР 1962 г.

Саратов–Ростов на железной дороге. К зданию городского правительства путь лежал через реку, толпа шла туда с портретами Ленина и подобием красных флагов, подчеркивая, что нынешнее правительство антиреволюционно. Войска и танки, введенные в город, только всех озлобляли, люди были уверены, что стрелять в них не посмеют. Срывали портреты Хрущева, жгли их – в нем видели виновника всех бед, человека, не годящегося и в подметки Сталину. На тепловозе остановленного поезда мигмом написали: «Хрущева на мясо!». Один из допрашиваемых по делу потом сообщил властям, что рассказал анекдот, выдавая его за правду: дескать, на том месте, где висел сорванный участниками восстания портрет Хрущева на заводууправлении, теперь висела дохлая кошка с подписью: «При Ленине жила, при Сталине сохла, при Никите сдохла!». Рабочие у здания горкома КПСС ждали выхода к ним кого-нибудь из крупных руководителей. Но ни Микоян, ни другие, кто прибыл в Новочеркасск, не рискнули выйти к народу.

Войскам приказали стрелять, было убито и ранено несколько десятков человек. Хрущев испугался придать этому делу огласку (сделать образцово-показательный суд над «несознательными» и «бандитами»), жителей города запугали в буквальном смысле слова, чтобы никто в стране не узнал подробности кровавой расправы.

Но, конечно, знали все. Стихийные митинги «как в Новочеркасске» (с меньшим, впрочем, размахом) были и до того, и после. Страна в буквальном смысле слова голодала – в некоторых городах очередь за картошкой занимали с часу ночи, жарили и варили даже картофельную шелуху.

Основой возмущения, конечно, было именно экономическое состояние народа. С точки зрения простого люда, Сталин был хорош уже тем, что каждый год снижал цены. То, что вслед за этим шел пересмотр норм выработки, никто не замечал. Выглядело все именно как забота правительства о своем народе.

В постановлении Хрущева о повышении закупочных цен никто не увидел заботы о крестьянине. Увидели одно – наступление на народное благосостояние. Масла в огонь подливало и поведение чиновников, которые в глазах народа просто жировали на народном поте и крови. «Нет хозяина – нет и порядка».

В ночь с 30 на 31 декабря 1962 г. в Чите были обнаружены листовки такого содержания: «Внутренняя политика Хрущева – гнилье!», «Долой диктатуру Хрущева!», «Болтун Хрущев, где твое изобилие?»⁸³

В 1961 г. был своевременно выявлен работниками КГБ террорист, готовивший покушение на Хрущева (молодой человек в букет цветов спрятал увесистый булжничик и намеревался метнуть в голову Хрущева во время торжественной встрече при въезде в город). Он искренне признался: «Я хотел убить Хрущева за неправильную его политику. Взяв Германию, разве можно с ней дружить. Германия убила моего отца, а теперь какой она мне друг? Я не согласен, что мы дружим с Польшей, Чехословакией. Мы послали туда оборудование, хлеб, а оттуда что к нам идет? Из Китая идет товар по одним ценам, а покупаем мы втрое дороже. Чтобы купить костюм, надо работать целый месяц». Эта смесь политики и экономики все равно основана на недовольстве тем уровнем жизни, какой складывался в стране для простого народа⁸⁴.

▲ Плакат «Соберем с целины богатый урожай!» В. Корецкий, К. Иванов, О. Савостюк, Б. Успенский, 1954 г.

Не лучше отнесся народ и к попыткам Хрущева преобразовать сельское хозяйство. Хотя освоение целины и другие меры дали скачок урожая, было очевидно, что и эта, и другие идеи все не до конца продуманы, а рисков больше, чем пользы. Работа в колхозе продолжала быть настоящим рабством. Сутки работы – сутки отдыха, кукуруза вместо денег на трудодни, отработка на колхозных полях сменялась каторгой на приусадебном участке. Хрущев и эти личные хозяйства планировал задавить – и вели скот на убой, полностью падала заинтересованность в выращивании скота. Кукуруза стала ярким символом правления Хрущева, он сам и его смелые идеи затерялись среди ее початков.

Так начинался самый стабильный период Советской власти. Хрущев со своего поста был снят, на его место пришел Л.И. Брежнев, ставший символом эпохи застоя. Между тем – как бы то ни было – страна быстро двигалась по пути материального прогресса.

► Молочные продукты «Книга о вкусной и здоровой пище»

Еда

Несмотря на попытки сбалансировать закупочные и розничные цены в 1962 г., в целом в СССР установились единые более-менее стабильные цены на продовольствие на достаточно долгое время. Общий рост цен с 1960-го до 1982 г. составил около 133%, что можно считать небольшим (конечно, это среднее повышение).

Цена литра молока увеличилась с 32 копеек в начале 1960-х гг. до 47 копеек на закате СССР, бутылки сливок (включая так называемую залоговую стоимость бутылки) – с 37 до 55 копеек. А цена коробки спичек оставалась неизменной – 1 копейка, хотя и там были свои хитрости – количество спичек в коробке становилось все меньше.

Государственные розничные цены на продовольственные продукты в советских магазинах 1960–1980-х гг.

Наименование	Ед.	Цена	Примечание
Колбаса Чайная	1 кг	1,70	вареная колбаса с жиром
Колбаса Отдельная	»»	2,20	»»
Колбаса Столовая	»»	2,20	вареная колбаса без жира
Колбаса Докторская	»»	2,30	вареная колбаса без жира
Колбаса Любительская	»»	2,90	вареная колбаса с жиром
Колбаса Останкинская	»»	2,90	вареная колбаса без жира
Колбаса Языковая	»»	3,40	вареная колбаса с жиром в жировой оболочке
Грудинка с/к	»»	2,60	
Корейка с/к	»»	2,60	
Окорок Тамбовский	»»	3,70	
Окорок Воронежский	»»	3,40	
Буженина	»»	4,20	
Сардельки говяжьи	»»	2,10	
Сардельки свиные	»»	2,60	
Сосиски	»»	2,60	
Сыр Костромской	»»	3,00	
Сыр Российский	»»	3,00	
Сыр Пошехонский	»»	2,60	
Сыр Колбасный	»»	2,30	
Сыр Советский	»»	3,90	
Масло сливочное несоленое	»»	3,60	
Масло сливочное шоколадное	»»	3,50	
Масло сливочное Вологодское	»»	3,80	
Масло сливочное Крестьянское	»»	3,50	
Масло топленое	»»	3,80	
Сыр плавленый Городской, Кисломолочный	100 г	0,13	

Сыр плавленый Дружба, Волна	»»	0,26	
Майонез Провансаль	1 б. (0,25 л)	0,51	
Яйцо куриное	1 дес.	0,90	
	»»	1,05	
	»»	1,30	«диетическое»
Молоко разливное	1 л	0,28	
Молоко	бутылка 0,5 л	0,30	вкл. залоговую стоимость бутылки – 0,15
Кефир	»»	0,30	»»
Ацидофилин	»»	0,30	»»
Ряженка 6% ж.	»»	0,39	»»
Молоко топленое 6% ж.	»»	0,39	»»
Молоко	пакет 0,5 л	0,16	
Молоко 3,5% ж.	пакет 1 л	0,36	
Молоко топленое 6% ж.	»»	0,25	
Молоко 6% жирн.	»»	0,25	
Сливки	пакет 0,25 л.	0,37	
Сметана высший сорт	»»	1,70	
Сметана первый сорт	»»	1,50	
Молоко сгущенное с сахаром	1 б. 400 г	0,55	
Молоко сгущенное без сахара	1 б. 400 г	0,28	
Молоко концентрированное	1 б. 400 г	0,40	
Творог	1 кг	0,92	
Творог	1 п. 250 г	0,26	жирный
Творог	»»	0,22	жирный
Творог	»»	0,19	полужирный
Творог	»»	0,12	Нежирный
Мороженое Фруктовое	1 шт.	0,07–0,09	картонный стаканчик 100 г
Мороженое Эскимо	1 шт.	0,11	сливочное в шоколаде на палочке 50 г
Мороженое Молочное	1 шт.	0,09	брикет на вафлях 100 г
Мороженое Крем-брюле	1 шт.	0,11	брикет на вафлях 100 г
Мороженое Шоколадное	1 шт.	0,11	брикет на вафлях 100 г
Мороженое Сливочное	1 шт.	0,13	брикет на вафлях 100 г
Мороженое Крем-брюле	1 шт.	0,15	брикет на вафлях 100 г
Мороженое Шоколадное	1 шт.	0,15	брикет на вафлях 100 г
Мороженое Рожок	1 шт.	0,15	сливочное в сладких вафлях 100 г
Мороженое Пломбир	1 шт.	0,19	в ваф. стак. 100 г с кремовой розочкой
Мороженое Пломбир	1 шт.	0,20	в ваф. или карт. стак. 100 г
Мороженое Ленинградское	1 шт.	0,22	сливочное в шоколаде брикет 100 г
Мороженое Шоколадный батончик	1 шт.	0,28	сливочно-шоколадное в шоколаде с жареными орехами батончик 100 г
Мороженое Лакомка	1 шт.	0,28	сливочное в шоколадной глазури трубочка 100 г
Мороженое Пломбир	1 шт.	0,48	брикет 250 г
Пирожное Эклер, Корзинка, Бисквитное	1 шт.	0,22	стандартного размера
	»»	0,15	меньшего размера
Торт Бисквитно-кремовый	1 кг	2,39	

Торт Абрикотин	1 кг	2,12	
Торт Ленинград	1 кг	2,60	
Торт Слоеный	1 кг	3,00	
Торт Подарочный	1 кг	2,20	
Торт Сказка	1 кг	2,63	
	0,5 кг	1,47	
Торт Птичье молоко	1 кг	6,40	
Зефир в шоколаде	1 кор.	1,15	
Зефир	1 кг	2,00	
Пастила	1 кг	1,60	
Шоколад Золотой Ярлык	1 шт.	1,60	
Шоколад Аленка	1 шт.	0,80	
Батончик шоколадный с начинкой	1 шт.	0,33	
Хлеб ржаной	1 кг	0,16	
Хлеб пшеничный	1 кг	0,28	
Булка	0,2 кг	0,07	
Батон (нарезной)	0,4 кг	0,13	
Батон ...	0,4 кг	0,18	
Батон пшеничный	0,5 кг	0,25	
Хлеб Орловский	1 кг	0,18	
Хлеб «серый»	1 кг	0,20	
Булка Калорийная	1 шт.	0,10	
Плюшка Московская	1 шт.	0,20	
Сдоба Свердловская	1 шт.	0,11	
Сахар-песок	1 кг	0,90–0,94	
Сахар-рафинад	»»	1,04	
Крупа гречневая	»»	0,56	
Мука пшеничная	»»	0,46	
Рис	»»	0,88	
Крупа манная	»»	0,55	
Масло растительное	1 л	1,70	
Чай индийский	1 п. 100 г	0,95	
Кофе в зернах жареный	1кг	45,00	
Мясо говядина	1кг	2,00	(с костями, с/м или охлажденное)
Мясо свинина	»»	2,10	»»
Мясо баранина	»»	2,10	»»
Куры	»»	1,75	цыплята с головой и лапами
	»»	2,60	б/г
Куры импортные	»»	3,00	Польша
	»»	3,60	Венгрия
Утки	»»	1,20	с головой и лапами
	»»	1,80	б/г
Треска б/г с/м крупная	»»	0,56	
Серебристый хек б/г с/м	»»	0,56	
Сом	»»	0,56	
Карп	»»	0,56	
Мойва с/м	»»	0,40	
Сельдь соленая	»»	1,30	
Пельмени Сибирские, Русские	500 г	0,50	
Пельмени Русские	700 г	0,70	

Котлеты готовые	1 шт.	0,06–0,12	
Томатный сок	стакан 200 г	0,11	
Яблочный сок	»»	0,13	
Виноградный сок	»»	0,18	
Газ. вода без сиропа	»»	0,01	
Газ. вода с сиропом	»»	0,03	в автомате
»»	»»	0,04	у продавца
Хлебный квас	1 л	0,36	
Пиво Жигулевское	1 бут. 0,5 л	0,37	вкл. залоговую стоимость бутылки – 0,12
Лимонад	»»	0,27	»»
Сок (нектар) Абрикос, Персик	»»	1,00	
Водка Московская особая	1 бут. 0,5 л	2,87	
	1 бут. 0,25 л	1,49	
Водка Столичная	1 бут. 0,5 л	3,12	
Водка Столичная	»»	3,62	
Водка	»»	4,12; 4,62; 4,70	
Коньяк	»»	4,12	
Шампанское	1 бут. 0,8 л	5,50	
Салют	1 бут. 0,8 л	2,70	
Вино Ркацители	1 бут. 0,7 л	2,30	
Вино Вазисубани	»»	2,30	
Вино Гурджани	»»	2,30	
Вино Киндзмараули	»»	3,40	
Вино Хванчкара	»»	3,40	
Вино Каберне	»»	2,50	
Вино Алиготе	»»	2,50	
Вино Старый замок	»»	2,70	
Вино Переница	»»	3,00	
Вино Велико Тырново	»»	3,00	
Кагор	»»	3,00	
Картофель	1 кг	0,10	
Капуста	»»	0,07	
Свекла	»»	0,09	
Морковь	»»	0,12	
Капуста квашеная	»»	0,16	
Капуста Провансаль	»»	0,40	
Огурцы соленые	»»	0,07	

По легенде, приказ создать «Докторскую» колбасу поступил от самого Сталина. Кроме этого, самое непосредственное отношение к «Докторской» колбасе имеет Народный комиссариат здравоохранения, с которым согласовывалась рецептура. Согласно вердикту наркома, новый продукт предназначался «больным, подорвавшим здоровье в результате Гражданской войны и царского деспотизма». Первый батон «Докторской» колбасы сошел с конвейера в 1936 г.

Производство ацидофилина было впервые налажено в СССР. Для получения продукта пастеризованное коровье молоко сквашивают при температуре не ниже 32 °С в течение 10–12 часов. Как и другие кисломолочные продукты, ацидофилин усваивается организмом человека гораздо лучше, чем обычное молоко, за счёт ферментации лактозы. Поэтому этот продукт используют в лечебном и диетическом питании, в том числе детском.

В начале 1960-х гг. правительством была принята новая продовольственная программа, в которой особое внимание отводилось созданию массового, доступного по цене молочного шоколада. В 1964 г. советскими специалистами-кондитерами на московской фабрике «Красный Октябрь» была разработана подходящая рецептура, которая была внедрена в производство одновременно на нескольких кондитерских фабриках. Первыми «Алёнками» стали бабаевская и две рот-фронтонские.

▲ Советский рекламный плакат «Сосиски» А. Мичурин, 1952 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1961-1985

Стабильность и – что еще важнее – воспроизводимость одного и того же набора продуктов в каждом следующем советском году порождали невольную общность всех советских граждан от Калининграда до Камчатки. Здесь были продукты, исчезающие не всегда, а лишь изредка (например, в неурожайные годы исчезал картофель), а были и «короли дефицита» – сервелат, буженина, консервы «Снатка» и многое другое. Очень быстро продукты «поляризовались» – полный ассортимент «обосновался» в Ленинграде и Москве (а также в столицах союзных республик), а провинциальный Советский Союз довольствовался минимумом (в магазинах можно было купить молочные продукты, замороженные мясные и рыбные полуфабрикаты, макароны, крупу, подсолнечное масло, не лучшие конфеты и некоторые кондитерские изделия). Село снабжалось еще хуже, чем провинциальные города.

Товарный (и в том числе продовольственный) дефицит сопровождал весь последний период СССР. Население – как, впрочем, и всегда – переходило к тактике выживания.

Самым ярким способом противостояния продовольственным кризисам были запасы. Редкая советская семья не закатывала банки солений и варений на зиму, иногда в таких грандиозных количествах, что приходилось стратегические запасы выбрасывать.

Именно дефицит еды породил в конце концов настоящий бум любительского садоводства. Поначалу правительство зорко следило, чтобы эта любовь не переросла в «гнездо собственности». Так, четко разводились понятия «сад» и «огород», последний не предназначался для высадки фруктовых деревьев или кустарников; кроме того, строго настрого было запрещено возведение построек – кроме временок для огородного инструмента и укрытия от непогоды. Суть такой политики была понятна – в любой момент можно было превратить земли, занятые огородами частных, в поля колхозные. Во всем этом ощущалась надежда на то, что стимулирование населения к садово-огороднической деятельности – временная мера, на смену которой непременно придет все то же процветание.

▲ Почтовая марка СССР 1964 г.
▶ Студенты Латвийского государственного университета помогают колхозникам убирать урожай овощей.

«На картошку»

В это же время особенной частью жизни советских людей стала работа в колхозах и совхозах по уборке урожая. Это тоже была часть общей политики, призванная компенсировать упадок производительности труда да и вообще вырождение советского села. Не только старшеклассники и студенты вузов, но и работники контор и офисов (в общем, все, кроме рабочего класса, трудившегося на заводах) выезжали «в колхоз» – кто на день, а кто и (как студенты) на пару месяцев. Совсем не обязательно это была именно картошка – иногда и турнепс, свекла, другие корнеплоды. Труд этот практически был неоплачиваемым (в некоторых случаях обеспечивали горячее питание работягам из города). Так пополнялась «свободная армия труда» (в прежние времена – то за счет заключенных, то эксплуатацией самих колхозников).

Помимо выездов «на картошку» в конце 1950-х гг. в СССР появились так называемые «стройотряды». Решение о создании первого студенческого отряда было принято в 1958 г. на IX-й отчетно-выборной конференции комсомольской организации физфака МГУ. Моментом возникновения студенческих отрядов принято считать весну 1959 г., когда 339 студентов-физиков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова поехали на целину в Северо-Казахстанскую область (Булаевский район), где построили 16 объектов.

Часто условия проживания в колхозе не отвечали никаким нормам (расселяли таких «сезонных рабочих» в неотопляемых помещениях пионерских лагерей или других не очень подходящих для жизни глубокой осенью местах). Но работа выполнялась, и горожане, как ни ворчали, а вклад в поддержание экономики страны вносили. Другим видом принудительного труда была работа на сыпных пунктах (складах готового урожая) – надо было перебирать картофель.

«Ну, обычно у людей сельхозработы – это «картошка». А у меня был миндаль. Выдали нам на группу из 20 человек 3–4 трехметровые палки и сказали – собирайте. Норма – столько-то ящиков на человека. Причем деревья в высоту метров по 10.

– Как собирать? – спрашиваем.

– Ну, если дотянетесь – то пестами сбивайте. Если выше, то нужно корягами и камнями бросать. Хорошие камни во-о-он в той канаве лежат. Конечно, лучше всего лезть на дерево и руками рвать. В общем, как хотите, так и собирайте»⁸⁵.

Из воспоминаний Ю. Шимановского

▼ Почтовая открытка «Догоним Америку по производству мяса, молока, и масла на душу населения», 1963 г.

Хранение урожая – вечная проблема Советского Союза. Терялось уже не 25% собранных плодов, овощей, семян, зерна, а чуть ли не все 75%. Нет ничего удивительного, что при весьма неплохих показателях урожайности полки магазинов и на селе, и в городе оставались пустыми. Дефицитом мог оказаться любой продукт – и в любую минуту. Гарантий не было и быть не могло.

Но в это же время «застоя» было предложено тем же ворчащим горожанам поработать на себя – предоставлялись сотки на колхозных полях,

где жители могли сеять тот же картофель, а по осени его собирать и хранить уже самостоятельно.

Неудивительно, что в городах мигом начали появляться совершенно не вяжущиеся с представлениями об урбанизации целые кварталы погребов для хранения «своего» урожая. Развивались различные кустарные способы строительства таких сооружений, вполне рассчитанные даже на лютые уральские и сибирские зимы. Погреба пристраивали и во дворах жилых домов, овощные ямы стали устраивать в гаражах, создавать на площадях подвалов и другой «ничейной собственности».

Важно было вырастить и сохранить и все то, что вообще невозможно было достать в продаже, а если такое и случалось, то не всегда это было съедобно.

Так страна взялась консервировать огурцы и помидоры. Вместе с хлебом соленый огурец испокон веку был лучшей закуской к водке; теперь хоть и в виде иных консервов (не бочка, а банка), но он обосновался в рационе советского человека. Сам посадил, сам поливал, сам собрал урожай и сохранил его.

В деревне, разумеется, все эти тактики выживания осложнялись полным отсутствием кормов для домашнего скота и ухищрениями по добычке комбикорма для скотины, а не только запасов для людей.

Труднее было с мясом. Его либо закупали на «вольном рынке» (где оно в эпоху стабильных розничных цен тоже стоило стабильно – ровно в два раза дороже магазинного, то есть 5 рублей килограмм), либо специально ездили в сельские районы и брали там – подешевле, либо уж довольствовались тем, что было. Сортной разруб мяса, укоренившийся в эпоху коммерческой торговли, вымещался в «историческую память», фактически мясо в торговлю всегда поступало по остаточному принципу: лучшие куски «уходили» номенклатурщикам, работникам торговли. Если в Москве еще можно было прикупить (даже в государственном магазине) сортной кусок, то в провинции ни о каких вырезках и не мечтали, иногда всякие субпродукты и ливер тоже были за счастье. Культура мясной кулинарии и изначально-то в России не была на высоте, а за годы советской власти улетучилась вовсе.

На смену мясу пришла колбаса. Если во всем мире колбаса расценивалась как особый мясной деликатес, то в СССР это было мерило благосостояния и синоним счастья.

«Колбасные электрички», на которых жители провинциальных небольших городов и сел съезжались в Москву и другие большие города, чтобы разжиться колбасой, сосисками, мясными консервами, стали повсеместной нормой. Стоит ли говорить, что попытки хорошо снабжать хотя бы от-

▲ Работники гастрономического отдела, фото 1960-х гг.

дельные города страны проваливались с треском – всюду и за чем угодно выстраивались громадные очереди. Постепенно производство всех основных групп питания падало, хотя по отчетам и в государственной статистике мы видим отрадную картину. Даже самые простые продукты приходилось доставать. Одним из самых престижных образований в стране считалось торговое, конкурсы в торговые училища, техникумы и тем более институты были огромными, хотя зарплата продавцов и других работников торговли никого не впечатляла. Важнее денег был доступ к товарам – сам факт такого доступа мгновенно компенсировал скромность заработной платы. Вторым таким хлебным местом считался общепит. Со времен Хрущева он развивался семимильными шагами, а советские столовые становились визитной карточкой всего социалистического строя. Общепитское меню было наизусть известно любому советскому работяге – он знал, что под названием «шницель» ему предложат фарш, обваленный в сухарях и прожаренный до состояния подошвы, а под названием «биточки» – тот же фарш, только кругленький и проваренный в мучном соусе. Если в такой фарш добавить рис, то готовы фрикадельки, а если капусту – то голубцы ленивые. Состав фарша не уточнялся (в лучшем случае – «гов., св.»). И все равно – даже после всех переделов в пользу особых покупателей – это было лучше, чем то, что ухитрялись готовить дома из малопонятных «останков» продуктов.

Картошка, каша, серые макароны составляли основу рациона. Конечно, радостью было молоко (до его почти полного исчезновения с середины 1970-х во многих провинциальных городах).

- ▶ Почтовая марка «Хлеб» Т. Яблонская, 1967 г.
- ▼ Почтовая марка СССР, 1975 г.

Вместе со своими однокурсниками студентка Иркутского медучилища Надежда Петренко каждый год в сентябре отправлялась на сельхозработы. «Жили в бараке, – вспоминала она. – Всех студентов на картошке в них селили... Дров первые дни не было. Вот мы ночью выходили и дрова эти воровали у деревенских... А еще мы боролись отчаянно с деревенскими красавицами за своих парней. Их у нас и так мало было. Местные девочки ночью стучали, пугали нас, окна били. Мы защищались, как могли: полено в руки – и вперед...» Когда студентки приехали в колхоз во второй раз, там их уже знали и встречали дружелюбнее. Оказалось, местные девушки били в 1978-м им окна из ревности. Боялись – уведут городские их крутых парней⁸⁶.

Так как продовольственный кризис разрастался (многие советские жители связывали его с вывозом лучших продуктов в страны социалистического содружества), то продовольственная промышленность шла на всякие технологические хитрости. Так, например, сливочное масло повсеместно заменялось суррогатом, «маслом бутербродным» (с большим содержанием воды), а то и вовсе маргариновыми продуктами, к сливочному маслу отношения не имеющими. Большой популярностью пользовалось так называемое масло шоколадное, в котором дефицит маслянистости скрадывался какао и сахаром. Сыр быстро стал редкостью. Колбаса стала выпускаться с большим содержанием воды, а потом и на основе сои. Мясо полностью подменилось костями, голенью, субпродуктами. Появились неопределенные консервы «Завтрак туриста» из субпродуктов. Ливерную колбасу стали покупать с удовольствием и печь из ее «начинки» пирожки, это даже был праздник, а не вынужденная мера (вспомним новочеркасский бунт, где предложение «жрать ливер» вместо мяса со стороны директора завода вызвало бурю возмущения).

Строжайшие санитарные требования вступали в конфликт с самой ситуацией этого затяжного кризиса. И никто особо не спрашивал с работников столовой – тем более что массовых отравлений не было, все проваривалось и прожаривалось на совесть, до основания.

В городах перебоев с хлебом, мукой, солью за позднее время советской власти практически не было. А это уже было основанием какого бы то ни было социального спокойствия. Остальной дефицит народ переносил стойко и приговаривал в адрес Брежнева одобрительно: «Зато без войны сколько лет живем!»

▲ Плакат «Покупайте мороженое Главхладопрома» С. Сахаров, 1951 г.

Московские радости для всех

Поездка в Москву была настоящей потребительской радостью. Несмотря на очереди, здесь можно было купить все: от колбасы до конфет и пресловутого мороженого «Лакомка», крайне неудобного в своем оформлении для поедания на улице, но считавшегося верхом мороженого искусства. Главный набор московских покупок для провинциального жителя мог включать:

- коробки «Зефир в шоколаде» от фабрики «Ударница» (по цене 1 рубль 15 копеек за коробку, где было 10 зефиринок);
- сгущенку (бело-синие банки), а позже - если повезло, «сливки, сгущенные с сахаром», «какао со сгущенным молоком», «кофе со сгущенным молоком», ценой 55 копеек за банку сгущенки (и больше рубля за «сливки»);
- московскую карамель (которую обожала вся страна - «Гусиные лапки», «Московская», «Студенческая», «Раковые шейки» и др., ценой от 70 копеек за килограмм);
- копченую колбасу (сервелат) - какую повезло достать;
- майонез (стеклянные банки по 250 мл, 51 копейка);
- зимой - мандарины (к Новому году).

Перечень, конечно, неполный. Он зависел от того, в какую даль все это надо было вывезти из Москвы и каким транспортом. Самолетом - и то было много шансов проторчать со скоропортящимся товаром в аэропорту. Поездом - как в по-

говорке: «Едешь на день - хлеба бери на неделю» (мог застрять на любом полустанке и потом уже не ехать, а ползти). Но тем, кто мчался в Москву со «101-го километра», это было нипочем, и их «московская корзина» была куда богаче.

Стоит упомянуть и ритуальное «мороженое на улице» (ели даже зимой - поскольку для любого приезжего «микояновское мороженое» было настоящей экзотикой), а еще, конечно, хлеб. В провинции - в крупных городах - было до 7-8 видов хлеба и булок (не считая «мелочь»). В городах и поселках иногда два - черный и белый. А в Москве хлебобулочных изделий всегда было великое множество. Уникальный вкус тогдашнего «бородинского» или «булки городской» был намного дороже тех копеек, что они стоили.

Копейки стоил сок на разлив из больших конусообразных емкостей (от 7 до 14 копеек в зависимости от вида сока). Был еще (с 1970-х гг.) и аппарат для приготовления молочного коктейля (но такие аппараты быстро установили во всех больших городах). Коктейль делался из смеси молока, мороженого и сиропа. Конечно, для всех советских граждан, заставших эпоху «застоя», незабвенными останутся аппараты по продаже газированной воды - без сиропа за копейку и с сиропом за три копейки.

▲ Почтовая открытка «Дорогой маме к празднику!» С. Поманский, 1960 г

▲ Холодильник «ЗИЛ»

Электротехника

По мнению Хрущева, холодильники, телевизоры, стиральные машины (а также радиолы всякого рода и швейные машинки) должны войти в каждую квартиру. На первое место во всех отчетах встал ввод жилья. А потом уж следовало сообщение о количестве проданной техники – отдельно горожанам, отдельно селянам. Справочники «Народное хозяйство СССР» (ежегодные сводные отчеты) не дают никакой ясной картины потребления в советской стране, поскольку постоянно противоречат друг другу. Задача каждого последующего – показать «неуклонный рост». Но все же, сопоставляя разные источники, а главное – воспоминания о тех годах, можно убедиться, что и в самом деле за десятилетие 1960-го по 1970 вся эта техника уверенно вошла почти в каждую панельную квартиру больших городов, но, конечно, до полной механизации страны было далеко. Несколько миллионов телевизионных приемников, холодильников, стиральных машин появилось в домах советских граждан. Сравнивая качество советской электротехники с западной, можно отметить, что большого (бросающегося в глаза) разрыва в этот период времени еще не заметно.

Холодильники марки «ЗИС», а потом «ЗИЛ», «Саратов» (к концу 1980-х советская промышленность выпускала десятки марок холодильников на любой вкус – и настенные, и встроенные) были достаточно надежны. Их главной бедой была сложность размораживания. Для каждой хозяйки оно превращалось в настоящее испытание – а заодно страдала и вся семья. Другая проблема – довольно громкий звук работающего компрессора. Тем не менее факт остается фактом – произведенные в 1970-е и даже 1960-е холодильники до сих пор работают и делают свое дело. Большая часть «белых друзей» старого советского времени погибла в дачных поселках в неравной схватке со «старателями цветных металлов» (на дачи старые холодильники массово отправились после захвата рынка более продвинутой холодильной техникой западных компаний). Уже в те времена, когда советское производство холодильников только начиналось, в США, например, рекламировался настоящий комбайн-агрегат для малогабаритных квартир – в верхнюю панель были вделаны конфорки и мойка, центральную часть тумбы занимал холодильный шкаф, а внизу был ящик для сушки кастрюль и сковородок. А. Микоян, посетивший Америку осенью 1936 г. с целью перенять у них опыт общепита и организации быта, возможно, тоже такие гибриды видел, но для начала сосредоточился именно на холодильнике – как необходимом элементе городской квартиры.

Интересно сравнивать в ценах (и покупательской способности).

Холодильник в стабильные времена стоил от 300 до 450 рублей (от двух до трех средних зарплат). При этом в докладной записке с предложениями снизить цены к 50-летию СССР находим себестоимость трехсотсорокдвухрублевого холодильника «ЗИЛ» – 95 рублей 60 копеек.

Соотношение себестоимости и розничной цены А. Кузнецов в этой докладной записке показывал так⁸⁷:

	(по товарам-представителям)			
	Розничная цена в руб. и к.	Себестоимость	Прибыль и налог с оборота	Прибыль и налог с оборота в %% к розничной цене за вычетом торговой скидки
Часы наручные мужские в хромированном корпусе «Мир»	25–00	6–18	18–26	78,0
Телевизор «Темп-6»	295–00 ¹⁾	228–00	40–00	15,0
Радиола «Латвия»	110–00 ¹⁾	63–30	37–90	37,6
Холодильник «ЗИЛ» емк. 240 л	310–00	95–60	198–90	67,7
Мотовелосипед МВ-042	120–00	95–07	20–13	17,4
Мотоцикл «Урал-2» с коляской	1250–00	471–00	673–00	59,0
Мопед «Рига III»	180–00	144–35	19–20	11,2
Шкаф для платья	45–00	25–92	15–78	37

¹⁾ Розничные цены указаны без надбавок для покрытия расходов по организации программы радиовещания и телевидения.

Таблица эта весьма интересна: оказывается, наибольшую наценку имели товары повышенного спроса. Как только спрос снижался, падали и цены. В этом отношении товароборот не очень отличался от товароборота в капиталистической экономике.

Стиральные машины

Отечественные стиральные машины отличались капризностью, требовали постоянного участия хозяйки во время стирки, мало облегчали ручной труд, занимали много места, а крепления шлангов были недостаточно надежны, что постоянно создавало угрозу срыва шланга и затопления пола ванной или кухни. В маленьких хрущевках их иногда подвешивали на рукодельную ан-

▲ Стиральная машина «Эврика»

▲ Настольная медаль «50 лет СССР»

тресоль в ванной или коридоре, и тогда стирка превращалась в настоящее священнодействие и занимала полдня, а то и больше: машину надо было снять, установить рядом с ванной, подсоединить все шланги, а потом стирать белье (и нередко перестирывать за машиной). Не было стирального порошка, часто вместо него использовали нарезанное стружкой хозяйственное мыло.

К 1970-м гг. производство стиральных машин расширилось, но цена их оставалась высокой. Первые стиральные машины стоили около 600 рублей, позднее цены упали до 300 рублей за счет снижения себестоимости. Появились чудеса стиральной техники – «Вятка» (490 рублей), позже машинка-полуавтомат «Эврика» (от 400 до 490 рублей). Их механические системы были очень далеки от удобства, «автоматизм» скорее декларировался, чем был реальным, всякое ослабление внимания во время стирки вело к какой-нибудь бытовой драме (чаще всего переливу воды из бака или срыву шланга). Но стиральными машинами стремились обзавестись все, и их потребление росло (впрочем, не такими большими темпами, как приобретение телевизоров).

В эпоху всеобщего дефицита на стиральные машины была очередь, их доставали. На излете социализма рынок был затоварен отечественными стиральными машинами, купить их можно было все свободнее, и надежность их повышалась. Но, конечно, ни о какой конкуренции с западными моделями (где производство автоматических стиральных машин началось в конце 1940-х гг.) говорить не приходилось. Интересным фактом был, например, упор в рекламе «Вятки» на то, что отремонтировать ее мог любой человек сам, без специалиста. Не случайно каждая инструкция к советской бытовой технике обязательно содержала подробную информацию об устройстве каждого узла. Советская техника облегчала жизнь хозяек и несколько осложняла жизнь их мужей. Но и то сказать – вызов мастера обошелся бы как минимум в стоимость бутылки водки (рубля четыре), каждый раз это было бы накладно – ломались машинки часто.

Телевизор

Производство телевизоров развивалось усиленными темпами. А вот потребление было таким: с 1965 по 1970 гг. наблюдалась динамика потребления более чем в два раза (с миллиона до двух миллионов приемников, а всего, следовательно, за шесть лет около 18 млн приемников при населении более 200 млн человек). Но общий парк был более 40 млн – включая самые ранние марки («КВН-49», например, выпускался вплоть до 1962 г.). Если учесть, что средняя семья была 3–4 человека, то дефицит был не таким уж и значительным. Он был быстро устранен с появлением цветных телевизоров, когда их нецветные старшие братья перекочевали в дома пенсионеров, малоимущих граждан, на дачи или же стали «вторыми» в доме (два разных канала сразу).

Цены на первые телевизоры были немалыми – около 900 рублей. К концу «нецветного телевидения» цены на приемники (при том, что сами модели непрерывно совершенствовались, и выпускалось уже с десятков разных марок телеприемников) упали, как мы видели, ниже 300 рублей и стали более-менее доступным приобретением.

«Открытие цветного ТВ приурочивалось, как тогда было принято, к «знаменательной дате» – 50-летию Октябрьской революции... Вспоминается ранняя осень 1967 г. – особенным остался в моей памяти день открытия цветного телевидения в СССР, озаглавленный «Радуга, зажгись!». В витринах больших магазинов по ул. Горького, в Даниловском универмаге и в других местах Москвы были установлены цветные телевизоры. Перед ними толпились первые «цветные» телезрители, вглядываясь в нашу радужно расцветшую программу, – дома-то практически ни у кого бытовых цветных телеприемников не имелось, их массовый выпуск еще предстояло наладить».

Кознов Д.Г. «Первые уроки цветного телевидения» // Install Pro. 2004 № 2

▲ Телевизор КВН-49
▼ Интерьер советской квартиры. Музей СССР.

▲ Интерьер советской квартиры.

Однако трудная дорога отечественной промышленности к серийному производству цветных телевизоров создала «ножницы» покупательского спроса: черно-белые покупать перестали, а цветные не решались (хотя продавали их ниже себестоимости, но цены были значительно – почти в два раза – выше нецветных). Однако производство «Радуги-714» стахановскими темпами (начало выпуска серии – 1976 г.) вопрос решило. Цветные телевизоры вошли во многие дома, через 10 лет их было уже более 50 млн. Общий парк

телевизионных приемников в СССР показывал, что «ящик» вещал в каждой квартире и каждом доме.

Автомобили

«Каждый, у кого нет машины, мечтает её купить, и каждый, у кого есть машина, мечтает её продать. И не делает этого только потому, что, продав, останешься без машины».

«Человек как никто из живых существ любит себе создавать дополнительные трудности. Именно этим объясняется желание иметь собственный автомобиль».

Цитаты из к/ф «Берегись автомобиля»

©Oleksandr Berezhko/Shutterstock.com

©Art Konovalov/Shutterstock.com

©Art Konovalov/Shutterstock.com

- ▲ «Волга» ГАЗ-21
- ▶ «Жигули» ВАЗ-2101
- ▶▶ «Волга» ГАЗ-24

©Art Konovalov/Shutterstock.com

©Art Konovalov/Shutterstock.com

©Eugene Sergeev/Shutterstock.com

- ▲ «Жигули» ВАЗ-2103
- ▶ «Москвич-412»
- ▶▶ «Запорожец» ЗАЗ-968

Несомненно, именно легковые автомобили стали в «зрелом» СССР настоящей «советской мечтой» и нервом потребительского ажиотажа. Н.С. Хрущев, как известно, считал автомобиль роскошью и упор делал на развитие парка общественного транспорта. Но он не запретил личный автотранспорт, и, соответственно, мечта о своем автомобиле оказалась исполнимой даже при неблагоприятном отношении к ней плановиков. Отечественный автопром шел по пути, проторенному более продвинутыми странами (например, ориентируясь на ФИАТ и сотрудничая с ним). Но главное – количество автомобилей росло в прогрессии.

К середине 1970-х гг. цены (при средней зарплате около 200 рублей) были примерно такими: «Волга» ГАЗ-24 – 9200 руб., «Жигули» ВАЗ-2101 – 5500 руб., ВАЗ-21011 – 6000 руб., ВАЗ-2103 – 7500 руб., «Москвич-412» – 4990 руб., «Запорожец» ЗАЗ-968 – 3500 руб. В первой половине 1980-х гг. «Ниву» можно было взять за 10 300 руб., «Москвич-2140 Люкс» – за 8000 руб., а «Запорожец ЗАЗ-968М» – за 5000 руб. Развивался и рынок автомобилей, бывших в употреблении. Семилетний «Запорожец» можно было купить рублей за 700. Очень быстро развивалось любительское автотехобслуживание (сам себе мастер): в журналах типа «За рулем» и даже «Наука и жизнь» давались разные советы по ремонту отечественных автомобилей.

Дефицит автомашин для любителей сочетался и с дефицитом запчастей к ним. На станциях технического обслуживания, как вспоминают сегодня мемуаристы, всегда были самые разные запасные детали, но только для «своих». Простому человеку отвечали одно и то же: «Нет в наличии». ... Вот и приходилось опять все доставать.

Если в 1965 г. автомобилей реализовали на 206 млн, то в 1970-м – уже на 1280,5 (то есть в 6,9 раза больше).

Приобретались машины либо после многолетней очереди на предприятии, либо в комиссионном магазине (можно было еще быть награжденным машиной и выиграть ее в лотерею). Дефицит и очереди были причиной постоянного ажиотажа вокруг машин. В фильме «Берегись автомобиля» точно воспроизведены реалии «автомобильной лихорадки» в СССР. Но бывали истории и еще более захватывающие, одну из них – о своем родственнике – рассказал Вадим Скрынник (приводим с сокращениями):

«Как мой дед смог стать счастливым обладателем своей машины в 1970 г.

Итак, фронтовой друг моего деда был директором известного магазина, торговавшего телевизорами в центре Ленинграда, в месте, знакомом каждому ленинградцу, – «У пяти углов». Человеком он был довольно зажиточным, и, конечно, у него была «Волга». Если кто-то хочет еще больше проникнуться атмосферой того времени, то пусть вспомнит сцену из рязановского фильма «Берегись автомобиля». Помните, в магазине у Димы Семицветова?

Так вот, этот директор решил, что в связи с болезнью жены (а она болела раком) ему пора двигаться на историческую родину, в Израиль.

И ему, конечно, нужны были деньги. Но все не так просто! Ибо автомашину у него полгода как угнали и уже даже нашли в солнечном городе Тбилиси! Представьте, друзья, угнали и нашли. Фантастика! И вот если бы мой дед согласился бы пригнать машину из, как говорят юристы, «чужого незаконного владения», то за какие-то смешные 3000 советских рублей он продаст ее моему деду, учитывая их совместный опыт боевых действий. Конечно, мой дед не спал после этой беседы ночь и наутро согласился.

Была выписана доверенность на перегон, оформлен отпуск за свой счет в марте (на работе сильно удивились), были выслушаны стенания моей бабушки и куплен билет на самолет. Так и представляю своего деда в аэропорту с чемоданчиком инструментов, пустой канистрой для бензина, поднимающегося по трапу в самолет...

Мой дед прошел две войны, Финскую и Отечественную, был героем обороны Гангута и Ленинграда и, видимо, воспринял подобное весьма прозаично. Что может быть хуже войны?

Итак, он прибыл в столицу Грузии. Он обратился в местное отделение милиции, предъявил документы и доверенность, а также документы из следственных органов о перегоне машины законному

владельцу. И тут началось все самое интересное. Оказывается, что машина находится на территории частного дома у тбилисца, который купил эту угнанную «Волгу». Видимо, советская власть там никогда не работала, и местные милиционеры не хотели совсем портить отношения с уважаемым человеком и даже после обнаружения «Волги» дали ему попользоваться ею, пока суд да дело. В общем, моему деду было предложено самому, без сопровождения представителей местных органов, явиться под светлые (скорее карие) очи нового владельца и забрать у него машину. Что мой дед и сделал. Однако его даже на двор не пустили, а в милиции предложили разбираться самому. Дед увидел машину через дыры в заборе, пошлялся по городу до ночи, а ночью взял и угнал машину второй раз. Деточкин отдыхает! Далее читатель может дорисовать себе и погоню, и долгую дорогу через Кавказские горы в Ленинград. Не знаю, как все было на самом деле, ибо дед мне этого не рассказывал и этот эпизод был некоей семейной тайной. Так как «наши люди на такси в булочную не ездят» и вообще мало ли чего. Так или иначе, но спустя неделю машина была пригнана в Ленинград. Дед потом сутки отсыпался. Затем состоялся судорожный марафон по сбору денег на покупку и оформление вожденной «Волги», с которой дед, понятно, уже сроднился – как Новосельцев с конем. Далее все было уже более рутинно и спокойно. Машине моего деда был присвоен госномер 52–36 ЛЕС, и она катала нас всех до конца 1980-х гг. Вот такая история...»

Общая статистика продаж показывает неуклонный рост производства легковых автомобилей в СССР вплоть до 1980-х гг., когда производство стабилизировалось на 1,3 млн штук в год (с 5,5 тысячи в 1940 г.). Качественный прорыв в отечественном автопроме был достигнут к 1970 г. (итальянцы под ключ сдали СССР автозавод в Тольятти; производство автомобилей на одном этом заводе поднялось до 700 тысяч штук в год). Как ни удивительно, несмотря на прогресс в создании и внедрении новых интересных марок машин (той же «Нивы», позднее легковушек с кузовом типа хетчбэк), отечественный автопром вплоть до развала СССР не мог удовлетворить спрос на автомобили. Конечно, цены менялись, облегчались условия приобретения, но дефицит сохранялся.

Послушать музыку

Радиоприемники – тоже идеологический компонент каждой квартиры. А вот радиолы были уже предметом зависти или некоей потребительской целью. В мультфильме «Кот в сапогах» (1968) в финале кот переделывал интерьер жилища людоеда в соответствии с представлениями о современной «квартирке», в том числе включая и радиолу.

▲ Андрей Миронов, Татьяна Гаврилова и Анатолий Папанов (слева направо) в фильме «Берегись автомобиля». Киностудия «Мосфильм».

▲ Радиолы «Рекорд 310».

«Во дворе, где каждый вечер все играла радиола,

Где пары танцевали, пыля,
Ребята уважали очень Леньку Королева,
И присвоили ему званье Короля.

Был Король, как король, всемогущ. И если другу

Станет худо и вообще не повезет,
Он протянет ему свою царственную руку,
Свою верную руку, – и спасет».

Окуджава Б. «Песенка о Лёньке Королёве»

Радиолы, в среднем, стоили около 150 рублей. Были и более дешевые, и более дорогие варианты. В целом модельный ряд был представлен не менее чем 50 разными вариантами – от простых радиоприемников 1950-х гг. до стереофонических радиол с огромными (по размеру) колонками конца 1960-х гг. Форма радиол тоже менялась (от обтекаемых монолитов пятидесятых до строго перпендикулярных «ящичков» в стиле техно к 1970-м гг.). Очень важной функцией радиол была возможность ловить «голоса врагов», вещающие на СССР (это отдельная страница истории – и организация такого вещания, и ее сознательный перехват). Важнейшие события в стране освещались только из-за бугра – в СССР гласность была под контролем (впрочем, не тотально) и информация выдавалась дозированно. Другая функция радиолы – проигрывать пластинки. На смену громоздким граммофонам нэпмановской поры как раз и пришли простые по своей технической конструкции «звукосниматели». Коллекция пластинок стала необходимым элементом в каждой квартире. Производила пластинки фирма «Мелодия», однако популярными были и пластинки в журналах – звуковая дорожка наносилась на тонкую основу-пленку.

ЦЕНЫ НА ПЛАСТИНКИ:
миньон моно – 70 копеек;
миньон стерео в безымянной обложке – 85 копеек;

▼ Поздравительная открытка «Кот в сапогах», 1958 г.

миньон стерео в индивидуальной обложке – 1 рубль;

диски-гиганты: в безымянной обложке моно – 1 рубль 60 копеек; в индивидуальной обложке моно – 1 рубль 85 копеек; в безымянной обложке стерео – 1 рубль 90 копеек; в индивидуальной обложке стерео – 2 рубля 15 копеек; в целлофанированной обложке – 2 рубля 70 копеек.

Долгоиграющие пластинки, изготовленные по лицензии, стоили от 2 рублей 70 копеек до 4 рублей, а «пиратские» диски фирмы «Мелодия» – 2 рубля 15 копеек. Иногда проходила уценка товара, и тогда даже абсолютно новый диск-гигант можно было купить за 20 копеек⁸⁸.

Согласно источникам, продажи пластинок в СССР к концу его существования превышали объемы продаж грампластинок в США на 10–15%.

Часы

Удивительно это или нет, но в «развитом социализме» большое место занимали часы. Их, по-видимому, производили не только на специальных часовых заводах, созданных на заре советской власти, но на всех оборонных заводах для отвода глаз (скажем, в одном цеху делают часы как товар массового спроса, а в остальных – приборы для самолетов и танков). В статистических сборниках находим целые перечни разного типа часов – от наручных до настенных с гириями. Конечно, обязателен был будильник с резким и неприятным звуком, было множество часов, имевших разного рода оправу (от пластика до полудрагоценных камней). Наручные советские часы не отличались отменной точностью, но стоили довольно дорого (скажем, мужские наручные часы «Мир» – 25 рублей). В любой квартире должны были быть часы настенные – на самом видном месте. На них постоянно взглядывали все в доме, размечая свой день, торопясь на работу, ожидая время фильма по телевизору или программы «Спокойной ночи, малыши» – чтобы уложить детей спать. В статистических справочниках раздел «потребление непродовольственных товаров» неизменно возглавлялся именно сведениями о реализации часов –

▲ Наручные часы «Мир».

▲ Наручные часы «Командирские».
▼ Наручные часы «Полет».

их действительно приобретали охотно и много, это был типичный подарок на любой случай жизни, в том числе и «инициационный» подарок подростку («теперь у тебя есть наручные часы – ты уже большой»). Часы одновременно были и предметом «охоты» грабителей разного рода (а следовательно, немалым был черный рынок наручных часов).

Наручные часы в СССР были самых разных марок, но особенно ценились чистопольские и петродворцовые. Первые – «Командирские» – можно было ронять в воду, по ним могла без ущерба проехать машина, они были надежно защищены от пыли и выдерживали без подзарядки 36 часов. Вторые – «Ракета» (золотую «Ракету» носил Л.И.Брежнев, а партийная верхушка ему стремилась подражать).

Советские часовые механизмы были отменными – на специальном заводе делались рубиновые камни, которым не было сносу. В наручных советских часах камней было от 17 до 33 – чем больше, тем качественнее считался механизм. Очень распространены были женские часы «Луч».

В 1974 г. на Лейпцигской ярмарке женские часы «Луч-1816» с автоматическим подзаводом и календарем, производимые Минским часовым заводом, были отмечены золотой медалью.

Стоит сказать и о часах «Ракета» в стальном корпусе особо прочного образца – они стоили 150 рублей, дороже золотых. Но в среднем наручные часы продавались по 20–30 рублей. Правда, только до появления часов «Электроника», казавшихся «микрокосмосом» – со сменой дисплеев, подсветкой, «металлическими» мелодиями. На пике моды за такие часы платили 80 рублей (а в «спокойное» время – 45).

Мебель

Обставить квартиру было непросто. Очень много приходилось делать своими руками (особенно основательно население занималось творчеством в создании мебели для кухни, а также всевозможных шкафов и полок – все это было днем с огнем не найти в продаже, заказать было некому да и не принято, вот и брались жители за лобзики, пилы, гвозди).

«Человек попадает в любой незнакомый город, но чувствует себя в нем как дома: такие же дома, такие же улицы, такая же жизнь. Здания давно уже не строят по индивидуальным проектам, а только по типовым. Одинаковые лестничные клетки окрашены в типовой приятный цвет, типовые квартиры обставлены стандартной мебелью, а в безликие двери врезаны типовые замки».

Цитата из к/ф «Ирония судьбы, или с легким паром»

Тем не менее в мебельном магазине кое-что приобрести можно было. Во-первых, диван. Отечественные диваны всегда были функциональными – их можно было раскладывать и превращать в спальное место. Менялись системы механизмов раскладки, но неизменным оставалось их неудобство и неприспособленность – с одного разу и не разложишь, а потом и не соберешь. Тем не менее диван должен был украшать любую гостиную. Стоил он по-разному, бывало и 120 рублей (но можно было найти и дешевле).

К дивану полагались кресла. Их производили недостаточно, и кресла были предметом дефицита. Раскладное кресло-кровать и вовсе относилось к категории мечты, стоило такое кресло около 30 рублей. Считалось, что кресел должно быть два одинаковых, для симметрии. Высшим шиком в квартире считалось кресло-качалка (иногда их делали кустари).

Стена гостиной должна быть закрыта так называемой мебельной стенкой – несколькими шкафами, аккуратно организующими пространство (обязательно часть полочек должна была быть открытой или закрываться стеклянными дверцами, через которые можно было видеть содержимое шкафа. Стенки доставали (стояли месяцами и годами в очередях, ходили отмечаться). Часто они были импортного про-

▲ Фото 1970-х гг.
▼ Мебельная стенка, 1983 г.

изводства (Румыния, Чехословакия, ГДР). Цена стенки могла быть вполне обозримой (350 рублей), но могла быть и заоблачной (свыше 2000 рублей) – в зависимости от качества, полировки и т.д.

Стеклянные дверцы и открытые полочки провоцировали интерес хозяев к статуэткам, хрусталу, сервизам и книгам (которые всегда были дефицитом).

Старинное понятие «горка» (шкаф со стеклянными дверцами для посуды) могло воплощаться не только в стенке, но и в серванте – невысоком шкафу с глухим нижним отделением и стеклянными дверцами верхней части. В таком шкафу как раз и хранили бокалы, сервизы, ставили сюда статуэтки. С появлением стенок серванты перекочевали в спальни и детские (если таковые были). Сервант часто доставался в наследство от старшего поколения – иногда из старых квартир в новые перекочевывали и шкафы-гардеробы из фанерных щитов, отделанные шпоном.

Еще одна неотъемлемая часть интерьера – ковры. Ковры считались успешным вложением денег (иногда и 100, и 180 рублей стоило это «счастье», но машинный ковер 2х3 стоил всего 40 рублей). Ковроткачеством занимались республики Туркменистан и Азербайджан. Ковры различались по ворсу, материалу, размеру и цвету. Но – так как и ковры надо было добывать – на это особенно не смотрели. Действовал общий принцип – чем больше ковер закрывал стену, тем он был лучше. То, что главная функция ковра была висеть на стене (лежать на полу тоже, но главное – висеть на стене), обусловлено было спецификой нового жилья. Панельные хрущевки имели очень плохую звукоизоляцию, а равно и теплоизоляция оставляла желать лучшего. Так что это был способ утепления квартиры.

Скажем сразу – ковры на стенах придавали интерьерам советских граждан удивительную похожесть друг на друга и «старинность», если так можно выразиться, «провинциальность». В фильме «Москва слезам не верит» Катя живет в шикарном «генеральском доме» на Мосфильмовской (как депутат совета имеет право). У нее двухкомнатная квартира: гостиную занимает она сама, а в спальне – комната дочери. В гостиной у Кати ковра на стене нет (хотя стенка, раздвижной диван, кресла и торшер есть – как у всех).

Особо следует сказать о хрустальных люстрах. Настоящая хрустальная люстра была предметом охоты, ее надо было добыть, чаще всего это было импортное производство. Когда включали свет, хрусталь покачивался и играл разноцветными зайчиками. Домашние люстры повторяли роскошь и монументальность люстр в театрах, в богатых, помпезных интерьерах. Цена хрустальной люстры была неодинаковой. Она зависела от того, какого качества хрусталь (вернее, содержание окиси свинца в нем), где люстра произведена (основной производитель – Чехословакия). Официальная цена в таком случае замещалась интересом – насколько сильно советский человек мечтал о такой люстре. Цена была прямо пропорциональна этому интересу.

Очень быстро промышленность приспособилась выпускать ширпотреб под хрусталь – светильники с пластмассовыми подвесками, копирующими

форму хрустальных. Огромным минусом такой люстры было почти мгновенное помутнение и пожелтение подвесок. Мытье такой люстры становилось подлинным наказанием. Кроме того, низкие потолки и универсальность гостиной (превращавшейся ночью в спальню) делали люстру вечной жертвой снимаемых через голову платьев и маек – взмахом одежды зацеплялись подвески, летели вниз, вонзались в пол и ломались. В «Справочнике продавца» за 1981 г. обнаруживаем, что истинная хрустальная люстра продавалась по цене 210–350 рублей (самой дорогой была люстра со «свечками» вместо лампочек), а ее пластмассовая копия – всего за 25 рублей.

Торшер тоже включался в интерьер. Здесь мода все время диктовала свои тренды: то массивный, из красной богатой ткани, с бахромой, то минималистский, со скромным «бутоном» вокруг лампы. У той же Кати Тихомировой торшер – массивный цилиндр красного цвета (по-видимому, текстиль).

Остается добавить модные прикроватные тумбы (куда убиралось на день постельное белье), тумбочки и столы – часто раздвижные, с доской-вкладышем, позволяющим превращать стол в настоящее «поле пиршества» (обычно он перегораживал все пространство комнаты).

Верхом удачи было приобретение гарнитура «жилая комната» (или «спальня» – но это уже было чересчур помпезно, для тех, у кого было достаточно комнат). «Жилую комнату» хотели все. Например, торговый каталог 1975 г. представлял гарнитур «Арт Кармен» из Чехословакии, куда входили 15 предметов (стенка из 4 шкафов разного назначения, диван, 2 кресла, стол, журнальный столик, 6 стульев). Цена гарнитура – 1200 рублей (примерно 6 средних зарплат того времени). Кстати, если сравнивать с сегодняшними расценками, то такой гарнитур с отделкой под орех должен стоить примерно 120 000 рублей, что – при таком количестве предметов и скромности изготовителя и продавца – вполне возможно.

Интерьеры советских квартир «украшали» также гладильные доски, модные сушилки для белья (а иногда просто натянутый шпагат через всю гостиную, где развешивалось выстиранное белье – обычно это было в воскресенье, и всей семье приходилось пробираться сквозь паруса пододеяльников и простыней).

▲ Пианино «Ноктюрн».
▼ Почтовая марка СССР, 1961 г.

Пианино

Чуть ли не обязательный элемент интерьера советской квартиры. Играть на фортепиано (пианино) чуть ли не обязан был каждый подрастающий строитель коммунизма (ведь он должен был быть всесторонне развитой личностью). Музыкальная школа в довершение к общеобразовательной стала нормой уже в конце 1960-х

– 1970-е гг. Основным инструментом было пианино, которое, конечно, родители должны были купить своему чаду в личное пользование. Самые распространенные марки «Элегия», «Ноктюрн», «Дружба» исполнялись в разных цветовых гаммах – дабы не нарушать гармонию гостиных. Очень неудобный инструмент еще и не был рассчитан на типовые двери в квартирах, и воцарение пианино в доме становилось крайне хлопотной задачей.

Цена его в 1975 г. составляла около 600 рублей. Хрущевки с их звукопроницаемостью превращали уроки игры на пианино в истинное мучение для всего дома. Другая сторона «фортепианизации всей страны» заключалась в том, что когда дети заканчивали музыкальную школу «по-советски», у многих из них интерес к музыке был напрочь отбит, пианино стояло никому не нужное, часто превращаясь в дополнительную полку для хлама в доме. Так как пианино поставили на поток, то качество в целом было не очень высоким, пианино быстро «теряло форму», а найти мастера для расстроенного инструмента было не так уж и легко. Во время перестройки и в первые постсоветские годы десятки инструментов были просто выброшены. Вывести их из квартиры было тоже хлопотно – все тот же вопрос узких дверных проемов и громоздкости самого пианино.

Ребенок в доме: от соски до велосипеда

Все, что касалось денежной стороны детства, сводилось во многом к нескольким нехитрым словам «прокормить–одеть–обуть». Конечно, были еще и игрушки, и всякие затраты на общественные воспитательные системы (обычно это были небольшие деньги), но главное – надо было заботиться о том, чтобы дитя было накормлено, обуто и одето.

С самого рождения (еще с роддома) начиналась беготня за дефицитными товарами. Надо было раздобыть:

- детскую кроватку (цена была не важна, чаще искали у знакомых; одна кроватка могла выдержать до десятка юных владельцев);
- пеленки (чаще просто покупалась ткань и нарезалась на квадраты, края подрубались на швейной машине; подгузники делали из марли, сложенной в несколько слоев, либо обходились старым, от времени ставшим совершенно мягким постельным бельем);
- соски и бутылочки (все надо было искать и доставать. В аптеках продавались простые соски, резиновая часть которых легко соскальзывала с кольца, угрожая попасть в горло малыша);
- распашонки и чепчики (это даже было обязательное задание на так называемых «трудах» – уроках в школе, посвященных шитью);
- пинетки и носочки (вязали сами);
- верхний трикотаж (вязали сами);
- ползунки и рубашечки (искали в магазинах);
- первые погремушки и резиновые куклы (можно было купить);
- манеж («загончик» для малыша);
- ходунки (для первых шагов);
- детский стульчик и столик (с шести месяцев);
- коляску.

Кое-что нужно было сразу, кое-что можно было отложить. Коляска, например, была предметом огромного дефицита, а для двойни можно было купить коляску только в «Детском мире» в Москве. В 1940-е гг. коляски изготавливались кустарными способами – выпиливались из досок, плелись из лозы.

▲ Девочка сидит у игрушечного пианино, фото 1970-х гг.
 ► Фото 1980-х гг.

Центральный Детский мир построили в Москве в 1957 г. – специально к Международному фестивалю молодежи и студентов, чтобы гости столицы могли своими глазами увидеть, что и в советской стране есть счастливое детство. Здание возвели на месте целого квартала. Автором проекта будущего магазина стал архитектор Алексей Дуткин.

С 1949 г. началось производство колясок по немецким образцам (низкая металлическая коляска). К концу 1960-х гг. производство колясок было поставлено на поток – теперь они были на металлическом каркасе, обтянуты клеенчатой тканью, похожи друг на друга как сестры. Появление отечественных прогулочных колясок-«зонтиков» тоже оказалось большим прорывом из дефицита. Проблема была в том, что распространение таких товаров в СССР не было равномерным. В одних городах были коляски, а в других – нет.

Одежда

Про однообразность и неудобство отечественной швейной продукции слагались легенды. В самом деле трикотаж мгновенно вытягивался, после первой стирки вещи безжалостно линяли, на локтях ткань истлевала, отутюжить ситцы и штапели было почти невозможно. К этому добавлялся общий весьма строгий (чтобы не сказать унылый) стиль шитья одежды.

Не случайно модницы всех возрастов стремились покупать импортные ткани (опять же – добывать, такова история свехмодного кримплена 1960-

х – начала 1970-х гг.), а шили все на заказ, в ателье, пользуясь журналами мод, но даже чаще – костюмами актрис в фильмах.

Однако важнее сказать о ценах. Норковую шубу в «Березке» можно было взять за 2500–3200 рублей (вернее, оплата шла по розничным ценам так называемыми сертификатами с синей полосой – «чеками», которые никогда не стоили на черном рынке по номиналу, а продавались втридорога, так что шуба приближалась по цене к машине).

Фарца, фарцовка – на бытовом жаргоне 1950–1970-х гг. в крупных городах занятие фарцовщиков – покупка, выменивание или выпрашивание у иностранцев предметов одежды, обуви и др. товаров для перепродажи или собственного употребления, а также сами эти товары и продукты (жевательная резинка, сигареты, напитки и пр.).

Фарцовщик – человек, обычно молодой, юноша, занимающийся фарцовкой.

Беловинский Л.В. «Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни»

Меховую шапку (хоть мужскую, хоть женскую) продавали от 35 до 180 рублей. Пальто можно было взять за 150 рублей, а трикотаж – от 25 до 100 рублей (смотря что). Обувь в среднем стоила от 25 до 50, а сапоги – в два раза дороже. Впрочем, импортная обувь всегда была значительно дороже отечественной.

Но в обычном магазине никакого разнообразия не было. Установились цены «на все» верхнее – от 70 до 140 рублей, на все «легкое» – от 15 до 50 рублей, а «мелочь» (чулки, носки, колготки) – от 1 до 10 рублей. Если что-то «выбрасывали», выстраивалась очередь, в хвосте которой иногда толком не знали, что давали, но стояли – очередь была знаком товара, а отсутствие очереди сразу сигнализировало о пустых полках.

В магазинах можно было раздобыть: майки и трусы «семейные»; носки трикотажные хлопчатобумажные; колготки отечественного производства; бюстгалтеры отечественных фабрик; комбинации (женское нижнее белье); кофты

▲ Чеки Внешпосылторга для покупок в «Березке».

▲ Чеки Внешпосылторга для покупок в "Березке".

и другой верхний трикотаж; штаны «трико»; женские и мужские костюмы отечественного производства; детскую одежду (крайне ограниченный ассортимент); пальто (драп и овчина). А вот список того, о чем мечтали и что доставали: дубленка; импортные сапоги и обувь; импортный трикотаж и костюмы.

К концу 1970-х гг. вся одежда отечественного производства перестала восприниматься, она выглядела настолько блекло рядом с импортными товарами, что (в основном) приобреталась от отчаяния, охотнее шла в сельской местности.

Талоны – на все

С середины 1980-х гг. повсеместно в СССР вводились талоны – иногда на некоторые группы продуктов, а иногда и на непродовольственные товары. Повсеместная практика введения талонов (в статистических сборниках конца восьмидесятых годов эта система названа «регламентированным распределением» с припиской, что причина – в нерадивости местных органов самоуправления) была ответом на общий кризис в стране. В сознании многих людей обывательски ухудшение жизни в начале 1980-х связывалось с проведением Олимпиады-80. Однако реального подтверждения этому найти не удавалось: все данные по Олимпиаде были засекречены.

Летние Олимпийские игры 1980 г. проходили в Москве с 19 июля по 3 августа 1980 г. Это были первые в истории Олимпийские игры на территории Восточной Европы, а также первые Олимпийские игры, проведенные в социалистической стране.

По предположениям аналитиков, Московская олимпиада вовсе не была «рекордсменом» по затратам и финансовым провалам. Тем не менее уже в 1981 г. талоны появились на всей территории СССР. В первую очередь это было нормированное распределение мяса (сосиски, фарш, «синие куры»,

ливер и тому подобное было «натурализатором» этих талонов, однако и эти-то сомнительные продукты не всегда удавалось «отоварить»).

Выражение «отоварить талоны» означало большую удачу. Цены на продукты держались примерно те же, что и всегда (инфляция была сдержанной), но самих-то продуктов не было. Для провинции магазин, полки которого сверху донизу были заставлены трехлитровками с надписью «Березовый сок» и банками консервов с морскими водорослями, был привычным, «нормальным» явлением. Не было перебоев с хлебом, солью, но даже подсолнечное масло периодически становилось дефицитом (впрочем, обходились без талонов). Следом за мясом в талоны попала водка (2 бутылки на человека в месяц), потом сливочное масло (200 г на человека в месяц), сахар (1 кг на человека), гречка (очень быстро она исчезла из продажи вообще), яйца (десяток на человека в месяц). Без талонов торговали молочными продуктами. Чтобы купить молока и сметаны, люди выстраивались в очередь к молочным магазинам за два-полтора часа до открытия. Очереди достигали 500 человек, и не всегда последним доставались хотя бы порванные бумажные треугольники молока (и уж точно никогда не доставалась сметана, кефир, при хорошем снабжении – ряженка; всего этого всегда было меньше, чем желающих купить).

Талоны представляли собой большие листы, на которых ставился штамп с наименованием товара, месяц реализации, иногда «норма», печать и подпись ответственного лица. «Простынь» с талонами на всю семью разрезали на квадратики и пытались в течение всего месяца превратить в продукты. Талоны обменивались населением – например, можно было масло и яйца менять на водку и т. п. Талоны становились чем-то вроде внутренней валюты.

В то же время были и провинциальные города, где талоны появились позже, уже в перестройку (повсемест-

▲ Юбилейные монеты

но на водку во время вырубki виноградников, потом и на сахар – практически сразу – в связи со всплеском интереса к самогонварению, даже в городских квартирах). Но в некоторых районах талоны были с 1970-х гг.

Иногда на талоне точно указывался магазин и дата, когда в магазин поступал этот товар. Люди прикреплялись к определенным магазинам, и шансов купить что-то в другом месте не было вообще.

Конечно, и в 1970-е, и в 1980-е гг. рынок процветал – «свободная торговля» фруктами, овощами, мясом, молоком. Но цены были высокими – невозможно было со средней советской зарплатой (не превышавшей 200 рублей) покупать на рынке продукты постоянно.

Спецраспределение продуктов было и тогда. Можно сказать, что в последние годы СССР спецбуфеты достигли совершенства – и в самой системе поставок туда дефицитных товаров, и в доступе к дефициту (внутри партийной элиты, разумеется, тоже существовала своя «табель о рангах»). Например, в Челябинском обкоме КПСС спецбуфет предлагал совершенно дефицитные маленькие творожные сырki с изюмом и ванилью, сервелат, шоколадные конфеты в коробках и шоколад в плитках, растворимый кофе, буженину, продававшуюся огромными «голова-

ми» и сделанную безукоризненно качественно. Нельзя было себе даже вообразить, чтобы такие товары вдруг появились в гастрономах и универсамах миллионного Челябинска.

В эпоху дефицита в стране ходили такие анекдоты:

1. Плакат на здании обкома: «Кто у нас не работает, тот не ест!».

2. У нас при коммунизме всего будет вдвое! – говорит обкомовский лектор.

А у нас? – спрашивают из зала.

3. Бог создал три качества – честность, ум и партийность, но никому не дал больше двух. Так что если человек умный и честный, то он беспартийный. Если он честный и партийный, то

он не умный, а если он умный и партийный, то он нечестный.

4. Будет ли воровство при коммунизме? Нет, все разворуют при социализме.

5. Богатый одессит приходит к директору московского мехового магазина и просит организовать ему норковую шубу для жены. Выясняется, что шуб нет.

– Тогда я покупаю две норковые шубы – одну своей жене, другую – вашей.

Это сразу решает вопрос.

Потом он приходит к администратору Большого театра и просит билет на вечерний спектакль. Билетов нет.

– Тогда я прошу десять билетов – один себе и девять вам!

Так он попадает в театр.

Назавтра он отправляется в Мавзолей. Но в этот день Мавзолей оказался закрыт. Он подходит к одному из неподвижно стоящих часовых и накалывает ему на штык сотню. Часовой спрашивает:

– Внутри пройдете или вам вынести?⁸⁹

▼ «Вперед, к победе коммунизма!»
В. Брискин, К. Иванов, 1955 г.

▲ Юбилейные монеты

Подделка государственных билетов преследуется законом

Долгий период обращения одних и тех же денег стал основой для их подделки. В СССР «фальшивомонетчиком № 1» называли Виктора Ивановича Баранова, бывшего шофера крайкома Ставропольского края (поговаривают, что возил самого Горбачева). История его ареста восходила к середине 1970-х гг., когда по всей стране стали обнаруживаться качественные подделки 50- и 25-рублевков. Их наибольшая концентрация была выловлена в Ставропольском крае. Специалисты Гознака, разобравшись с фальшивками, высказали уверенность, что все они изготовлены по одной и той же технологии. Баранова взяли на рынке во время размена фальшивых купюр достоинством 25 рублей. При нем была большая сумма денег, еще больше обнаружили в его доме. Нигде не работавший

человек купил машину, дарил жене дорогие золотые украшения, делал родственникам богатые подарки. Баранов скрывать от оперативников ничего не стал: прямо в сарае, приспособленном под «лабораторию», он показал, как специальным химическим составом наносил водяные знаки, как печатал купюру, как выставлял на ней номер специально сконструированным «нумератором», как потом «старил» деньги. Всего он изготовил 1249 25-рублевых банкнот и 46 50-рублевых на общую сумму 33 545 рублей. Сбыть успел 45 купюр по 50 рублей и 851 – по 25 на общую сумму в 23 525 рублей⁹⁰.

Художник-самоучка и изобретатель-новатор, Баранов считал подделку долларов ниже своего достоинства. «Делать их – все равно что кофе заваривать», – так любил говорить он следователям, предпочитая специализироваться только на советских купюрах.

Но уникальность Баранова-фальшивомонетчика как раз в том, что к подделке денег он отнесся как к поэзии, к творчеству. «Старые» деньги коллекционировал с детства, и художественное исполнение клише для фальшив-

ки рассматривал как верх мастерства. 25-рублевые купюры «от Баранова» отличить от настоящих было почти невозможно. Баранов получил 12 лет колонии, но и в то время, пока он отбывал срок, руководство советовалось с ним по поводу новых денег – достаточно ли хороша их защита. Баранов охотно делился своими знаниями, по материалам следствия сняли 6-часовой учебный фильм, где он объяснял оперативникам секреты подделки купюр и способы распознавания такой подделки.

Баранов вышел из тюрьмы в 1990 г. и сразу занялся новыми экспериментами – теперь по производству лаков и духов. Его технологии уникальны и неповторимы – как неповторим стиль «советского фальшивомонетчика».

Период «советской цивилизации» официально закончился в 1991 г., но деньги еще функционировали, поэтому история советских денег длиннее истории государства (как и «царских», имевших хождение в Советской республике более пяти лет после ее основания).

**ГЛАВА ПЯТАЯ.
ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД
1985–1993**

на съезде
«Известий»
А. Степанова

© РИА Новости

▲ Егор Тимурович Гайдар, исполняющий обязанности Председателя Правительства Российской Федерации.

№ 154 (22074)

После смерти Л.И. Брежнева и стремительной «пяtilетки похорон» к власти пришел М.С. Горбачев. Началась так называемая перестройка – отчаянные попытки преодоления финансового кризиса.

Если говорить о ситуации с деньгами, то аналитики дают самые разные точки зрения, которые и постараемся обобщить ниже – без претензий на истину в последней инстанции, но с пользой для прояснения картины.

Финансовый кризис

В 1982 г. впервые остановились реальные доходы населения (по словам Е.Т. Гайдара, статистика показала «ноль»). Правда, в статистических сборниках картина была более радужная.

К этой поре экономика СССР оказалась в растущей зависимости от нефти и сырьевого экспорта в целом. Доля энергоносителей к 1985 г. превысила половину доходов бюджета. Почему СССР наращивал сырьевую торговлю?

Это был один из немногих выходов пополнения валютных запасов (рубль был валютой неконвертируемой), необходимых для импорта товаров и погашения внешнего, неуклонно растущего долга. Не вдаваясь в подробности и политические детали, вспомним также, что была еще и серьезная ответ-

ственность перед странами социалистического лагеря, тоже оказавшимися должниками с растущим «минусом». Увеличивался и внутренний долг (а это уже предполагало инфляцию, эмиссию денег). Чтобы своевременно выплачивать зарплату, неизбежно приходилось «включать станок». Какое-то время инфляцию (благодаря плановым механизмам) удавалось сдерживать, однако обесценивание чувствовалось всеми. Физических объемов товаров на внутреннем рынке СССР было намного меньше, чем денежной массы у населения (0,14 на 1 рубль, то есть на каждый рубль было всего товара на 14 копеек). Образовался «пузырь» – обыватель понес свои денежки во вклады, опять началась охота (честно сказать, никогда особо не затухавшая) за «вечными ценностями» – драгметаллами и валютой. Сложились и предпосылки одновременно для возникновения частной собственности на серьезном государственном уровне и для высвобождения предпринимательской энергии («первоначальный капитал»).

Но обесценивание рубля стало началом кризиса. Золотом пришлось платить за внешний долг (согласно некоторым данным, от 2000 т к концу существования СССР осталось 200 т). Стало очевидно отставание во всех сферах (во многом еще и потому, что выработалась привычка скрывать недостатки – как уже говорилось, особенно очевидно это при сравнении показателей, приводимых в официальных отчетах). Заводы, когда-то (сразу после войны) оборудованные наскоро тем, что можно было найти, сейчас были безнадежно устаревшими. Закупаемое за границей дорогостоящее оборудование оказывалось никому не нужным и невостребованным. Попытки как-то преодолеть отставание (выражавшиеся то в повальном переучивании рабочих на «станки с программным управлением», то в задачах, ставящихся перед НИИ, – разработать новейшие технические приспособления для немедленной модернизации производства) – оказывались безуспешными. Многие из того, что производил Советский Союз в сфере «при-

▲ Юбилейные монеты

▲ Русский писатель, автор повести «Москва-Петушки» Венедикт Васильевич Ерофеев (1938-1990). Фото из журнала «Огонек» N 20, 1995 г.

боров и автоматов», оказывалось в плохом смысле слова «вне конкуренции».

Было несколько вариантов. Во-первых, закрыть обрабатывающие предприятия и гнать на Запад сырье. Но тогда могла увеличиться безработица – неслыханное при социализме явление (когда во всю шла борьба с тунеядством). Кроме того, закрыть заводы, имеющие славные традиции, овеянные военным прошлым, ставшие уже неким символом социалистической культуры, значило нанести удар по существенным точкам «самоидентификации», результат которого трудно себе представить.

Во-вторых, прибегнуть к мобилизационным методам – надавить на руководителей предприятий и через них на народ с целью увеличить производительность труда. Но невозможно было объяснить такой нажим – вроде бы все стабильно, нет войны, нет никаких провокаций со стороны «капиталистического лагеря». Да к тому же годы, так называемой ста-

бильности в некотором смысле развратили население – соцсоревнование превратилось в риторику (кто лучше отчитался, тот и молодец).

Яркая пародия на соцсоревнование дана у В. Ерофеева в повести «Москва – Петушки»:

«До меня наш производственный процесс выглядел следующим образом: с утра мы садились и играли в сику, на деньги (вы умеете играть в сику?). Так. Потом вставали, разматывали барабан с кабелем и кабель укладывали под землю. А потом – известное дело: садились, и каждый по-своему убивал свой досуг, ведь все-таки у каждого своя мечта и свой темперамент. Один – вермут пил, другой, кто попроще – одеколон «Свежесть», а кто с претензией – пил коньяк в международном аэропорту Шереметьево. И ложились спать.

А наутро так: сначала садились и пили вермут. Потом вставали и вчерашний кабель вытаскивали из-под земли и выбрасывали, потому что он уже весь мокрый был, конечно. А потом – что же? – потом садились играть в сику, на деньги. Так и ложились спать, не доиграв.

Рано утром уже будили друг друга: «Леха! Вставай в сику играть!» «Стасик, вставай доигрывать вчерашнюю сику!» Вставали, доигрывали в сику. А потом – ни свет ни заря, ни «Свежести» не попив, ни вермуту, хватали барабан с кабелем и начинали его разматывать, чтоб он до завтра отмок и пришел в негодность. А уж потом – каждый за свой досуг, потому что у каждого свои идеалы. И так все сначала.

Став бригадиром, я упростил этот процесс до мыслимого предела. Теперь мы делали вот как: один день играли в сику, другой – пили вермут, на третий день опять в сику, на четвертый – опять вермут. А тот, кто с интеллектом, – тот и вовсе пропал в аэропорту Шереметьево: сидел и коньяк пил. Барабаны мы, конечно, и пальцем не трогали, – да если бы я и предложил барабан тронуть, они все рассмеялись бы, как боги, а потом били бы меня кулаками по лицу, ну а потом разошлись бы: кто в сику играть, на деньги, кто вермут пить, а кто «Свежесть».

И до времени все шло превосходно. Мы им туда раз в месяц посылали соцобязательства, а они нам жалованье два раза в месяц. Мы, например, пишем: по случаю предстоящего столетия обязуемся поклониться с производственным травматизмом. Или так: по случаю славного столетия добьемся того, чтобы каждый шестой обучался заочно в высшем учебном заведении. А уж какой там травматизм и заведения, если мы за сикой белого света не видим и нас всего пятеро!

О, свобода и равенство! О, братство и иждивенчество! О, сладость неподотчетности! О, блаженнейшее время в жизни моего народа – время от открытия и до закрытия магазинов!

И вот тогда-то я ввел свои пресловутые «индивидуальные графики», за которые меня наконец-то и поперли.. Сказать ли вам, что это были за графики? Ну, это очень просто: на веленовой бумаге черной тушью рисуются две оси – одна ось горизонтальная, другая вертикальная. На горизонтальной откладываются последовательно все рабочие дни истекшего месяца, а на вертикальной – количество выпитых граммов в перерасчете на чистый алкоголь. Учитывалось, конечно, только выпитое на производстве и до него, поскольку выпитое вечером – величина для всех более или менее постоянная и для серьезного исследователя не может представить интереса.

Итак, по истечении месяца рабочий подходит ко мне с отчетом: в такой-то день выпито того-то

▲ Знак «Победитель социалистического соревнования 1980 года».

▲ Фото 1981 г.
▼ Рабочий.

УДОСТОВЕРЕНИЕ К МЕДАЛИ
«ВETERАН ТРУДА»

и столько-то, в другой – столько-то et cetera. А я, черной тушью и на веленовой бумаге, изображаю все это красивой диаграммой»⁹¹.

Венечкины «индивидуальные графики» и были лучшим «приговором» самой социалистической риторике – она истончилась, перестала хоть что-то значить, стала «игрушкой». В то же время – точно в соответствии с ее «игрушечным» статусом – таковой («игрушечной») стала и работа. Для огромного большинства советских людей труд превратился в некое «отбывание срока» на рабочем месте. Это отразилось в позднем социалистическом искусстве – не только в дышащих перестройкой «революционных» пьесах (например, «Протокол одного заседания» А. Гельмана, 1974 г.), но и, скажем, в «Служебном романе» Э. Рязанова, где показана работа отдела статистики (и пишется отчет «легонькой такой промыш-

ленности»), работники которого выполняют два важных действия – вовремя прибегают на работу и добросовестно сидят на рабочих местах до заветного часа ее окончания. Здесь не играют в сику (как в «Москве – Петушках»), зато занимаются макияжем, маникюром, сплетнями и общественной деятельностью. Из кинематографа и литературы образ трудоголика, искренне работающего просто потому, что ему нравится это делать, тогда почти исчез.

Подтверждение находим в повести В. Липатова «И это все о нем» (1974), где главный герой, Женя Столетов, разоблачал собственного начальника: тот намеренно утверждал заниженные нормы, чтобы все без труда их выполняли и перевыполняли. «Забастовка наоборот», устроенная Столетовым, это самоотверженный труд, моментально дающий такое перевыполнение нормы, что невозможно не заметить подлога. Неудивительно, что герой гибнет: уже понятно, что страна в целом приспособилась к такому самопаразитству и переходить к мобилизационным формам не собиралась.

Благодаря таким (и тысячам другим) нехитрым методам вся страна «выполняла и перевыполняла» свои обязательства. А значит, претендовала на премии, льготы, выплаты и прибавки. Экономика оказалась заложницей этой двойной риторики.

В записке министра финансов В.А. Раевского от 18 ноября 1991 г. приводились следующие цифры:

«За последние годы состояние денежного обращения страны серьезно ухудшилось. Начиная с 1988 г., возрастал разрыв между доходами и расходами населения, что привело к значительному увеличению выпуска денег в обращение:

Эмиссия денег, млрд рублей, включая остатки касс банков и предприятий

1986	1987	1988	1989	1990	1991 (10 мес.)
3,9	5,9	11,7	18,3	28,4	93,4

Расчеты показывают, что при сохранении сложившихся тенденций роста денежной массы в обращении она составит 130–140 млрд руб-лей против 28 млрд рублей в прошлом году. Это повлечет за собой [...] ухудшение ситуации в денежном обращении, фактическое ухудшение потребительского рынка»⁹².

Как говорится, печатные станки по выпуску денег работали бесперебойно, 24 часа в сутки. Деньги обесценивались на глазах. Главное – на эти деньги ничего нельзя было купить.

В записке В.А. Раевского дефицит наконец обрел конкретные числовые черты.

Соотношение денежных накоплений населения (средств во вкладах, в облигациях, наличных деньгах) с наличием товарных запасов в торговле и промышленности в последние годы систематически снижалось.

На конец года в млрд рублей»⁹³:

	1970	1980	1985	1990	1 окт. 1991
Денежные средства населения (вклады, наличные бумаги, ценные бумаги)	73	228	320	568	865
Товарные запасы в торговле и промышленности	45	67	98	72	124
Товарные запасы на 1 рубль денежных средств (коп.)	0,62	0,29	0,30	0,13	0,14

Как видим, количество товаров (их физический объем, выраженный в стоимости) с 1970 г. увеличилось почти в три раза, а денежные доходы населения за тот же период – почти в 13 раз.

Вывод В.А. Раевского: «Учитывая, что большая часть товаров постепенно распродается, практически можно считать, что рубль не имеет на сегодня товарного обеспечения»⁹⁴.

▲ Медаль «70 лет Великой Октябрьской революции», 1987 г.

▲ Медаль «В честь 150-летия Министерства финансов СССР», 1968 г.

Сокращение государственных расходов было неизбежным. Е.Т. Гайдар вспоминал: «В конце мая 1992 г. меня пригласил президент РФ Б.Н. Ельцин. Он сказал примерно следующее (повторяю по памяти): “Егор Тимурович, мы резко сократили военные расходы, государственные инвестиции, дотации сельскому хозяйству, расходы на науку, образование, здравоохранение, культуру. Скажите мне, где теперь база нашей политической поддержки?” Сказал, что ответа не знаю»⁹⁵.

Немалую роль в сохранении стабилизации сыграла гуманитарная помощь – были отгружены тысячи тонн медикаментов, продовольствия, одежды.

Но несомненно, что в это критическое время началось мародерство уровня страны. Прежде всего предприятия, получив относительную свободу, пошли по пути самостоятельного бизнеса, диктующего приоритеты «быстрой прибыли». За границу валом потекло сырье и вторсырье (от алюминиевых мисок до ценных металлов).

Частная собственность как она есть

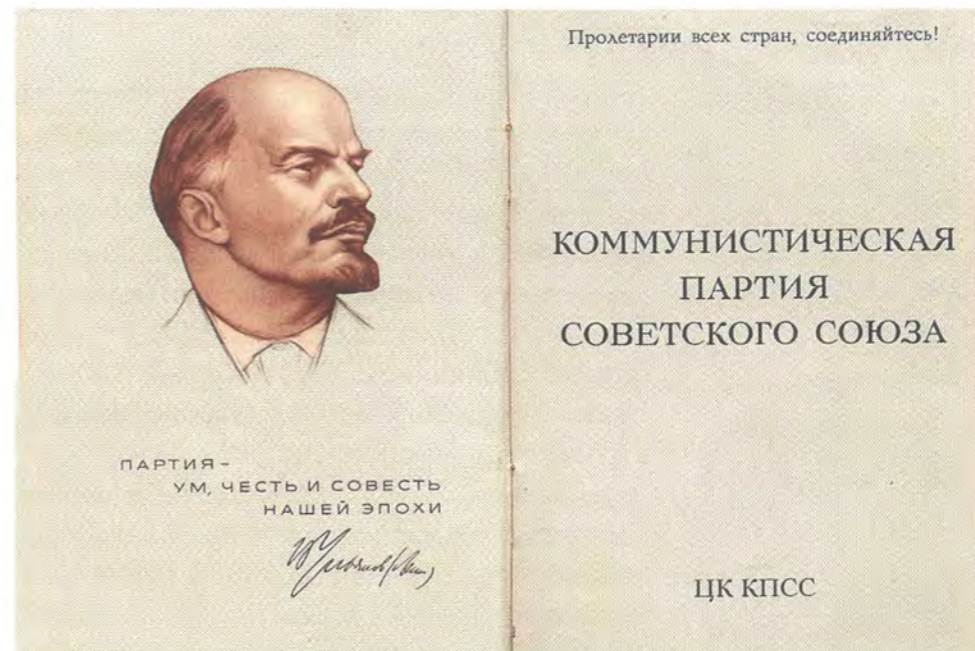
Основные законы, принятые на волне перестройки, направлены были на высвобождение личной активности – стимулируемой возможностями получения доходов, которые иначе как «частный капитал» и не назовешь. Замысел горбачевского правительства был ясен: «частник» должен был

наполнить прилавки товарами и продуктами, а это в условиях разбалансировки всей системы и было самое главное. Идеиная платформа возврата частной собственности – «социализм с человеческим лицом». Две другие платформы – коммунизм и капитализм – тоже все время присутствовали в общем пространстве «нового строительства», и принятие новых постановлений совершалось на перекрестке всех трех идей.

В 1986 г. был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» (вступил в действие в 1987 г.), а также «О кооперации в СССР» (1987). Оба эти закона стали стимулом не только для реальных кустарей-мастеров, но и для «со-

▲ Приватизационный чек Российской Федерации.

юза» частной и государственной собственности: фактически кооперативы могли быть инструментом по перекачиванию государственной собственности на черный рынок, где продать все это можно было намного выгоднее, чем по фиксированным государственным ценам. Расцвет кооперативов второго типа (не производящих что-то новое – услуги или товары – но распределяющих по-новому материальные блага в условиях тотального дефицита) привел и к росту преступности. Фактически трудно было теперь разорвать связку предприниматель – «крыша», и все были повязаны круговой порукой, основой которой стал передел богатств.

На Украине был искусственно создан дефицит зубной пасты, которую выпускал Харьковский парфюмерный завод. Кооператоры заключили контракты по дистрибуции пасты, скупили полностью всю продукцию – а потом выбрасывали на черный рынок по цене 2–3 рубля против 40–80 копеек государственных цен. Все это было абсолютно законно – и никак невозможно было применить санкции к таким компаниям. Возникла ситуация, когда обогащение отдельных лиц сопровождалось массовым усугублением самой экономической ситуации, которая и так была нездоровой: дефицит не только рос, но и становился управляемым, только если ранее это были издержки плановой экономики и общая апатия труда в СССР, то теперь это был вполне реальный механизм перекачки денег.

Производство (чего бы то ни было) меркло по сравнению с простой продажей сырья за рубеж. Возникновение так называемых совместных предприятий (с иностранным участием) создавало возможность продажи под видом отходов производства целых вагонов ценного сырья. Такое «обогащение в отдельно взятом кошельке» сопровождалось безумной инфляцией и ослаблением всех социальных институтов – вместе взятых и каждого по отдельности.

По мнению Е.Т. Гайдара, хрущевский XX съезд знаменовал собой переход к стабильному обществу, где в первую очередь совершенно неприкосновенна жизнь партийной номенклатуры. А как только эта безопасность стала очевидной, возник вопрос собственности: «Началось личное накопление. Оно было слишком скромным, чтобы называться первоначальным, но это было предпервоначальное накопление. У определенных категорий граждан накапливались уже не предметы потребления, а капиталы, пока не имеющие "выхода", приложения. Номенклатура, торговые работники, теневики, генералы ВПК, отдельные преуспевающие работники искусств – вот хозяева первичных предкапиталов. Впрочем, не так уж эти предкапиталы были скромны; например, по свидетельству А.С. Черняева (помощника Горбачева), в 1986 г.

у председателя Союза писателей СССР Г. Маркова было состояние около 14 миллионов рублей (по покупательной способности 1994 г. – примерно 40–50 миллиардов рублей. Думаю, что даже сегодня таким личным капиталом не многие могут похвастать...)»⁹⁶

Легальные миллионеры

Кроме таких скрытых миллионеров, как Г. Марков, были и настоящие «капиталисты», получившие баснословный доход с самого начала деятельности кооперативов. Первым, кто попал в публичное пространство (попросту выступил в популярной в начале перестройки программе «Взгляд»), был Артем Тарасов. Причиной его выступления было желание оградить себя от преследований. Из рассказов самого Артема Михайловича следует, что возможность заниматься предпринимательской деятельностью в СССР (а потом в России) всегда сопровождалась опасностью расправы. Начали они с ремонта стиральных машин и «бюро знакомств» (дали объявление – и уже на следующий день получили 3,5 тысячи взносов по 25 рублей – при средней зарплате 200 и даже меньше), но уже через 6 дней им предписали все это свернуть – и они рассылали деньги неудавшимся брачующимся. Интересно, что, вспоминая те времена, Тарасов рассказывал, что первый кооператив создавал вместе с «совершенно криминальным типом» по фамилии Раджабов, который, прочитав постановление «О кооперативах», в страшном возбуждении прибежал к Артему с криками: «Разрешили легально деньги воровать!»⁹⁷

Когда «бюро знакомств» провалилось, подвернулась другая идея: пришли программисты и объяснили, что нет инструмента для торговли компьютерными программами, а они очень нужны. Тарасов из Академии наук притащил талантливых программистов – и миллионы потекли. Потом надо было компьютеры на суда устанавливать. В результате на счету коопе-

ТРУДОВАЯ
КНИЖКА

ратива «Техника» накопилось 79 миллионов рублей. И тут новости от правительства – кооперативам в месяц разрешат тратить только 100 рублей («на скрепки»). Это было губельно для всех заключенных контрактов (надо было платить грузчикам в порту – не скрепками же). И тогда Тарасов принял решение выплатить руководству кооператива огромные зарплаты, уплатить с них налоги, положить наличку в сейф и расплачиваться ею с контрагентами (денег хватило на целый год). Тарасов уплатил 180 000 рублей на налоги, а его заместитель – поскольку был членом КПСС – 90 тысяч партийных взносов с зарплаты «за январь 1992 г.» в размере трех миллионов. Нигде в законе о кооперативах никак не лимитировалась заработная плата – этим и воспользовался кооператив «Техника». Но вслед за скандальными выплатами прилетела и расплата – сразу запахло тюрьмой. Собственно, именно поэтому Тарасов и участвовал в программе «Взгляд». Обошлось без тюрьмы, но ощущение нелегальности этой деятельности все равно оставалось. Интересно, что сам Артем Тарасов всегда чувствовал себя человеком советской закалки. Вот фрагмент из его интервью:

«– Да уж, в те годы деньги лежали буквально на земле – стоило лишь нагнуться. Вот только потратить их было не на что. Скажите, ваша жизнь сильно изменилась после того, как стали миллионером?»

– В Советском Союзе все жили плохо. И я продолжал плохо жить, даже при тех огромных деньгах. Я не купил квартиру, жил в прежней – с двумя смежными комнатами. Я не купил дачу. Какая дача – я занят, не до того! Мой зам – тот хитрый был и умный, он начал скупать антиквариат. Потом приобрел соседнюю на лестничной клетке квартиру, пробил дырку в стене. Спрашиваю его как-то: «Для чего тебе пять комнат? С ума сошел! У тебя жена, двое детей – и пять комнат!»... И большинство людей, которые начали тогда зарабатывать деньги, продолжали жить с советским менталитетом. «Новые русские» появились позже, когда Союз уже развалился и можно было швыряться деньгами абсолютно легально. Мы же ничего такого себе не позволяли, не покупали яхты, виллы. Попросту не умели тратить, не знали, как это делается. Зарабатывать уже научились, а тратить – нет. Помню, Внешторгбанк выдал мне золотую карточку Visa за номером три. Номер один был у Горбачева, номер два – у Раисы Максимовны. И я пошел в магазин «Березка», и по этой карточке, непонят-

▲ Здание редакции газеты «Известия», 1938 г.

да съездом
ов «Известий»
А. Станована

но как, купил огромный холодильник. Это было чудо какое-то!⁹⁸»

Но «новые русские» – это уже за рамками разговора о советских деньгах. Артем Тарасов как раз и показывал, что советскими были не только деньги, но и отношение к ним – непонятно было, как тратить что-то превышающее средние зарплаты, если угодно, сама жизнь на широкую ногу была чем-то странным («наши люди в булочную на такси не ездят»), если не сказать стыдным.

В 1990 г., например, кооперативная деятельность нашла сочувствующих. Спецкор «Известий» И. Круглянская в статье «Жернова, или О том, как работает система, перемалывающая зерна экономической реформы» развила метафору «зерен» из новогоднего обращения Горбачева. В статье рассказывалось несколько историй о трудной судьбе советского капитализма. Вступление статьи подобно притче: «Было время открывать кооперативы, а сейчас, похоже, время их закрывать». Так, районный исполком в Краснодаре закрыл кооперативное кафе «Французская кухня». Это кафе строили два года, облагородили подвал столетнего дома, хотели дом перестроить в гостиницу, а для жильцов выстроить новый, а то у людей в этом старом доме общий туалет – один на этаж. Но все же исполком потребовал кафе закрыть. Основной аргумент администраторов: людям есть нечего, а у них там подают крем «мари-луиз»... Спецкор отмечал, что, кроме элитного ресторана, кооператоры открыли кафе для молодежи и круглосуточную столовую, удобную для этого района. Кооператив выкупил также коровники, парник под шампиньоны, построил свою коптильню. И все же исполком решил все эти объекты закрыть и деятельность кооператива прекратить через неделю после открытия кафе⁹⁹.

Вторая история рассказывала о том, как в том же Краснодарском крае закрыли кооперативную мельницу «Бейсуг». Но кооператив не подчинился и продолжил работу. Местная печать поддержала кооператоров: «Ну не фантастика ли? Создавали дело несколько человек, а сколько гробят его? Вся государственная машина против мельницы. Председатель исполкома Краснодарского края на втором съезде назвал кооператоров проходимцами, эксплуататорами, контрой: «Не из того мы, большевики, теста сделаны, чтобы каждая контра на колени нас могла ставить!» <...> Так что работают жернова. Но и мельница работает»¹⁰⁰.

©Evgeny Eremeev/Shutterstock.com

▲ М.С. Горбачев.
▼ Б.Н. Ельцин.

Факты, собранные в статье, были призваны доказать: кооператоры – будущее, надежда, им надо помогать, они смогут обустроить страну. Кроме того, информация о том, что запрещенная мельница работала, выступала в качестве рецепта для других кооперативов, которые оказывались под ударом местных властей. Защита отнимаемой государством собственности как единственное средство борьбы с изжившими себя формами хозяйствования могла рассматриваться как еще одна инициатива снизу. Такой «саботаж наоборот» – тоже своего рода адаптация к изменившимся условиям су-

ществования, а сам факт продолжения работы кооперативной мельницы после официального запрета показывал, что власть перестала быть властью и не имела достаточных сил для того, чтобы контролировать исполнение своих же решений. Именно в вопросе о собственности и новых (капиталистических) формах хозяйствования очевидны те тенденции, которые нельзя было задавить и оставалось лишь законодательно оформить¹⁰¹.

Выживание

Конец 1990 г. был ознаменован тяжелым состоянием не только в экономике, но и в жизни всех граждан СССР. Было очевидно, что перестройка вела к пропасти, и не получалось зацепиться за какой-нибудь позитив.

15 ноября 1990 г. правительство СССР под руководством Н.И. Рыжкова административно повысило цены, назвав это «отпусанием». Как верно заметил Б.Н. Ельцин, этот путь вел к коллапсу экономики, усилив тенденции к «бегству» союзных республик. В конце ноября Верховный Совет поставил президенту ультиматум: М.С. Горбачеву было предложено в двухнедельный срок принять решительные меры по наведению порядка в экономике. Через четыре дня Горбачев обнародвал Указ об усилении рабочего контроля в целях наведения порядка в хранении, транспортировке и торговле продовольствием и товарами народного потребления.

Открылся чрезвычайный IV Съезд народных депутатов СССР. На нем депутат от КПСС С. Умалатова предложила выразить недоверие президенту. «Все, что мог, Михаил Сергеевич сделал: развалив страну, столкнув народы, великодержавную страну пустил по миру с протянутой рукой»¹⁰². Но слова

©David Fowler/Shutterstock.com

С. Умалатовой депутатами восприняты не были. Многие интуитивно ощутили (или осознали в результате размышлений), что в разворачивающейся игре Горбачев уже не решающая фигура. При массовом разбегании люди, кажется, уже мало обращали внимание на протесты аналитиков, предупреждавших о катастрофических последствиях курса правительства: «Наша страна впервые подошла к тому рубежу, за которым лежит экономический хаос. Дефицит составит 250 млрд. А это сигнал приближающейся катастрофы, для описания последствий которой у нас не хватает слов. Поток пустых денег затопит нас, разрушив экономику окончательно»¹⁰³.

«Московские новости» называли продовольственный кризис следствием саботажа, а «Советская Россия» призывала КПСС стать «партией диктатуры порядка».

«Известия» напечатали эссе известного писателя, автора повести «А зори здесь тихие» Бориса Васильева о современном состоянии России: «Все в совокупности – разворовывание государства от фирмы “Океан” до горстки шурупов; матерщина, ставшая средством общения не только на наших улицах, но и в кабинетах властей всех рангов и даже в армии; агрессивность, породившая общегосударственное хамство от магазина до учреждения; зависть, уже материализуемая в ненависть к кооператорам, арендаторам и вообще всем тем, кто живет лучше; массовое неуважение к женщине, к старости, к слабости, к инвалидам войны и Афганистана – создает осязаемый всей страной, всем народом уголовный фон повседневного бытия <...>. Приходится с глубокой горечью признать, что духовная мощь России погибла»⁹⁶.

Розничная цена в России и странах СНГ – доллар

Австрия	0,2	0,25	Дания	2,00	0,25
Бельгия	0,75	0,50	Нидерланды	1,00	0,50
Великобритания	1,10	0,75	Финляндия	1,00	0,50

▲ Удостоверение к медали и медаль «воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

Часть населения, несмотря на неразбериху, продолжала жить по законам, завещанным отцами, то есть советским. 25 октября 1990 г. в газете «Советское село» было напечатано стихотворение Альфреда Пряникова:

А за поселком у ракии веселых
К земле стремглав планируют стрижи.
И вновь директор к зданию новой школы
Спешит взглянуть – растут ли этажи?
Душа звенит, играя каждой стрункой,
Как дышится спокойно и легко!
На сонной ферме белопенной струйкой
Ударилось в бидоны молоко¹⁰⁴.

За этим стоит самая распространенная адаптивная реакция второй половины 1990 г. – закрыть глаза на все перемены, создать себе условный неизменный мир, тем самым сохраняя устойчивость реакций и ощущение стабильности.

Другие выбрали идеологическое сопротивление переменам. В таком случае признавались и перемены, и сложность условий жизни, однако в противовес этому выдвигалось чувство гордости за советский режим, отражающее модели поведения, зафиксированные в стихах Маяковского («у советских – собственная гордость...»). В таком случае врагом оказывался новый строй и его представители, которые объявлялись «буржуями».

Так, в Свердловске 8 октября 1990 г. началось всеобщее обсуждение проекта смены названия города – за возвращение исторического имени Екатеринбург. Противники переименования апеллировали к чисто «хозяйственному» возмущению («Что, не знаете, куда миллионы потратить?», «Людам и так есть нечего!» и т.п.). Развернутая мотивировка высказана в письме читателя газеты «Рабочее слово» М.С. Х-ова. Он отмечал, что не понимает, какая именно Екатерина будет увековечена в названии, но точно знает, что одна из них продала Аляску, а другая известна своим легким поведением. «Наша семья против, чтобы любимый Свердловск получил имя какой-то проститутки». Какая именно Екатерина «продала Аляску», неизвестно (Аляс-

ка была продана США в царствование Александра II); кроме того, жена Петра I Екатерина Алексеевна (впоследствии императрица Екатерина I), в честь которой город был назван в 1723 г., «легким поведением» известна не была. Но значимо то, что «политическое» тоже «монетизировалось» – переименование рассматривалось как «пускание денег на ветер».

Другой пример отторжения новой реальности – рассказы о поездках за границу. Путешественники вновь открывали для себя мир после десятилетий закрытости – под обширные путевые очерки, газеты отдавали иногда несколько «подвалов» так как интерес к другим странам был очень велик. Реакция жителя российской провинции на такие статьи была разнообразной. К примеру, на заграничное продуктовое изобилие такая: «Хорошо вам готовить пищу при таком выборе. А вот вы попробуйте из одной серой вермишели так приготовить, что пальчики оближешь!»¹⁰⁶

Иные россияне полностью отреклись от прежних идеалов, честно признали ошибки и покаяние. Избавление от прошлого позволяло человеку приспособиться к среде по правилам, игнорирующим прежние идеалы как иллюзии. Так, «Златоустовский рабочий» 7 ноября на полтора полосах напечатал поэму Владимира Сулова «Сказ без прикрас о партийных вождах и немножко о нас: точка зрения». Поэма прерывалась фрагментами статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», речи Н.С. Хрущева на XXII съезде партии и др. Содержание поэмы – горько-ироничное и ерническое пересказывание истории КПСС и Советского Союза. Автор ощущал вовлеченность всех в одно общее деяние. Единственный выход – разрыв этой дурной бесконечности, отказ от надежд на возвращение социализма в любом обличье. Анализируя современную ситуацию, автор замечал:

▲ Банкноты 1 и 3 рубля образца 1991 г.

▲ Банкноты 5, 10 и 50 рублей образца 1991 г.

Все испробовали в жизни,
Все как есть, ни дать ни взять.
И чего на коммунизме
Нас заклинило опять?¹⁰⁷

Очевидно, что этот пассаж продиктован прочно витающими в воздухе идеями «возврата к прошлому» (под прошлым подразумевалась советская административно-командная система). «Зацикленность на коммунизме» – это тактика выживания, которую автор поэмы осознавал как всеобщую, а потому опасную. Поэтому задача его была в предотвращении такого возврата, попытке остановить людей, заставить их взглянуть на прошлое без идеализации и приукрашивания.

Поэма завершалась решением поэта отдать эту книгу кому-нибудь,

Чтобы он, к такому чтиву
Проявляя интерес,
Знал, что лучше детектива
Краткий курс КПСС¹⁰⁸.

Такое поведение можно было бы прокомментировать как надежду на изгнание коммунистической идеологии из общества (если убрать всех коммунистов и перестать надеяться на них, то можно чего-нибудь добиться).

Но самым распространенным и массовым поведением было полное исключение из жизни политических тревог и «проклятых вопросов бытия» и сосредоточение на физическом выживании. В связи с кризисом табачных изделий люди задумывались о прекрасном поводе бросить курить, воспользовавшись этим дефицитом. «Златоустовский рабочий» выпустил в декабре приложение под лозунгом: «Ни слова о политике!». Первый раздел приложения – «Обед из того, что есть». Редактор отмечал, что раньше журналисты газеты стремились рассказать читателям об интересных рецептах иностранной кухни, объясняли значение неизвестных слов – например, «брокколи» или «авокадо», а теперь «дай бог, как говорится, такие слова, как молоко, мясо, сахар не забыть». Поэтому читателям предлагались рецепты только из тех продуктов, которые они могли раздобыть.

Морковный торт. «Состав: 2 стакана моркови, натертой на крупной терке, 200 г маргарина, 1 стакан сахара, 1-2 яйца, муки – сколько возьмет (зависит от сочности моркови). Приготовление: разотрите сахар с яйцами. Растопите маргарин. Смешайте все продукты, замесите тесто, но не крутое. Испеките три-четыре коржа, смажьте их сметанным кремом или вареньем. Морковь вы не узнаете».

Салат из сырого лука к новогоднему столу: «Одна луковица средних размеров, большое яблоко или средний соленый огурец, лимонный сок по вкусу, 3 столовые ложки подсолнечного масла (или 5 ложек сметаны), половина чайной ложки горчицы»¹⁰⁹.

▲ Банкнота 100 рублей образца 1991 г.
▲ Банкноты 200 и 500 рублей образца 1992 г.

Судьба денег

Таким образом, к концу 1990 г. было ясно, что деньги в условиях инфляции «дышат на ладан» и ждут реформы. Купить на них ничего было нельзя. Собственно, дефицит товаров сопровождался ожиданием перемен. Павловская реформа стала совершенно неожиданным ответом на эти ожидания. Суть ее была конфискационной – изъять у населения излишки денег, которые многие предпочитали хранить в крупных банкнотах (100 и 50 рублей), а заодно нанести удар и по вкладам, поскольку накопления там росли прямо пропорционально необеспеченному росту доходов (деньги просто некуда было потратить). Подписанный Горбачевым указ о реформе был зачитан в 21:00 по московскому времени 22 января 1991 г., когда торговые операции совершать было просто физически негде. На обмен отведено было трое суток (23, 24 и 25 января, со среды по пятницу). Обмен 50- и 100-рублевых банкнот 1961 г. производился на банкноты 1991 г. один к одному, однако обменять можно было только 1000 рублей. Вклады оказались заморожены (снимать можно было не более 500 рублей в месяц). В одночасье миллионы советских людей лишились всех своих сбережений (многие из которых составлялись десятилетиями, на счетах было по 30–50 тысяч рублей). Впрочем, сторели и меньшие вклады: впереди всех ждала мощная инфляция.

Как всегда, население проявило сметливость и изобретательность. Во-первых, информация о реформе все же гуляла в народе в виде слухов, и многие успели снять деньги и «конвертировать» их во что-нибудь более надежное. Те, кто услышал о реформе только в программе «Время», кинулись на улицы разменивать «опасные» купюры (у таксистов, в ночных ларьках – пользуясь тем, что там люди еще не знали о «беде»). Наконец, массовым стало такое действие, как покупка дорогих билетов в самолеты и поезда на много дней вперед (чтобы потом билет сдать и получить деньги уже «новыми»).

Так или иначе, но огромные очереди в сберкассy по обмену купюр стали знаком отчаяния. Обмен официально преподносился как сознательное действие советских людей против фальшивок, которыми заполнял СССР якобы Запад с разрушительными целями.

На самом деле общая ситуация советского рубля была кризисной.

В это время на территории СССР имели хождение безналичный рубль, наличный внутренний рубль, наличный инвалютный рубль (в 4,6 раза больше внутреннего рубля), переводной рубль системы СЭВ, сертификатные рубли Внешэкономбанка, бонь союзного Минморфлота. На рубеже 1990-х гг. внутренний рубль стоил всего 42 копейки 1961 г.

После реформы неизбежно началась гиперинфляция. 1 доллар официально приравнивали к 99 рублям. Но на черном рынке цена сразу подскочила до 340 рублей за доллар. Вместо 20 миллиардов «по плану» акция обмена дала ровно половину этой суммы. 2 апреля 1991 г. цены официально были подняты в три раза (в том числе на жилищно-коммунальные услуги). Одновременно шли перебои с зарплатой. Ситуация, конечно, не была такой страшной, как в первые годы советской власти, но для условий безвоенного времени все равно оказалась крайне тяжелой.

Появились деньги образца 1991 г. с советской символикой, в том числе невиданные с давних времен 200, 500, 1000 рублей.

В 1992 г. они были перевыпущены – все с теми же знаками и символами СССР, хотя и измененным дизайном (на купюрах крупного номинала исчез профиль Ленина – он был заменен абстрактным «розаном»). Но выпуск 1992 г. стал последним выпуском советских денег. Далее уже шла трудная история денег российских. В 1993 г., летом, было произведено изъятие советских денег с одновременной деноминацией. Рубли остались – пережив очередной строй и очередную «приставку» – «советские», теперь они стали российскими рублями.

▲ Банкнота 1000 рублей образца 1991 г.
▲ Банкнота 1000 рублей образца 1993 г.

▲ Банкноты 100, 500 и 5000 рублей образца 1993 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советские деньги за 70 лет советской власти прошли славную историю. Прежде всего они доказали преемственность национального рубля: «катенька» и «петенька» (старые царские деньги) как раз и были основой цвета, фактуры, самих рисунков на банкнотах новой власти. Эта игра цвета, номиналы купюр почти не менялись – за исключением периодов инфляции и эмиссии, когда появлялись невиданные и неслыханные номиналы и изображения. С другой стороны, деньги в СССР всегда были меньше, чем деньги в любой стране капиталистического мира. Материальное богатство имело двойную социальную символику: это была мечта всех и одновременно объект ненависти и готовности «крушить», если богатство такое обнаруживалось у другого. Так формировались двойные стандарты. Но в обычной жизни простого советского человека деньги скромно работали на повседневность: превращались в бутылку молока и батон белого хлеба, в стакан газировки на улице и обед в заводской столовой. И сегодня можно увидеть десятки сайтов, где собираются «дети СССР» – те, чье детство пришлось на последний период существования этой страны. Они с удовольствием вспоминают, что сколько стоило и что почем можно было купить. Именно последний период – стабильный и более-менее одинаковый для всей страны – и стал знаком всего «советского», поводом для ностальгии и коллективного переживания «золотого века», ушедшего в прошлое навсегда.

Розничная цена в России и странах СНГ – свободен

Австрия	0,1	12,00	Дания	20,0	12,00
Бельгия	0,1	12,00	Германия	1,00	12,00
Великобритания	1,10	12,00	Нидерланды	2,00	12,00

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ЦА ФСБ РФ т. 25 л. д. 2–4
- 2 См.: Тишкина А.В. Товары и цены советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. № 6 (10), 2008. С. 92.
- 3 Цит. по: Тишкина А.В. Товары и цены... С. 89.
- 4 Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 2005. С. 145.
- 5 Цит. по: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- 6 Борисов К. 75 дней в СССР. Впечатления. Берлин, 1924. С. 13.
- 7 Маяковский В.В. Клоп // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 11. М., 1958
- 8 В соболином царстве // Советская Сибирь. 7 мая 1924.
- 9 Цит. по: Иванова Н. Ностальгическое // <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano006.html>
- 10 Цит. по: Иванова Н. Ностальгическое // <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano006.html>
- 11 Рыбаков А. Н. Выстрел. М., 1977. С. 429.

- 12 Обзор политического состояния СССР за ноябрь 1925 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 3.
- 13 Обзор политического состояния СССР за ноябрь 1925 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 3.
- 14 Обзор политического состояния СССР за сентябрь 1928 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно»... М., 2004. Т. 6.
- 15 Обзор политического состояния СССР за декабрь 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно»... М., 2003. Т. 5.
- 16 Обзор политического состояния СССР за декабрь 1925 г. // «Совершенно секретно»... М., 2002. Т. 3.
- 17 Обзор политического состояния СССР за май 1928 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно»... М., 2004. Т. 6.
- 18 Постановление бюро Молдавского обкома КП(б)У «О борьбе с детской беспризорностью и бродяжническим элементом». 11 мая 1933 г. // Голод в СССР 1929–1934. М., 2012. Т. 2. С. 708–709.
- 19 Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930 годы. М., 2008.
- 20 Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930 годы. М., 2008.
- 21 Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930 годы. М., 2008.
- 22 См.: Бриллианты от диктатуры пролетариата // «Совершенно секретно». 1 сентября 2012. № 9/24. <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3345/>
- 23 Жирнов Е. Дело об отъеме золота у народа // «Коммерсантъ Деньги». 2 апреля 2012. № 13. С. 59.
- 24 Бриллианты от диктатуры пролетариата.
- 25 Цит. по: Жирнов Е. Дело об отъеме золота у народа // «Коммерсантъ Деньги». 2 апреля 2012. № 13.
- 26 Цит. по: Кончин Е. Московские тайники. О сокровищах, найденных в одном из юсуповских дворцов в 1925 году // «Московский журнал». Февраль 2000. № 2.

- 27 Цит. по: Бриллианты от диктатуры пролетариата.
- 28 Из выступления И.В. Сталина. Стенограмма Апрельского (1929) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). 22.04.1929 // Голод в СССР. 1929–1934 гг. М., 2011. Т.1.
- 29 Из выступления И.В. Сталина. Стенограмма Апрельского (1929) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). 22.04.1929 // Голод в СССР. 1929–1934 гг. М., 2011. Т.1.
- 30 Спецсводка № 13/р СОУ ОГПУ и ИНФО ОГПУ о важнейших моментах отрицательного характера по промпредприятиям и рабочим районам Советского Союза. 16 марта 1930 г. // «Совершенно секретно»... М., 2008. Т. 8., ч. 1.
- 31 Спецсводка полномочного представительства ОГПУ по БССР «О ходе торговли хлебом по коммерческой цене в г. Минске» по состоянию на 29 июня 1933 г. 2 июля 1933 г. // Голод в СССР. Т. 2.
- 32 Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Роковые яйца. Собачье сердце: Роман. Повести. М., 2005. С. 615.
- 33 Спецсводка № 29 ИНФО ОГПУ о перебоях в снабжении промрайонов и городов Московской области (на 15 сентября 1930 г.). 9 октября 1930 г. // «Совершенно секретно»... М., 2008. Т. 8., ч. 2.
- 34 Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 2003. С. 177
- 35 Обзор политического состояния СССР за сентябрь 1928 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно»... М., 2004. Т. 6.
- 36 Из выступлений И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и В.М. Молотова на июльском пленуме ЦК ВКП(б). 9–10 июля 1928 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 1999. Т. 1.
- 37 Обзор политического состояния СССР за сентябрь 1928 г.
- 38 Обзор политического состояния СССР за ноябрь 1925 г. // «Совершенно секретно»... М., 2002. Т. 3.
- 39 Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930 годы. М., 2008.
- 40 Из выступления секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Московского горкома ВКП(б) В.М. Молотова. Стенограмма Апрельского (1929) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). 19.04.1929 // Голод в СССР. Т. 1.

- 41 Телеграмма И.В. Сталину из Усть-Каменогорского района Семипалатинского округа Казахской АССР о голоде с просьбой о помощи. 29.06.1930 г. // Голод в СССР. Т. 1.
- 42 Спецсообщение секретно-политического отдела ОГПУ СССР о доведении до самоубийства члена коммуны. 13 июня 1933 г. // Голод в СССР. Т. 2.
- 43 Цит. по: Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // http://scepsis.net/library/id_459.html
- 44 Из письма врача Звенигородской районной больницы П. Блонского наркому здравоохранения УССР С.И. Канторовичу о положении в районе в связи с голодом. 1933 г. // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 2000. Т. 3. Кн. 2.
- 45 Большая Советская энциклопедия. (ПЯ)
- 46 Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Роковые яйца. Собачье сердце: Роман. Повести. М., 2005. С. 161–162.
- 47 Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Роковые яйца. Собачье сердце: Роман. Повести. М., 2005. С. 244–245.
- 48 Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930 годы. М., 2008.
- 49 См.: Мухин Ю.И. Сталин против кризиса. М., 2009.
- 50 Мухин Ю.И. . Сталин против кризиса. М., 2009. С. 151.
- 51 Вещиков П.И. Все для фронта! Все для победы! Или военно-экономический фактор победы в Великой Отечественной войне // Вестник Академии военных наук. 2005. № 3(12). С. 40.
- 52 Мухин Ю.И. Сталин против кризиса. М., 2009. С. 164.
- 53 Статистическая таблица ЦСУ СССР «Государственные розничные цены нормированной торговли в 1940, 1945 гг. и коммерческой торговли в 1944–1945 гг. на отдельные продовольственные товары» // Советская жизнь. 1945–1953. Сборник документов. М., 2003.
- 54 Статистическая таблица ЦСУ СССР «Государственные розничные цены нормированной торговли в 1940, 1945 гг. и коммерческой торговли в 1940, 1942, 1944–1945 гг. на отдельные непродовольственные товары» // Советская жизнь. 1945–1953. Сборник документов. М., 2003.
- 55 См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 198–199.

- 56 Цит. по: Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека 1945–1991. Курган, 2009. С. 8.
- 57 Цит. по: Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека 1945–1991. Курган, 2009. С. 9.
- 58 Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 147.
- 59 Цит. по: Репинецкий А.И. Реализация денежной реформы 1947 г. и реакция населения (на материалах Куйбышевской (Самарской) области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. 2010. № 6. С. 123.
- 60 Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы. М., 2010. С. 207–208.
- 61 Цит. по: Жирнов Е. Дело об отъеме золота у народа // «Коммерсантъ Деньги». 2 апреля 2012. № 13.
- 62 <http://www.retrovolga.ru/club/index.php?showtopic=87>
- 63 <http://nstarikov.ru/blog/23233>
- 64 Статистическая таблица ЦСУ СССР «Индексы государственных розничных цен за 1950–1955 гг. (в процентах к 1940 г., 1950 г. и предшествующему году). 1956 г.» // Советская жизнь. 1945–1953 гг. Сборник документов. М., 2003.
- 65 О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары. М., 1952. С. 3–8.
- 66 Доклад ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н.А. Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения, 3 октября 1955 г. // Советская жизнь...
- 67 Доклад ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР...
- 68 Докладная записка ЦСУ СССР Г.М. Маленкову об изменении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары по сравнению с довоенным уровнем // Советская жизнь...
- 69 Из справки начальника статистического управления Свердловской области о покупках промышленных товаров колхозниками у граждан за 1952–1953 гг. // Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953. М., 2006.
- 70 Справка ЦСУ СССР Л.П. Берия о размерах квартирной платы в СССР в 1940, 1949–1951 гг. // Советская жизнь...

- 71 Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.» // Советская жизнь...
- 72 Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.» // Советская жизнь...
- 73 Валентинов М. Зарплаты большевиков и доходы либералов // Дуэль. 24 июня 2003. № 25.
- 74 Евсеева Е.Н. СССР в 1945–1953 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. № 6. 2002. С. 181.
- 75 Евсеева Е.Н. СССР в 1945–1953 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. № 6. 2002. С. 181.
- 76 О разделении Министерства земледелия СССР на два Министерства – Министерство земледелия СССР и Министерство животноводства СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1946 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. № 12 (421). 23 апреля 1946. С. 1.
- 77 Цит. по: Евсеева Е.Н. СССР в 1945–1953 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. № 6. 2002.
- 78 Там же.
- 79 Цит. по: Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР: Тайны советской эпохи. М., 2008.
- 80 См.: Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- 81 Панин А.М. Денежная реформа 1961 г. (По документам РГАНИ) // Денежные реформы в России: История и современность. Сборник статей. М., 2004. С. 208.
- 82 Панин А.М. Денежная реформа 1961 г. (По документам РГАНИ) // Денежные реформы в России: История и современность. Сборник статей. М., 2004. С. 207.
- 83 Цит. по: Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М., 2006. С. 273.
- 84 Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М., 2006. С. 275.
- 85 Шимановский Ю. Жизнь в СССР. Сельхозработы // <http://maxpark.com/user/183008220/content/735782>

- 86 Липчинская О. Как иркутяне ездили на картошку // <http://www.kem.kp.ru/daily/24167.5/380057/>
- 87 См.: Справка о розничных ценах на товары народного потребления в 1966–1970 гг. // <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1015318>
- 88 Синеокий О.В. Апрельский мегазавод и другие предприятия грампластинок: некоторые артефакты советской рок-коммуникации // Человек и культура. 2013. № 2.
- 89 <http://anekdotov.net/anekdot/1001/index-page-36.html>
- 90 Печатать доллары так же просто, как кофе заваривать // Коммерсант. Запреля 1996. № 11. Л. 10.
- 91 Ерофеев В.В. Москва – Петушки. Поэма. М., 2007.
- 92 Цит. по: Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009. С. 142.
- 93 Цит. по: Гайдар Е.Т. Власть и собственность... С. 143.
- 94 Там же. С. 144.
- 95 Там же. С. 165.
- 96 Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 106–107.
- 97 Артем Тарасов: Миллионер из трущоб // Интервью. Люди и события (<http://interviewng.ru/530/>).
- 98 Артем Тарасов: Миллионер из трущоб // Интервью. Люди и события (<http://interviewng.ru/530/>).
- 99 См.: Загидуллина М.В. Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/za33.html>).
- 100 Цит. по: Загидуллина М.В. Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/za33.html>).
- 101 Загидуллина М.В. Мониторинг повседневности...
- 102 Известия. 1990. 18 октября. С. 1

- 103 Алексашенко С., Ясин Е. Драма бюджета. Чем обернутся ее последствия для страны в целом и для каждого в отдельности // Известия. 1990. 1 декабря. С. 4.
- 104 Васильев Б. И все же я уверен, что Россия привержена Добру // Известия. 1990. 15 июня. С. 3.
- 105 Цит. по: Загидуллина М.В. Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/za33.html>).
- 106 Цит. по: Загидуллина М.В. Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007.
- 107 Цит. по: Загидуллина М.В. Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007.
- 108 Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007.
- 109 Цит. по: Загидуллина М.В. Мониторинг повседневности: советские газеты от января к декабрю 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава первая. 1917–1924	7
1917–1918 гг.	19
1919–1921 гг.	20
Середина 1921–1922 гг.	22
«Местные инициативы»: деньги в советских регионах	23
Деноминация ноября 1922 г.	26
Монеты 1924 г.	28
Потребительская кооперация	36
Кредитная эйфория	39
Мода	40
Роскошь	42
«Обуржуазившаяся» элита	45
Глава вторая. 1925–1947	53
«Бои за получку»	54
Фальшивые червонцы	61
Повседневная жизнь	62
Блеск бриллиантов	65
И снова инфляция	69
Карточная система 1929 г.	81
Торгсин	84
Навстречу голоду	86
Денежное обращение по-новому	92
После голода	93
Третья пятилетка: дыхание войны	98
Цены на продукты	100
Война	103
Послевоенные настроения	113

Глава третья. 1947–1961	115
Как купить автомобиль в СССР на честно заработанные деньги	123
Снижение цен	126
Цена промтоваров	132
Жилищно-коммунальные услуги	133
На селе	137
Золотой паритет рубля	141
Накануне новой реформы	142

Глава четвертая. 1961–1985	149
Денежная реформа 1961 г.	150
Новочеркасский расстрел	154
Еда	159
«На картошку»	165
Московские радости для всех	170
Электротехника	172
Стиральные машины	173
Телевизор	175
Автомобили	176
Послушать музыку	179
Часы	181
Мебель	182
Пианино	186
Ребенок в доме: от соски до велосипеда	187
Одежда	188
Талоны – на все	190
Подделка государственных билетов преследуется законом	194

Глава пятая. 1985–1993	197
Финансовый кризис	198
Частная собственность как она есть	204
Легальные миллионеры	207
Выживание	210
Судьба денег	216
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	218

Для заметок

Розничная цена в России и странах СНГ - рубль

Австрия	08	18,00	Дания	09	18,00
Бельгия	09	20,00	Германия	10	18,00
Великобритания	1	1,10	Италия	11	1,10

Для заметок

на съезде
гов «Известий»
А. Степанова

Червонцы, керенки, думки, совзнаки. Что связывает эти слова с историей СССР? Ответ на этот и другие вопросы поможет найти эта книга, построенная как путешествие во времени от одной денежной реформы к другой. На ее страницах читатель обнаружит множество любопытных фактов из истории советских денег.

- Сколько стоила шестиструнная балалайка?
- Кто мог купить автомобиль «Москвич»?
- Что было дешевле: телевизор «Темп-6» или мопед «Рига III»?
- Куда исчез золотой запас Российской империи во время Гражданской войны?
- Кто был в СССР «фальшивомонетчиком № 1»?

